

ISSN 2313-8912

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

RESEARCH RESULT. THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

7(2) 2021

16+

Сайт журнала:
rlinguistics.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

RESEARCH RESULT. THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-69052 от 13 марта 2017 г.
The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El. № FS 77-69052 of March 13, 2017

Том 7, № 2. 2021
СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
Издается с 2014 г.
ISSN 2313-8912

Volume 7 (2). 2021
ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED
JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2313-8912

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: **Дехнич О.В.**, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: **Глебова Я.А.**, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия
РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: **Ляшенко И.В.**, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Алефиренко Н.Ф., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия
Аматов А.М., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия
Багана Ж., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия
Вальтер Г., доктор филологических наук, профессор, университет им. Эрнста Морица Арндта г. Грайфсвальда, Философский факультет, Институт славистики, Германия
Вишнякова О.Д., доктор филологических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
Воркачев С.Г., доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет», г. Краснодар, Россия
Златев Дж., доктор философии, профессор, Лундский университет, г. Лунд, Швеция
Карасик В.И., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград, Россия
Клепикова Т.А., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский федеральный государственный бюджетный университет экономики и финансов, г. Санкт-Петербург, Россия
Магировская О.В., доктор филологических наук, профессор, Институт филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия
Огнева Е. А., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия
Панасенко Н.И., доктор филологических наук, профессор, Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, г. Трнава, Словакия
Порхомовский В.Я., доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия
Риё Ж., доктор филологических наук, профессор, университет Ниццы-Софии Антиполис, г. Ницца, Франция
Соколова Я., кандидат филологических наук, профессор, Университет Константина Философа, г. Нитра, Словакия
Хлебда В., доктор филологических наук, профессор, Ополский университет, г. Ополе, Польша
Чекулай И.В., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

EDITORIAL TEAM:

EDITOR-IN-CHIEF: **Olga V. Dekhnich**, Ph.D. in Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia
EXECUTIVE SECRETARY: **Yana A. Glebova**, Ph.D. in Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia
ENGLISH TEXT EDITOR: **Igor V. Lyashenko**, Ph.D. in Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia

EDITORIAL BOARD:

Nikolai F. Alefirenko, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia
Alexandr M. Amатов, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia
Jerome Baghana, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia
Igor V. Chekulai, Doctor of Philology, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia
Wojciech Chlebda, Doctor of Philology, Professor, University of Opole, Opole, Poland
Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Volgograd State National Research University", Volgograd, Russia
Tatiana A. Klepikova, Doctor of Philology, professor, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia
Oksana V. Magirovskaya, Doctor of Philology, Professor, School of Philology and Language communication of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
Elena A. Ogneva, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia
Nataliya I. Panasenka, Doctor of Philology, Professor, University of St. Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovak Republic
Victor Ya. Porkhomovsky, Doctor of Philology, professor, Linguistics Institute Moscow, Moscow, Russia
Josiane Rieu, Doctor of Philology, Professor, Nice Sophia Antipolis University, Nice, France
Jana Sokolova, Ph.D. in Philology, Professor, Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovak Republic
Olga D. Vishnyakova, Doctor of Philology, Professor, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Sergey G. Vorkachev, Doctor of Philology, Professor, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia
Harry Walter, Doctor of Philology, Professor, University of Greifswald, Greifswald, Germany
Jordan Zlatev, Doctor of Philosophy, Professor of General Linguistics, Lund University, Lund, Sweden

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85.
Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod State National Research University»
Publisher: Belgorod State National Research University
Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4/year

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Данилова Е. С. Концепция базовых человеческих ценностей в восточной и западной культурах: лингвистическая репрезентация	4	Danilova Elena S. The concept of basic human values in Oriental and Occidental cultures: linguistic representation	4
Дини (Куприева) И.А., Белецкая О.С. Англоязычные заимствования в испанском языке: деятельность Королевской академии испанского языка и Фонда Фундеу в борьбе с англицизмами	13	Deeney Irina A., Beletskaya Olga S. English borrowings in the Spanish language: language policy of the Royal Academy of the Spanish language and the Fundéu BBVA regarding anglicisms	13
Глебова Я.А. Основные характеристики языкового кода нуши	21	Glebova Yana A. The main characteristics of the Nouchi language code	21
Жихарева Н. А., Яковлева Е.П. Стереотипы как средства влияния на массовое сознание в политическом дискурсе	31	Zhikhareva Natalia A., Yakovleva Elena P. Stereotypes as means of influencing mass consciousness in political discourse	31
Кожина И.Ю. Структурные характеристики переключений кодов в произведении Г. Грина «Our man in Havana»	41	Kozhina Irina Yu. Structural characteristics of code-switching in the novel "Our Man in Havana" by G. Greene	41
Леонович Е. О., Ляшенко И. В., Дрыгина Ю.А. Словесные товарные знаки коктейлей: структура и семантика	52	Leonovitch Yevgeniya O., Lyashenko Igor V., Drygina Yulia A. Cocktail verbal trademarks: structure and semantics	52
Меньшакова Н. Н. Пословица ¡CASTÍGAME MI MADRE, Y YO TRÓMPOGELAS! и особенности ее перевода на русский язык (по роману М. Сервантеса «Дон Кихот»)	67	Menshakova Nadezhda N. The proverb ¡CASTÍGAME MI MADRE, Y YO TRÓMPOGELAS! and peculiarities of its translation into Russian (from the novel "Don Quixote" by M. Cervantes)	67
Огнева Е. А. Архитектоника научно-популярного концепта-доминанты «Географические открытия» в свете интерпретативного моделирования	78	Ogneva Elena A. Architectonics of the popular science concept-dominant "Geographical Discoveries" in the light of interpretative modeling	78
Шустова С. В., Яхьяпур М. Актуализация категории инструментальности	95	Shustova Svetlana V., Yahyapour Marzieh Actualization of the category of instrumentality	95

РАЗДЕЛ II. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

SECTION II. COMPARATIVE LINGUISTICS

Жирова И. Г., Сунь С. Адаптивный перевод фразем романа Николая Островского «Как закалялась сталь» на китайский и английский языки	104	Zhirova Irina G., Sun Xingkai Adaptive Translation of Phraseological Units in Nikolai Ostrovsky's "How the Steel was Tempered" into Chinese and English	104
---	-----	---	-----

Федуленкова Т. Н. Субстантивные ФЕ-термины двухкомпонентной структуры	114	Fedulenkova Tatiana N. Substantive phraseological terms of a two-component structure	114
РАЗДЕЛ III. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ		SECTION III. LITERATURE OF PEOPLES AND NATIONS OF THE WORLD	
Велилаева Л. Р. Женщины в шотландской эмиграционной поэзии США XIX в.	128	Velilaeva Lilia R. Women in the 19 th century Scottish emigration poetry of the USA	128
Трегубова Ю.А. Лексические особенности американского юридического триллера (на материале романов Джона Гришэма)	135	Tregubova Yuliya A. Peculiar lexical features of the American legal thriller (based on John Grisham's novels)	135

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS
РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА
SECTION I. THEORY OF LANGUAGE

УДК 81'27

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-1

Elena S. Danilova

The concept of basic human values
in Oriental and Occidental cultures: linguistic representation

Belgorod State National Research University
14 Studencheskaya St., Belgorod, 308007, Russia
E-mail: elena_danilova@bsu.edu.ru
ORCID iD: 0000-0003-1556-3116

Received 29 April 2021; accepted 4 June 2021; published 30 June 2021

Abstract. The paper is focused on the lexical means representing the basic human values as perceived by various cultures and religions. Differences between the Occidental and Oriental understanding of “value” are analyzed, along with the English and Russian definition of the term. A system of knowledge and views on human values may be represented as a concept. Its components tend to reflect material benefits in the Western worldview and personal traits and spiritual values in oriental communities. In some cases, the notion of “virtue” is replaced with the “marketing-related” interpretation of “value”. In view of a weakening religious influence on the western civilization and a gradual change in morals, behavioral standards tend to be prescribed by statutory acts. At the same time, oriental practices and philosophies gain new followers among western population, as they oppose striving to harmony, purity and love of nature to contemporary anti-values typical of the consumption society. The content of “basic human values” concept and linguistic means used to explicate it are subject to constant adjustment, especially given the changing geopolitical and social reality.

Keywords: Value system; Interpretation; Concept; National mentality; Culture tradition; Behavioral standard

How to cite: Danilova, E. S. (2021). The concept of basic human values in Oriental and Occidental cultures: linguistic representation. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.7 (2), 4-12, DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-1

УДК 81'27

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-1

Данилова Е. С.

Концепция базовых человеческих ценностей в восточной
и западной культурах: лингвистическая репрезентация

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Студенческая, 14, г. Белгород, 308007, Россия
E-mail: elena_danilova@bsu.edu.ru
ORCID iD: 0000-0003-1556-3116

Статья поступила 29 апреля 2021 г.; принята 4 июня 2021 г.; опубликована 30 июня 2021 г.

Аннотация. В статье рассматриваются лексические средства экспликации системы общечеловеческих ценностей с позиций представителей различных культур и конфессий, анализируются различия между восточным и западным пониманием ценностей, трактовка понятия «ценности» в русском и английском языках. Систему представлений об основных ценностях человеческого существования можно представить в виде концепта. Компоненты, составляющие этот концепт, чаще отражают материальные блага в западном обществе, а также личностные характеристики и духовные ценности в восточных цивилизациях. В некоторых случаях отмечается вытеснение понятия «добродетели» (virtue) современным «маркетинговым» понятием «ценности» (value). Ввиду ослабления роли религии в западной цивилизации и постепенного изменения общественной морали нормы поведения и ценности закрепляются в нормативных актах. В то же время восточные практики и философские учения завоевывают приверженцев среди населения западных стран, противопоставляя стремление к гармонии, чистоте и заботе о природе современным анти-ценностям общества потребления. Содержание понятия об основных человеческих ценностях и отображающие его средства языка подвержены постоянным изменениям, особенно в условиях меняющейся геополитической и социальной реальности.

Ключевые слова: Система ценностей; Интерпретация; Концепт; Национальный менталитет; Культурная традиция; Норма поведения.

Информация для цитирования: Данилова Е. С. Концепция базовых человеческих ценностей в восточной и западной культурах: лингвистическая репрезентация // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т.7, №2. С. 4-12. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-1

Introduction

Some trends we face today, such as globalization and global migration, development of consumer society, ethnic conflicts and cultural misunderstandings, AI development and abundance of information, as well as the exacerbation of environmental and social problems lead to a misinterpretation of traditional concepts and changes in value systems. The dominant religion or philosophy could not but reflect on national value systems. Despite the seeming tolerance toward various cultures and beliefs, there are still many misconceptions and misunderstandings which may arouse tension between representatives of various cultures. This research aims at revealing similarities and differences between the interpretation of values in Occidental and Oriental world as represented with English lexemes functioning as part of the “value” concept, and at studying

written sources which explicate the value systems under study.

Scholars and specialists in religion and culture studies stress the dwindling role of religion in contemporary society. This is why values and standards may be analyzed using not only the rules prescribed by religious doctrines, but laws and regulations as well.

Russia, just as Belarus and Ukraine, has traditionally been considered as “lands in between”, pulled by their language, religion and history towards the west but also towards the former Soviet republics in the east (White, 2010). The Russian concept of value and its constituent components will therefore be analyzed separately.

Main part

Materials and methods

Basic human values have been repeatedly addressed by a number of scholars

in philosophy, psychology, religion and many others, for instance, Sh. Schwarz (2012), A. Edel (1953), T. Mueller (2009). For the purposes of this research, interpretations of the “value” concept have been compared based on English and Russian sources (Britannica, Webster’s dictionary, a Brief encyclopedia of philosophy terms) and descriptions of values typical of Western and Oriental societies. Characteristics of the “value” concept in linguo-cultural research have been studied.

The research required an analysis of reviews and publications provided by development centres, academic journals and mass media, including data provided by Carnegie-Tsinghua centre for global policy, ABC news, the New York Times, The Daly Guardian and so on.

Methods used for the research included theoretical analysis of academic sources, generalization, analysis and synthesis, induction and deduction.

Results and discussion

According to B.K. Jayanti, “The greatest cause of unhappiness is our inability to act according to our values” (Jayanti, 2020). Throughout many centuries of human development, the interpretation of values and the components of the value system have changed. The technological progress contributed to a stronger appreciation of tangible assets. This trend sometimes collides with traditional religious and moral commandments. Besides, the perception of values in the Occidental and Oriental cultures has always differed significantly.

On the one hand, globalization, travelling opportunities and the accessibility of information enables people to learn more of other cultures and even adopt their traditions, attitudes and philosophical views. The need for native population to coexist with migrants in a number of states has also required that we should pay attention to the cultural differences and moral values of other nations. Among the manifestations of the desire of peaceful coexistence is the

“tolerance” concept which has already displayed both its positive sides and “overdoing” policies. Still, there appears to be a significant gap in the way “values” are understood in the West and in the East.

In linguistics, a **value** may be represented as a specific concept. The latter is described by V.M. Maslova as “a comprehensive unit of consciousness showing us the way our knowledge of the world is structured”, therefore, “a concept also includes knowledge located beyond the linguistic meaning” (Maslova, 2011). According to the scholar, values are the core of cultural concepts, as people are “not only interested in the truth which represents an object as it is, but rather in the significance of this object *for an individual*” (Maslova, 2011). The idea that “the specifics of an individual consists in their axiological attitude to the world” (ib.) appears very logical. In fact, we may speak about values “every time when something important, sacred, preferable, dear, perfect is concerned”, when we “praise and criticize, admire and resent, admit and deny” (ib.).

The concept of “value” may be represented with various components, depending on the nation, cultural traditions, development stage, correlation between state and religion and other factors. Values make an integral part of national mentality, and the latter, in many cases, was taking shape during centuries. A difference in the interpretation of values in English-speaking countries, in Orthodox and in Oriental culture should be considered.

Sh. Schwarz argues that values should be “distinct from attitudes, beliefs, norms and traits” (2012: 17). On the other hand, A. Edel says “a man’s values may refer to all of his attitudes”, “preferences and avoidances”, “approvals and disapprovals, his criteria of taste and standard of judgement” (Edel, 1953).

In the English language, “value” is described, first of all, as “the monetary worth of something”, a fair return or equivalent in goods, services, or money for something exchanged”, “relative worth, utility, or importance, something intrinsically valuable

or desirable” (Merriam-Webster, 2021). The economic perception of “value” typical of the Occidental civilization is confirmed with the description of western political values in Encyclopaedia Britannica, where “capitalism” is among the core ones: “human rights, democracy and capitalism” (Henders, 2010). The Western perception of values is based on Sh. Schwarz’s system including self-direction, stimulation, hedonism, achievement, power, security, conformity, tradition, benevolence, universalism (Schwarz, 2012). Among other, hedonism is frequently seen as “the least attractive feature” of Western life philosophy (O’Shaughnessy, 2002) and a manifestation of a consumer approach.

In the Russian language the primary meaning of «ценность» (formal equivalent of “value”) is “a philosophical category denoting socially contingent meanings of tangible and spiritual phenomena which define the meanings of human and societal being” (Kikel, 2008). Examples of values in Orthodox Christian society include faith, hope and love (according to 1 Corinthians 13:13, “three things will last forever: faith, hope and love”), and “their observance gives birth to justice and nobility” (Maslova, 2011). Another traditional value is labour, which is “both a concept and a value being among the core value orientations in the Russian culture” (Maslova, 2011). Historically, Russians, like many nations, depended on land processing, crops cultivation, and therefore, the value of labour was closely connected with respect for the nature. According to A.V. Reprintsev, “nature was not a workshop, but a temple in Russian traditional culture” (Reprintsev, 2019). In the philosophical concept of Russian life, “labour was everything – the essence, the value, the content, the happiness and the result” (ib.).

Contemporary lifestyle and the new value system we have adopted together with the western worldviews bring about a loss of traditional values. As a result, “It is not the morality of creation, but the morality of

consumption that rejoices today” (Reprintsev, 2019).

Speaking about the values of Oriental societies, Confucianism principles still exert a strong influence in China, according to the Carnegie-Tsinghua center for global policy (Lihua, 2013). It is said that “the traditional cultural values that influence the psyche of the Chinese people are harmony, benevolence, righteousness, courtesy, wisdom, honesty, loyalty and filial piety” (Lihua, 2013), where harmony means proper and balanced coordination between things and encompasses rationale, propriety and compatibility, benevolence extends from the importance of familial ties, righteousness refers to justice and correctness, courtesy stresses modesty and prudence, wisdom requires that one distinguish right from wrong, honesty refers to trustworthiness, integrity and credibility, loyalty stresses service to the motherland, and filial piety means “respecting and supporting the family’s senior members”, “caring for the old and nurturing the young” (ib.).

The above components of the Chinese value system have a lot in common with other Oriental doctrines. J. Diaz (2018) analyzes Buddhist values in various oriental countries from the sociological perspective. Though the data obtained vary from state to state, they display a general trend toward a conscious approach to the environment. “Buddhist views and actions toward others are seeds of peace and environmental sustainability” (Diaz, 2018). The scholar finds that Buddhists “do not consider violence against others justifiable”, they “tend to do things for the good of the society” (ib.).

Though Indian Ayurveda is frequently perceived as a system of knowledge in medicine, in fact, it comprises philosophical ideas, teaching a specific attitude to life and to the environment, both social and natural, and suggests the right practices (mantra, prayer, asana practice) to keep body and mind in good condition. For instance, C. Kessler and others have studied the perception of Ayurveda by therapists and patients with

“predominantly Western background” (Kessler, 2013). Even in healthcare studies on the efficiency of Ayurvedic medicine, scholars stress that 80% of respondents (and 87% of therapists) relate Ayurveda to a philosophical system”.

The moral code of Yoga, known as Yama, specifies the following moral principles: non-violence, truthfulness, non-stealing, celibacy, non-possessiveness, purity etc. (Sharan, 2015). Thus, we can see that some of the ayurvedic values coincide with Confucianist ones.

In fact, the so-called “enchantment of the world” typical of Ayurvedic approach is supposed to “overcome the separation of matter, mind and souls” (Kessler, 2013), that is, provide balance and harmony which are so necessary in contemporary high-tech and high-speed world, especially in the western society. C. Kessler states that Ayurveda is being used by a predominantly well-educated, urban and female clientele (Kessler, 2013). The growing popularity of Oriental practices among Western nations may have various grounds: “curiosity for novel things” and frustration with modern medicine” (Kessler, 2013). In any case, by pursuing Oriental practices people cannot but perceive respective value system.

An increasing amount of studies of Buddhist values and Ayurvedic principles is now witnessed in western academic papers. This may be an attempt to repair the damage caused to the humanity by an irrational mode of life and consumer attitude to the environment and nature resources, that is, by wrong values. In fact, the “high-tech” western civilization may have grown tired of the “consumer society”, “supply and demand” principle, overproduction, pollution, information overload, deadlines, artificial products, 24/7 operation and other “civilizational benefits”. B.K. Jayanti specifies “the original qualities of love, peace, happiness, wisdom and purity” as “the core values of the self”, stressing that relations should become “a give and take with happiness and love, rather than expectation

and demand”, emphasizing the need to “respect ourselves, others, the laws of the world and the laws of nature” Jayanti, 2020). This is probably a true interpretation of value as something which is important above any imposed requirements and tangible objects, something which helps us develop spiritually and move on. “Value gives us an understanding of a different paradigm from which to operate, rather than the materialistic, consumer society” (Jayanti, 2020).

In studying the perception of Ayurvedic principles by Westerners, C. Kessler concludes that “spirituality, not religion, is the preferred self-categorization within the field of Ayurveda. The results pose the question whether individual references to traditional Christian values might have become weaker due to a loss of confidence in established western religious institutions” (Kessler, 2013).

Religious leaders do address their congregations trying to promote traditional values, kindness and tolerance. For instance, the Pope in his recent address to US citizens mentions “promoting mutual trust and fostering reconciliation and peace” (Povoledo, 2021)). However, it is a question whether religious leaders can influence political events and contribute to changes in the system of values shaped for the benefit of product manufacturers. Tim Mueller studies religiosity and attitudes towards the involvement of religious leaders in politics (2009). The scholar stresses that “levels of religiosity are lower in countries with higher development and democratization levels” (Mueller, 2009: 11), “younger as well as higher educated persons are less religious” and “higher income has a negative effect on religiosity” (ib., p. 15). These findings coincide with C. Kessler’s results, according to which more educated and well-off people in western states tend to choose alternative religions and philosophical movements rather than rely on traditional ones.

In fact, many philosophical movements and religions share ideas and values. Ideas of benevolence, non-stealing and other ones coincide with some Christian commandments

(“thou shalt not steal, thou shalt not kill”) and with the rule of giving to charity in the Five pillars of Islam. But generally, values adopted in traditional oriental philosophy and religions appear to be more focused on harmony, self-discipline and righteousness. In the West, “values” in their economy-related meaning have displaced **virtues**. Peter Harrison (2018) stresses that “for much of its history, Europe was focused on virtues rather than values”, explaining that at some point, the focus “shifted from the personal moral qualities of the individual to a focus on acts, or <...> rules” (Harrison, 2018).

We will therefore attempt to analyze the correlation between the concepts of “**value**” and “**virtue**”. As this research is focused on linguistic means, we would like to provide the definition of “virtue” provided by Webster’s Dictionary. In the English language, “virtue” is described as “conformity to a standard of right (morality); “a particular moral excellence”, “a beneficial quality or power of a thing, “manly strength or courage; “a commendable quality or trait (merit)” et cetera (Merriam-Webster, 2021). These definitions, namely, the lexemes “moral”, “quality”, “trait”, “standard of right” correspond to the axiological interpretation of the concept under study, as they enable us to differentiate between good and bad, proper and improper.

Based on the study by P. Harrison, we can suggest that the scholar interprets virtues as “personal moral qualities”. This definition coincides with other philosophic interpretations of this concept. For instance, R. Hursthouse (2018) describes the concept of a virtue as “the concept of something that makes its possessor good: a virtuous person is a morally good, excellent or admirable person who acts and feels as she should” (Hursthouse, 2018).

The correlation between values and virtues arose scientific interest many decades and even centuries ago. According to R. Perry (1914), “If Socrates were here, he might say: “Now I want to tell you whether values if one

whole, of which virtue and beauty and wealth are parts; or whether all these are only the names of one and the same thing” (Perry, 1914: 143). Thus, it remains arguable whether these are two independent concepts, or if “virtue” is only a part of a more comprehensive “value” concept, while the latter “consists in the relation of harmony or fitness” (Perry, 1914: 145).

Based on the study of various author approaches and opinions, we suggest that, for the purposes of this paper, a value should be interpreted as the core of cultural concepts representing characteristics, things and phenomena which are important, sacred or preferable for respective nation or culture. This is a generalized view of the concept under study, while its components may vary in different cultures. “Value” may be considered a more comprehensive concept than “virtue”. The latter may be represented by traits of character enabling a person to conform to standards of righteousness and morality. Thus, we consider it logical to interpret “virtue” as a component of a bigger “value” concept.

The fact that these notions become interchangeable in some papers may be explained with national differences: in the Russian mentality, the general concept of “human values” contains moral characteristics (that is, virtues), traditions and “sacred things”, while in the Oriental one it is represented with personal moral traits (i.e., virtues) and conformity with standards, and in the West mentality this concept contains such components as achievement, power and economic worth. P. Harrison mentions the shift in the Occidental value system from personal traits to more self-centered and practical approach. Among other, it may be explained with the weakening role of religion in the Western states and a rising focus on tangible benefits.

Apart from virtues, the “value” concept may include other components, such as rules, commandments, codes, behavioral standards and so on. For instance, ethical and moral

codes, life rules and recommendations are usually contained in respective religious texts. With religion gradually losing its influence in the West, moral values and commandments are replaced with codes, standards, rules and regulations, which is in line with the above findings by Harrison. In earlier times, behavioral standards used to be prescribed in holy texts or taught by word of mouth, today they are expected to be seen in conventions and laws. The European Convention on Human rights provides for the right to life, liberty and security, fair trial, freedom of thought, conscious and religion, the right to respect for private and family life, protection of discrimination etc. for all people (2010). Similar rights and freedoms are prescribed in Cairo declaration on human rights in Islam: free movement, the right to work, privacy and security, the right to own property, family as the foundation of the society, children's right to nursing education and materials, hygienic and moral care; protection of old, women and children in the war conflicts (1990). The above enables us to conclude that human life, family, freedom, work, mercy remain among the basic human values.

Thus, value systems may differ in various nations depending on people's religion, traditions, life standards, education level and age. "Value" may be represented as a concept, its components including human virtues (the concept under study is represented with lexemes denoting values or virtues (honesty, integrity, righteousness, nobility, wisdom), processes (labour) or phenomena (justice, harmony). They are explicated in the form of religious commandments, laws, conventions and so on. The value orientations in the Occidental and Oriental cultures are different, though share a few components.

Conclusion

Analysis of the theoretical resources, statutory documents and culture-related data allows for specific conclusions to be made. First, the Occidental and Oriental cultures display a persistent difference in

understanding of basic human values and virtues. The former tends to be more egocentric and focused on tangible assets, while the latter remains more traditional in attitudes to people, life and the environment. Russia is perceived as the middle between the east and the west, undergoing the influence of the consumer society on the one hand and commitment to spiritual tradition, on the other.

The meaning of the term "value" differs in English and Russian. The English interpretation of "value" has actually displaced that of "virtue". Just the opposite, Oriental value system is mainly focused on human virtues. In this paper, "virtue" is interpreted as part of a more comprehensive "value" concept and denotes conformity to a standard, moral excellence or a commendable quality or trait (merit).

In the Oriental world, values include the original qualities of love, peace, happiness, wisdom and purity, something which is important above any imposed requirements and tangible objects and which helps us develop spiritually, giving us an understanding of a different paradigm from which to operate, rather than the materialistic, consumer society. In this case, the concept under study is explicated with such lexemes as "harmony", "benevolence", "righteousness", "courtesy", "wisdom", "honesty", "loyalty", "piety", "trustworthiness", "integrity", "credibility". Contemporary Occidental axiological system is mainly based on S. Schwarz's research. The human values concept is mainly represented with such components as self-direction, stimulation, hedonism, achievement, power, security, conformity, tradition, benevolence and universalism. The concept content partially coincides in the Eastern and the Western interpretation, for instance, in terms of the "benevolence" and "tradition" components. Besides, the growing interest toward Oriental culture in Europe (as is the example with Ayurveda) may bring about another shift in values.

Besides, cross-disciplinary studies reveal that religion is losing much of its

influence in the west, as people either switch to new culture or rely on statutory acts. The situation is changing rapidly, and a number of scholars argue that younger generations and especially migrants from Asia and the Middle East are likely to become “westernized”. The linguistic aspect plays a significant role in the process, as translated versions of holy texts belonging in various religions become accessible to wider audiences, thus making the world more transparent, attracting new followers and changing the distribution of congregation in various parts of the world. Besides, the semantic meaning and content of “values” differs in many cultures, which requires a detailed linguistic and cross-disciplinary analysis. The study findings may be used in further research into axiological concepts or contemporary English religious discourse.

References

- Cairo Declaration on Human Rights in Islam* (1990), World Conf. on Hum., Rts., 4th Sess., Agenda Item, 5, available at: <https://www.fmreview.org/sites/fmr/files/FMRdownloads/en/FMRpdfs/Human-Rights/cairo.pdf> (Accessed 5 April 2021). (In English)
- Diaz, J.R. (2018). *Buddhist values and actions towards peace and environment protection. A sociological perspective*, Buddhist contribution to human development, Ayutthaya, Thailand, available at: <http://www.ub.edu/epp/wp-content/uploads/2019/07/JARD-Buddhists-Peace-Environment-IJABU2018-2.pdf> (Accessed 5 April 2021). (In English)
- Edel, A. (1953). Concept of values on contemporary philosophical theory, *Philosophy of science*, 20(3), available at: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/abs/10.1086/287264?journalCode=phos> (Accessed 5 April 2021). (In English)
- European Convention on Human Rights* (2010), European Court of Human Rights, Council of Europe. Strasbourg, available at: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_ENG.pdf (Accessed 5 April 2021). (In English)
- Harrison, P. (2018). An eccentric tradition: The paradox of ‘Western values’, *ABC religion and ethics*, 17, available at: <https://www.abc.net.au/religion/an-eccentric-tradition-the-paradox-of-western-values/10095044> (Accessed 5 April 2021). (In English)
- Henders, S. (2010). Asian values, *Encyclopaedia Britannica*, available at: <https://www.britannica.com/topic/Asian-values> (Accessed 5 April 2021). (In English)
- Hursthouse, R., Pettigrove, G. (2018). Virtue Ethics, in Edward N. Zalta (ed.), *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, available at: <https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/ethics-virtue/> (Accessed 5 April 2021). (In English)
- Jayanti, B.K. (2020). The importance of values in today’s world, *The Daily Guardian*, available at: <https://thedailyguardian.com/the-importance-of-values-in-todays-world/> (Accessed 5 April 2021). (In English)
- Kessler, C., Wischnewsky, M., Michalsen, A., Eisenmann, C., Melzer, J. (2013). *Ayurveda: Between Religion, Spirituality, and Medicine, Evidence-Based Complementary and Alternative Medicine*, available at: <https://doi.org/10.1155/2013/952432> (Accessed 5 April 2021). (In English)
- Kikel, P.V., Soroko, E.M. (2008). *Kratky entsiklopedichesky slovar filosofskikh terminov* [Brief encyclopedia of philosophy terms], Minsk, Minsk State Pedagogical University, available at: <https://terme.ru/termin/cennost.html> (Accessed 5 April 2021). (In Russian)
- Lihua, Zh. (2013). China’s traditional cultural values and national identity, *Carnegie-Tsinghua center for global policy*, available at: <https://carnegietsinghua.org/2013/11/21/china-s-traditional-cultural-values-and-national-identity-pub-53613> (Accessed 5 April 2021). (In English)
- Maslova, V.A. (2011). *Kontsepty i tsennosti: sodержaniye ponyatiy, yazykovaya representatsiya* [Concepts and values: content of notions, linguistic representation], Scholarly notes of V.I. Vernadsky Krym Federal University, 2-1, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepty-i-tsennosti-soderzhanie-ponyatiy-yazykovaya-representatsiya> (Accessed 5 April 2021). (In Russian)
- Merriam-Webster’s dictionary* (2021). Merriam-Webster, available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/valueS> (Accessed 5 April 2021). (In English)
- Mueller, T. (2009). Religiosity and attitudes towards the involvement of religious leaders in

politics. A multilevel analysis of 55 countries, *World Values Research*, 2 (1), available at:

https://www.researchgate.net/publication/273697542_Religiosity_and_attitudes_towards_the_involvement_of_religious_leaders_in_politics_A_multilevel_analysis_of_55_countries (Accessed 5 April 2021). (In English)

O'Shaughnessy, J., O'Shaughnessy, N. Marketing, the consumer society and hedonism, *European Journal of Marketing*, available at: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/03090560210422871/full/html> (Accessed 5 April 2021). (In English)

Perry, R. (1914). The Definition of Value, *The Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods*, 11 (6), 141-162, available at: https://www.jstor.org/stable/2013053?seq=5#meta_data_info_tab_contents (Accessed 5 April 2021). (In English)

Povoledo, E. (2021). Pope Francis delivers his Sunday blessing to pilgrims in St. Peter's Square for the first time in a month, *The New York Times*, available at: <https://www.nytimes.com/2021/04/18/world/pope-francis-sunday-blessing.html> (Accessed 5 April 2021). (In English)

Reprintsev, A.V. (2019). Labour as a socio-cultural and pedagogical phenomenon in traditional Russian world: mechanisms and factors of shaping ethno-cultural identity of an individual, *Electronic scientific journal of Kursk State University*, 1(49), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/trud-kak-sotsiokulturnyy-i-pedagogicheskiy-fenomen-v-traditsionnom-russkom-mire-mehanizmy-i-factory-formirovaniya-etnokulturnoy> (Accessed 5 April 2021). (In Russian)

Schwartz, S. H. (2012). An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values, *Online Readings in Psychology and Culture*, 2(1), available at:

<https://scholarworks.gvsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1116&context=orpc> (Accessed 5 April 2021). (In English)

Sharan, P.G. (2015). Spiritual dimensions of Ayurveda, *International Ayurvedic medicine journal*, 3(3), 938-946, available at: http://www.iamj.in/posts/2015/images/upload/938_946_1.pdf (Accessed 5 April 2021). (In English)

White, S., McAllister, I., Feklyunina, V. (2010). Belarus, Ukraine and Russia: East or West? *The British journal of politics and international relations*, 12(3), 344-367, available at:

<https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1111/j.1467856X.2010.00410.x?journalCode=bpia> (Accessed 5 April 2021). (In English)

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Данилова Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации НИУ БелГУ.

Elena Sergeevna Danilova, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of English Philology and Cross-Cultural Communication, Belgorod State National Research University.

УДК 811.1/.2

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-2

Irina A. Deeney¹
Olga S. Beletskaya²

**English borrowings in the Spanish language: language policy
of the Royal Academy of the Spanish language
and the Fundéu BBVA regarding anglicisms**

¹ Griboyedov Institute of International Law and Economics
21 Entuziastov Highway, 111024, r. Moscow, Russia
E-mail: kuprieva@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-1024-7053

² The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
bld. 1, 84 Vernadsky Ave., 119571, Moscow, Russia
E-mail: olbel1980@mail.ru
ORCID iD: 0000-0001-6123-6840

Received 17 May 2021; accepted 21 June 2021; published 30 June 2021

Abstract. The Italian linguist Virginia Pulcini wrote in 2002 that languages such as Italian and Dutch are considered "extroverted" languages with an open attitude toward other languages, while Spanish is considered "introverted" in its desire to limit the influence of foreign languages, especially English. Nevertheless, even "introverted" Spanish is invaded by an endless list of anglicisms. Although a lot of English words have their equivalents in Spanish, they seemed to be largely ignored by Spanish speakers. This behavior appears to be even reinforced by the media. The Internet, press, television, and radio make extensive use of English loanwords and contribute to the increasing use of English-language terms. Many countries are pursuing a fairly active language policy, which is usually a system of measures and legislation implemented by state institutions with specific social and linguistic goals in mind. Nowadays, in the age of globalization, one of such goals is a protection of the native language. Spain is not an exception. We can observe a rather purist attitude of certain Spanish institutions towards the use of anglicisms in the Spanish language. This difference in attitudes towards openness to other languages between the various countries may be explained by, among other things, the existence of linguistic institutions such as the Royal Academy of the Spanish Language (La Real Academia Española) and the Foundation of Urgent Spanish (Fundéu BBVA), which, according to many researchers, follow a restrictive policy against the use of anglicisms.

Keywords: Spanish language; Linguistic borrowings; Anglicisms; Language policy; RAE; Royal Academy of the Spanish Language; Fundéu BBVA

How to cite: Deeney, I. A., Beletskaya, O. S. (2021). English borrowings in the Spanish language: language policy of the Royal Academy of the Spanish language and the Fundéu BBVA regarding anglicisms. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.7 (2), 13-20, DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-2

УДК 811.1/2

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-2

Дини
(Куприева) И.А.¹
Белецкая О.С.²

Англоязычные заимствования в испанском языке:
деятельность Королевской академии испанского языка
и Фонда Фундеу в борьбе с англицизмами

¹ Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова
(ИМПЭ имени А.С.Грибоедова),
шоссе Энтузиастов, д.21, 111024, г. Москва, Россия
E-mail: kuprieva@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-1024-7053

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (РАНХиГС),
просп. Вернадского, 84, стр. 1, 119571, г. Москва, Россия
E-mail: olbel1980@mail.ru
ORCID iD: 0000-0001-6123-6840

Статья поступила 17 мая 2021 г.; принята 21 июня 2021 г.; опубликована 30 июня 2021 г.

Аннотация. Итальянский лингвист Вирджиния Пульчини в 2002 году написала, что такие языки, как итальянский и голландский, считаются "экстравертными" языками с открытым отношением к другим языкам, в то время как испанский язык считается «интровертным» в своём стремлении ограничить влияние иностранных языков, особенно английского. Тем не менее, даже «интровертный» испанский язык захвачен всё пополняющимся списком англицизмов. Несмотря на то, что многие английские слова имеют эквиваленты в испанском языке, они, в значительной степени, игнорируются испаноязычными людьми. Более того, средства массовой информации этому активно способствуют – интернет, пресса, телевидение и радио широко используют английские заимствования и способствуют все более широкому использованию англоязычных терминов. Многие страны проводят довольно активную языковую политику, которая обычно представляет собой систему мероприятий и законодательных актов, осуществляемых государственными учреждениями с учетом конкретных социально-языковых целей. Сегодня, в эпоху глобализации, одной из таких целей является защита родного языка. Испания не является исключением. Мы наблюдаем довольно требовательное отношение некоторых испанских официальных учреждений к использованию англицизмов. Это различие в открытости к другим языкам между различными странами может объясняться наличием определённой языковой политики уполномоченных учреждений, которыми, в частности, в Испании являются Королевская академия испанского языка (La Real Academia Española) и Фондеу (Fundéu BBVA). В статье рассматривается деятельность этих двух учреждений.
Ключевые слова: Испанский язык; Лингвистические заимствования; Англицизмы; Языковая политика; Королевская академия испанского языка; Фондеу

Информация для цитирования: Дини (Куприева) И.А., Белецкая О.С. Королевской академии испанского языка и Фонда Фундеу в борьбе с

англицизмами // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т.7, N2. С. 13-20. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-2

A language policy is a policy that a government implements in an official way by legislation and court rulings or its institutions in order to determine how language is used, to foster language skills that are required to satisfy national priorities or to establish the rights of individuals or organizations to use and maintain the official language.

Two Spanish institutions – the Royal Academy of the Spanish Language (La Real Academia Española, RAE) and the Foundation of Urgent Spanish (La Fundación del Español Urgente, Fundéu BBVA) – are the subjects of this article.

Spanish linguists note that in recent years there has been a significant increase in the use of non-adapted and "unnecessary" anglicisms in Spanish newspapers, and also in other media. They point out that all this is happening despite the existence of The RAE, and its *Diccionario panhispánico de dudas* (Pan-Hispanic Dictionary of Doubts) which proposes Spanish alternatives to non-adapted anglicisms, and the fact that almost every major Spanish newspaper has published a style book containing a list of anglicisms that should be avoided, accompanied by Spanish equivalents that should be used in place of the anglicism.

The adoption of words from other languages into Spanish, and especially the influence of English on the Spanish lexicon, has always been resisted by linguists and lexicographers as well as by social and political institutions. From the Civil War until the 1950s, during the first phase of Franco's dictatorship, Spain experienced a period of linguistic nationalism and political isolation.

Today, the attitudes of institutions towards the use of anglicisms in Spain seem to be more purist than in, for example, Italy, and the Netherlands according to the researcher Pulcini (2002), who mentioned that languages such as Italian and Dutch are considered as "extraverted" languages that

have a more open attitude towards other languages, while Spanish and French are considered by her as "introverted" languages, which want to restrict the influence of foreign languages. This difference between various countries may be explained, among other things, by the existence of linguistic institutions such as the RAE and The Fundéu, which, according to many researchers, follow a restrictive policy against the use of anglicisms.

In his interview, the Director of RAE Darío Villanueva says that borrowing between languages has always existed. The problem, he says, is that nowadays anglicisms are used without any qualms, as if the mere fact of putting the term into English makes it more valuable. "We say Fashion Week and not *Semana de la moda*, we talk about deadlines instead of *fechas límite*, we use a tablet and not *la tableta*. The reason for this is not due to any inherent reason, but to a **social behaviour** that I find inappropriate and reprehensible," he continues (*Moda: extranjerismos con equivalente en español*, 2021:14).

Google Trends allows us to track the popularity of words in the search engine, which offers us data on a scale of one to one hundred, as the company's absolute figures are absolutely opaque to an average person. Thus, we see that in the last twelve months the word *tablet* has 55 popularity points compared to the 4 that "*tableta*" has. It is an abysmal difference which is repeated with smartphone and *teléfono inteligente*, with online and *en línea*, with link and *enlace*, with community manager and *gestor de redes sociales*. In the last 15 to 20 years, marked by great technological progress, there has been a growing tendency to use anglicisms, many of which are unnecessary, according to Javier Lascurain, general coordinator of the Fundéu BBVA. It makes sense, he explains, that when a new invention is born there is a tendency to use a neologism

(for example, “smartphone”), but “running” is not something new, it existed before and was called “*correr*”. It is the same with “*cosas baratas*” (=cheap things), which are now called *low cost*.” (Porto B. P., 2018: 16).

This tendency to rename concepts, to insert anglicisms into common speech, reflects not only the cultural and technological power of the English-speaking world, which is spreading its language, but also a certain snobbery. “In this preference for using foreign words, there is also a disdain for our own and a lack of knowledge of our language,” he laments (Porto B. P., 2018: 16).

RAE: In Spain there are several institutions dealing with language rules. The most important is the official Spanish organization the Royal Academy of The Spanish Language (Spanish: La Real Academia Española, RAE) which is a scientific institution founded in Spain in 1713 with the aim of studying the Spanish language and literature, as well as acting as a regulator of the linguistic and literary norms of modern Spanish. As mentioned in the Statutes of The RAE, it has a specific task of “ensuring that the changes that the Spanish language undergoes when accommodating to the needs of its speakers do not break the essential unity that it maintains throughout the Spanish-speaking world” (Statutes of the Real Academia Española, 1993: 11). Following the example of France and Italy, the RAE was a group comprising scientists, politicians, religious and aristocrats. At that time, the Castilian language was considered to be the language of prestige in Spain, and so the RAE considered the protection of the language and guarding its purity to be its main objectives. Many researchers claim that the RAE follows a rather prescriptive approach and publishes both grammar and spelling rules, as well as lexicographical rules. In addition, the Academy follows a restrictive policy towards the use of words in Spanish that come from other languages. Darren Paffey in his article “Policing the Spanish language debate: verbal hygiene and the Spanish language academy” (2007) points out that the RAE seems to attach more im-

portance to linguistic unity and language purity than to the function of a language to meet the diverse communicative needs of its users through a natural linguistic change (D.Paffey, 2007: 6).

Some linguists claim that an overabundance of anglicisms is a linguistic catastrophe. Others, on the other hand, view it without concern, as a natural evolution of the language, and believe that Spanish can absorb anglicisms by thousands without major problems, provided, of course, that the syntactic structures of their language are kept intact. The position of The Royal Academy of the Spanish Language is a constant fight for purity from foreign-language borrowing in Spanish.

Since its inception, the RAE has shown special interest in the study and consideration of those new words that speakers periodically incorporate into the language they use on a daily basis to communicate in different contexts. Some of these novelties fall into oblivion after a while, that is why we evidence the traditional academic caution before incorporating them. In such cases as technical terms, the Internet, telecom and economic terms, there are terms that appear to describe advances and discoveries that do not always find reasonable equivalents in the lexicon used before their appearance.

According to the latest *Ortografía de la lengua Española* (Spanish Language Orthography), published by the RAE in 2010, “neologisms are usually foreign words that designate realities outside the scope of the language itself or new referents for which there are no terms of their own. They are therefore incorporated into use with the name they have in the language in which they have emerged” (*Ortografía de la lengua Española*, 2010: 17). But with the passage of time, many of these non-adapted foreign words either on the initiative of the speakers themselves or thanks to the impulse and guidance of the institutions of linguistic standardization, end up being replaced by their own words or by adaptations of the original name to the graphic-phonological

patterns of the language itself. This does not, however, prevent other foreign words, and among them many technical terms, from remaining resistant to adaptation.

The fundamental task that the founding academics of the RAE set themselves 300 years ago was to compile a dictionary of Spanish words, purifying everything that did not conform to its rules or came from the outside. It continues to be a priority task to preserve the Spanish language from unnecessary loanwords in the 21st century as well. But in the century of telecommunications, the Internet and social networks, languages are no longer as isolated from each other as they were a few decades ago, and borrowing from one language into another occurs more rapidly and more fluidly. However, the RAE has not given up its efforts and continues to propose alternatives that often, in the end, take root.

The role of language authority assumed by the RAE may be explained by the fact that the Academy is the institution that shows concern for the written and academic language and produces the official inventory of acceptable words, appropriate meanings, rules for spelling and pronunciation. Although the RAE is an institution with a long-standing tradition and branches in countries where Spanish is spoken, its main problem is that it does not always seem to keep abreast with the language changes occurring in Spanish. For example, members of the Academy see anglicisms, as a language problem, and have been trying to regulate the large number of foreign words included in the Spanish vocabulary. In his essay about the influence of English in modern Spanish, Bernal-Labrada, corresponding member of the Royal Academy of the Spanish Language, mentioned some of the attempts which were made to deal with the "problem of anglicisms" (Bernal-Labrada, 1989: 1). For example, in the 3rd Congress of Spanish language academies held in 1969, academy members agreed on forming special groups (Comisiones de Vocabulario Técnico) that were to analyze the foreign words, adopt

or reject them, look for an equivalent in Spanish or create new words to substitute them.

Nevertheless, the language policy as determined by the RAE is not always adopted by users of Spanish: E. Lorenzo in his work indicates that the lexical modernization task carried out by the RAE seems to be slow and not dynamic enough to keep up with the speed of new terminology in need to be labeled in Spanish (Lorenzo, E. 1996:3). Language regulations as proposed in the official dictionary of the RAE take about 8 or 10 years to be published, leaving time and space for the users to incorporate English words in their vocabulary and to use them widely (Statutes of the Real Academia Española, 1993: 11).

Language policies, however, have some questions to answer before being implemented. For example, J. Millán in his work argues that when trying to standardize the use of Spanish in the net, there is a concern for the kind of variety to use so that speakers feel the language proposed is familiar to them (Millán, 1997: 4). This problem demands solutions that involve the creation of neutral Spanish. He claims that it seems that so far language policies have only been focused on what words to use, and have not been effective when dealing with the 'problem' of anglicisms (Millán, 1997: 4). We should also notice that there are language policies, but users do not see the use of foreign words as a problem, so their view on how the language should be employed for communication does not fit purist ideas of Spanish usage. In spite of this mismatch between use and the language policy, nowadays, Spanish speakers have more sources of language to turn to when in doubt on how to use foreign words.

One of the main sources of language policy is the Dictionary published by the RAE. This dictionary is the official reference material for words and meanings considered appropriate by the main institution generating language policies in Spanish.

The RAE is not alone in this work – it collaborates with other specialized institutions of Spain: for example, the RAE and the National Academy of Medicine work together to improve the corresponding definitions in the Dictionary of the Spanish Language in light of the Dictionary of Medical Terms, published in September 2011. Previously, the Spanish Institute of Engineering provided a list of technical terms for incorporation into the Dictionary by the RAE, and the Institute of Biomedical Research of Barcelona, part of the Spanish National Research Council, carried out a review of all the units of physical notions recorded in the Dictionary. The RAE is also collaborating with the Spanish Association of Automotive Professionals (ASEPA), the Spanish Society of Soil Science (SECS) and some others.

All these institutions are concerned with defending the presence of Spanish in their respective subjects, preventing foreign terms from taking over certain fields of knowledge because their influence has not been promptly and opportunely counteracted by bringing into play the most appropriate tools to propose foreign words belonging to specific fields of technical language.

Fundéu BBVA: Another institution that makes recommendations regarding the use of the Spanish language is the Foundation of Urgent Spanish (La Fundación del Español Urgente, Fundéu BBVA), which was born as a department of the EFE agency in 1980. It became a foundation in 2005, under direction of the new head, Álex Grijelmo. Its main sponsors are the bank BBVA and the agency itself. The initial objective of the Fundéu BBVA is to align with the proper use of the Spanish language, especially in the media, whose influence on the development of Spanish is growing. However, it is also expanding into other fields. It collaborates with companies to issue a certificate of linguistic quality for the documents and publications they produce. Red Eléctrica Española, El Corte Inglés, Gómez Acebo & Pombo, Accenture and Iberia are some of

them. For Accenture, for example, it reviews a quarterly magazine the Outlook.

If we visit the web <https://www.fundeu.es/>, we can see how the Fundéu works with the anglicisms: by offering a Spanish word that, according to the Fundéu, is preferred to the English equivalent. We can find the most popular words in the following list:

- app – apli (aplicación);
- big data – macrodatos;
- back-up – copia de seguridad;
- bullying – acoso;
- bestseller – superventas;
- downsizing – reducción;
- engagement – enganchamiento;
- empowerment – empoderamiento;
- fact-checking – verificación de datos;
- feedback – reacciones,
- comentarios, opinions;
- kit – juego, conjunto;
- key word – palabra clave;
- start-up – empresa emergente;
- lead – entradilla o primer párrafo;
- mainstream – corriente, tendencia mayoritaria/dominante, de masas, popular;
- storytelling – narración de historias.

The Fundéu BBVA also takes part in a number of projects with the same aim – the reduction of English loan words in the areas where their use is abundant. For example, the Fundéu BBVA has created a page for the correct use of language aimed at employees of the consultancy firm Accenture. This consultancy firm contacted the Fundéu to express its concern about the incorrect use of the language by its employees. Technological concepts and barbarisms imported from English are two constant sources of misused words in the company, as well as strange translations such as *textear* or *agendar*, according to Accenture's Human Resources Director. Hence, they decided to contact the Fundéu BBVA. "We reviewed a report and found an impressive number of anglicisms," acknowledges Jaime Garcimartín, head of Expansion and Sponsorship at the institution (Fundéu BBVA, 2020: 13). This action helped him to create a corporate glossary on the website for the em-

ployees. The page created exclusively for Accenture is based on the foundation's vademecum, available to any Internet user. There is a section for queries answered by five specialists in applied linguistics. There are also recommendations for use and a section on anglicisms, which provides the meaning in Spanish of internal terminology normally used in English.

On the occasion of the new edition of the Mercedes-Benz Fashion Week in Madrid in April 2021, the Fundéu published a list of Spanish equivalents for common foreign words in the world of fashion:

backstage: bambalinas, bastidores;

casual: (estilo) informal;

catwalk: pasarela;

celebrities: famosos;

clutch: bolso de mano, bolso de fiesta, cartera;

coolhunter: cazatendencias o buscantendencias;

denim: tejido vaquero, mezclilla;

dress code: etiqueta, código de vestimenta, reglas de vestimenta;

fashion o **trendy:** de última moda, de moda, lo último, tendencia;

fitting: prueba de vestuario;

front row: primera fila;

glitter: brillante;

it-girl: chica de moda, chica icono;

jumpsuit: mono;

look: imagen, estilo, aire;

lookazo: modelazo, estilazo, imagen espectacular o buen aspecto;

lookbook: catálogo, portfolio o libreta de tendencias;

make up: maquillaje;

monochrome: monocromático, monocromo, monocolor;

monogram: monograma;

mule: babuchas, sandalias tipo babucha;

must o **must have:** (prendas, accesorios...) imprescindibles o infaltables;

new face: (para modelos) cara nueva;

outfit: conjunto;

oversize: holgado;

paillette: lentejuela;

print: estampado;

shooting: sesión fotográfica;

shopping: ir de compras;

showroom: salón de exposición;

sneakers: (zapatillas) deportivas;

sport wear: ropa deportiva;

stretch: elástico;

top model: supermodelo;

tricot: punto.

One of the latest projects by the Fundéu BBVA is a free application for Android and IOS devices containing 300 tips for writing about economic and financial topics. Its aim is to help people who work in the sector and professional journalists to use the correct language and convey information clearly and accurately.

Language institutions are not the only ones that set rules for the use of Spanish that may affect the language of the speakers of the language. We cannot but mention the importance of the media, and specifically the press, in the use of anglicisms. The use of anglicisms by the press and other media influences Spanish speakers who also use them because the press is a reflection of the society and the language of the people who are part of it. As the media (especially printed media) has a direct contact with the society, newspapers can serve as "observatories of the language in use".

In addition, newspapers have a style guide which is a set of rules that journalists must follow with regard to style. The 2014 style guide of the newspaper El País advises against the use of foreign words for which there are equivalents in Spanish, with the exception of non-Spanish words that are widely used, those that do not have an exact translation, and those that would lose part of the connotation when translated.

References

Bernal-Labrada, E. (1989). Influencias anglicanizantes en el español contemporáneo, *Boletín de la Academia Colombiana*, 39 (164-165), 139-146. (In Spanish)

Kaplan, R., & Baldauf, R. (1997). *Language planning: From practice to theory*,

Multilingual Matters, Clevedon, England. (In Spanish)

Lorenzo, E. (1995-1996). El anglicismo, problema hispánico, *Boletín de Filología*, 35, 261-274. (In Spanish)

Millán, J. (1997). Internet, una red para el español. Paper presented at Primer Congreso Internacional de la Lengua Española, Zacatecas, Mexico, available at: <http://jamillan.com/> (Accessed 10 October 2020). (In Spanish)

Navarro, F. (2006). La anglización del español: mucho más allá de bypass, piercing, test, airbag, container y spa, *En Traducción: Contacto y contagio. Actas del III Congreso Internacional El español, lengua de traducción*, Puebla (México), 213-232. (In Spanish)

Paffey, D. (2007). Policing the Spanish language debate: verbal hygiene and the Spanish language academy (Real Academia Española), *Language policy*, 6(3), 313-332. (In Spanish)

Pratt, C. (1980). *El anglicismo en el español peninsular contemporáneo*, Gredos, Madrid. (In Spanish)

Pulcini, V. (2002). Italian, In Görlach, M. (Ed.), *English in Europe*, Oxford University Press, Oxford, 151-167. (In Spanish)

Rodríguez González, F. (2002). Spanish, In Görlach, M. (Ed.), *English in Europe*, Oxford University Press, Oxford, 128- 150. (In Spanish)

Rodríguez González, F. (2012). Anglicismos en el mundo del deporte: variación lingüística y sociolingüística, *Boletín de la Real Academia Española*, 92(306), 285–309. (In Spanish)

Statutes of the Real Academia Española (1993). (In Spanish)

El País: Libro de estilo (2014). México, D.F., Aguilar. (In Spanish)

Fundéu BBVA, available at: <http://www.fundeu.es/> (Accessed 10 October 2020). (In Spanish)

Moda: extranjerismos con equivalente en español, available at: <https://www.fundeu.es/recomendacion/moda-extranjerismos-con-equivalente-en-espanol-1226/> (Accessed 10 March 2021). (In Spanish)

Una web para alejar los anglicismos de la consultoría, available at: <https://www.fundeu.es/noticia/una-web-para-alejar-los-anglicismos-de-la-consultoria-1396/> (Accessed 10 March 2021). (In Spanish)

Porto B. P. (2018). *Anatomía del anglicismo*, available at: https://www.abc.es/cultura/abci-anatomia-anglicismo-201806030253_noticia.html (Accessed 10 March 2021). (In Spanish)

Ortografía de la lengua Española, Edición Real Academia Española (RAE) (2010). (In Spanish)

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Дини (Куприева) Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова (ИМПЭ имени А.С.Грибоедова).

Белецкая Ольга Сергеевна, старший преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС).

Irina Anatolyevna Deeney, Doctor of Philological Sciences, Professor, Griboyedov Institute of International Law and Economics.

Olga Sergeevna Beletskaya, Senior Lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa).

УДК 81'282.8

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-3

Глебова Я.А.

Основные характеристики языкового кода нуши

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: glebova_ya@bsu.edu.ru
ORCID iD: 0000-0002-3604-8191

Статья поступила 29 мая 2021 г.; принята 17 июня 2021 г.; опубликована 30 июня 2021 г.

Аннотация. После обретения независимости, как и многие страны Тропической Африки, Кот-Д'Ивуар характеризуется сложной социолингвистической ситуацией. На территории страны функционируют шестьдесят наиболее динамичных ивуарийских языков, французский язык, а также новый языковой код, получивший название нуши. В статье представлен анализ языковой ситуации, объясняющий факт сосуществования многочисленных языков, выполняющих различные функции, и распространения билингвизма / полилингвизма. На современном уровне развития в Кот-Д'Ивуаре существует заметное разделение языков, функционирующих в стране, в зависимости от сферы и ситуации общения: стандартный французский язык (язык официального общения, администрации, образования, судебной системы и т. д.), ивуарийский французский язык (язык семейного общения, торговли; широко используется в повседневной жизни), местные языки (языки повседневного и внутрисемейного общения, реже – торговли). Целью статьи является выявление предпосылок возникновения языкового кода нуши, а также характеристика его структуры и некоторых особенностей функционирования в речи ивуарийцев. В статье приводятся основания для определения статуса рассматриваемого языкового кода нуши, как пиджина с несколькими языками-лексификаторами. Основу нуши составляют европейские (в первую очередь, французский, английский и испанский языки) и африканские языки, такие как дьола, бете и бауле. В результате исследования были раскрыты основные функции нуши, подчеркнуто значение пиджина в качестве средства самоидентификации ивуарийцев не только в Кот-Д'Ивуаре, но и за пределами страны. Важным представляются примеры функционирования нуши в речи ивуарийцев, отражающие национально-культурную специфику Кот-Д'Ивуара.

Ключевые слова: Нуши; Французский язык; Пиджин; Диглоссия; Кот д'Ивуар
Информация для цитирования: Глебова Я.А. Основные характеристики языкового кода нуши // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т.7, N2. С. 21-30. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-3

УДК 81'282.8

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-3

Ya.A. Glebova

The main characteristics of the Nouchi language code

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: glebova_ya@bsu.edu.ru
ORCID iD: 0000-0002-3604-8191

Received 29 May 2021; accepted 17 June 2021; published 30 June 2021

Abstract. Since independence, Ivory Coast, like many countries in Sub-Saharan Africa, has been characterised by a complex sociolinguistic situation. Sixty of the most dynamic Ivorian languages, French, as well as a new language code called Nouchi, are in operation throughout the country. This article presents an analysis of the linguistic situation, explaining the coexistence of numerous languages with different functions and the spread of bilingualism/polylingualism. In Ivory Coast, there is a marked division of the languages spoken in the country according to their scope and situation: standard French (language of official communication, administration, education, judiciary, etc.), Ivorian French (language of family communication, trade; widely used in daily life), local languages (languages of daily and intra-family communication, less often of trade). The aim of the article is to identify the preconditions for the emergence of the Nouchi language code, as well as to characterize its structure and some features of its functioning in the speech of the Ivorians. The article provides the grounds for determining the status of the Nouchi language code under consideration as a pidgin with several language lexifiers. The core of Nouchi is made up of European (primarily French, English and Spanish) and African languages such as Dioula, Beté and Baoulé. The study reveals the main functions of Nouchi, highlighting the importance of pidgin as a means of self-identification for Ivorians not only in Ivory Coast but also outside the country. Examples of the functioning of Nouchi in the speech of the Ivorians, reflecting the national and cultural specificity of Ivory Coast, appear to be important.

Keywords: Nouchi; French; Pidgin; Diglossia; Ivory Coast

How to cite: Glebova, Ya. A. (2021). The main characteristics of the Nouchi language code. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.7 (2), 21-30, DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-3

Введение (Introduction)

Социолингвистическая ситуация в Кот-Д'Ивуаре характеризуется значительным разнообразием и представляет собой «подлинную этническую мозаику, поскольку в нем насчитывается более 60 различных этнических групп, говорящих более чем на 70 языках» (Глебова, 2020: 63).

На территории страны функционируют многочисленные местные языки, французский язык, являющийся официальным языком страны, ивуарийский

французский язык, а также новый языковой код нуши.

В регионах Западной Африки представлен самый разнообразный состав населения и наибольшее количество языковых групп (Baghana, Prokhorova, 2018: 33). Ивуарийские языки, относящиеся к нигеро-конголезской макросемье, отличаются высокой устойчивостью и их условно можно разделить на 5 группы: ква, кру, гур, сенуфо и манде. Большинство ивуарийцев владеет несколькими местными

языками, среди которых вторым или третьим языком часто является дьюла из группы манде (Derive, 1986: 46). Дьюла называют языком торговли, так как он выполняет важную функцию языка-посредника межэтнического общения в этой сфере. Такое состояние ивуарийских языков неудивительно, поскольку они прекрасно адаптированы к социальной среде ивуарийцев и соответствуют их материальным и культурным потребностям.

Функционирование значительного количества ивуарийских языков на территории страны, из которых не один язык не мог претендовать на положение доминирующего национального языка, по мнению правительства, могло создавать социальное напряжение. Эти опасения способствовали тому, что именно французский язык был признан официальным языком молодого государства, согласно первой статьи новой Конституции. Этот факт подчеркивает символическое значение, которое новое государство придает французскому языку: он должен способствовать укреплению национального единства и сегодня французский язык является объединяющим фактором в стране.

Интересен тот факт, что несмотря на огромное значение французского языка для Кот-Д'Ивуара, стандартный французский язык никогда не пользовался в стране таким же престижем, как в других франкоязычных африканских странах таких как Сенегал, Габон или Демократическая Республика Конго (Kouadio N'Guessan, 2008: 184).

Ивуарийский французский язык, т.е. французский язык, в том виде, в котором он используется сегодня в Кот-Д'Ивуаре, является результатом длительного процесса, начавшегося в эпоху колонизации и продолжающегося до настоящего момента. Ивуарийский французский язык значительно отличается от французского языка Франции. Именно он выполняет основную функцию языка-посредника.

В лингвистическом плане Кот-Д'Ивуар, после обретения независимости,

характеризуется широко распространённой ситуацией диглоссии. Ч. А. Фергюсон охарактеризовал термин «диглоссия» как «достаточно стабильную ситуацию, сочетающую в себе первичные диалекты, представленные региональными вариантами и стандартным языком, а также отличающийся от них вариант, не используемый в повседневном общении. Последний может быть активно использован при составлении документов или официальных речей, а также может быть представлен в образовании, в литературных произведениях предшествующей эпохи, в другой языковой общности» (Ferguson, 1959: 330).

В.И. Беликов и Л. П. Крысин подчеркивают использование каждого из языков в определенной коммуникативной ситуации: «в официальных ситуациях (законодательстве, делопроизводстве и переписке между государственными учреждениями) используется официальный (или государственный) язык, если речь идет о многоязычном обществе, или литературная форма национального языка (в одноязычных обществах), в ситуациях же бытовых, повседневных, в семейном общении применяются другие языки, не имеющие статуса официальных или государственных, иные языковые подсистемы – диалект, просторечие, жаргон» (Беликов, Крысин, 2001: 59).

Социолингвистическая ситуация в Кот-Д'Ивуаре может быть представлена триглоссией или двойной диглоссией:

1) стандартный французский язык (является языком администрации, образования, судебной системы и т. д.) и ивуарийский французский язык (язык семейного общения, торговли; широко используется в повседневной жизни).

Всё население страны в той или иной степени использует французский язык. Так, чиновники и представители интеллигенции свободно общаются на стандартном французском языке. В свою очередь, рабочие и мелкие служащие чаще используют ивуарийский французский язык для общения друг с другом или со своим

начальством, так как они не получили достаточного образования и не владеют французским языком в совершенстве.

2) французский язык и ивуарийские языки. Рассматриваемая оппозиция достаточно ярко проявляется: местные языки выступают в качестве языков повседневного и внутрисемейного общения, реже – торговли, а французский язык, особенно в его академической форме, используется ивуарийцами для официального общения.

Основная часть (Main part)

В описанной выше сложной социолингвистической ситуации зародился в середине 1980 годов языковой код нуши. Начиная с 1980-1990-х годов активное внимание исследователей (Kouadio N. J., 1990; Lafage S., 1991, 1998, 2002; Ayewa K. N., 2005; Ahua M. B., 2008; Kouacou N. J., 2007 et 2008; Kube S., 2005; Ploog K., 2000 et 2001; Kouamé J.-M., 2013, 2014; Aboa A. L., 2008, 2011; Boutin A. B., Kouadio N'Guessan 2015; Kießling R., Mous M. 2004; Ebongué A., Hurst E. 2017) привлекает феномен нуши.

Первоначально нуши был молодежным арготом, который широко использовался малообразованными ивуарийцами, приехавшими в города и не устроившимися на хорошую работу. Однако постепенно нуши эволюционировал в пиджин, распространившийся сегодня на все слои ивуарийского общества.

Ж. Л. Хаттигер называет нуши случаем пиджинизации (Hattiger, 1983).

В.А. Виноградов отмечает, что «пиджины – структурно-функциональный тип языков, не имеющих коллектива исконных носителей и развившихся путём существенного упрощения структуры языка-источника; используются как средство межкультурного общения в среде смешанного населения» (Виноградов, 2000: 374).

Т.В. Жеребило определяет пиджин как «Вид контактного языка, возникающий в ситуации отсутствия иных способов общения.

Пиджин характеризуется:

- 1) ограниченным набором слов;
- 2) не устоявшейся грамматикой;
- 3) минимальным количеством функций;

4) отсутствием этнической базы носителей. Один из контактирующих языков считается базисным, или языком-лексификатором» (Жеребило, 2011).

К.В. Бабаев, говоря о нуши, пишет, что «уже сегодня можно говорить о функционировании в Абиджане полноценного пиджина с несколькими языками лексификаторами» (Бабаев, 2018: 161).

Мы также считаем нуши пиджином, так как сегодня у нуши отсутствует этническая база носителей, он выполняет «роль языка-посредника, являясь понятным для ивуарийцев, владеющими разными местными языками» (Kouadio, 2019) и характеризуется грамматической нестабильностью и ограниченным лексическим составом (который составляет не менее 1000 слов и выражений (Kadi, 2017)).

Основу нуши составляют европейские (в первую очередь, французский, английский и испанский языки) и африканские языки (дьюла, бете и бауле). В нуши также непрерывно образуются неологизмы. Таким образом, пиджин нуши постоянно развивается, образуя «своего рода лингвистический перекресток, на котором объединяются разных языков» (Kouamé, 2014: 141).

Выделим основные функции нуши. Первоначально нуши, как арготом, создавался для выполнения своей основной функции – конспиративной. Языковой код должен был скрывать предосудительную деятельность ивуарийцев и кодировать сообщения с целью сохранения информации внутри определенной закрытой группы. Следует заметить, что сегодня нуши используется почти всеми слоями ивуарийского общества. В связи с этим, можно говорить о том, что эта функция больше не осуществляется.

Другой функцией, на наш взгляд, является реализация стремления ивуарийцев к самоидентификации. Использование нуши позволяет ивуарийцам отойти от использования французского языка, который является языком колонизаторов и иностранным языком по своей сути. Ивуарийцы, и в первую очередь молодежь, независимо от этнического происхождения и образования, нашли способ заявить о себе как о едином народе в ситуации отсутствия ивуарийского регионального языка.

Разнообразие словарного запаса нуши характеризуется наличием лексики, пришедших из нескольких языков:

– лексика французского происхождения;

– заимствования из европейских языков (французский, английский, испанский, немецкий языки);

– заимствования из ивуарийских языков (в первую очередь, дьюла, бете и бауле);

– неологизмы.

Разберем примеры функционирования лексики нуши. Так, лексема *brouter* является примером смещения значения. В стандартном французском языке означает «пасться, обедать» и в нуши приобретает значение «интернет мошенничество».

Использование глагола в новом значении, с одной стороны, намекает на то, что мошенники ищут, «пасут», и обманывают доверчивых людей, чтобы попросить у них денег. С другой стороны, значение исходного глагола «обедать» акцентирует внимание на том факте, что мошенники получают деньги с легкостью, как «овцы, которые кормятся без усилий».

Certains jeunes réclament des ordinateurs portables à leurs parents. Il paraît qu'ils ne s'en servent pas lors de leurs études mais pour *brouter*. – Некоторые молодые люди требуют ноутбуки от своих родителей. Похоже, они используют его не во время учебы, а для мошенничества в интернете.

Для обозначения «интернет-мошенника, киберпреступника», молодые ивуарийцы используют лексему *brouteur* (фр. пастух).

Les *brouteurs* sont des vedettes en Côte d'Ivoire et au Nigeria. Leur spécialité? Contacter des hommes et des femmes en Europe via les réseaux sociaux comme Facebook, leur promettre l'amour pour au final, leur soutirer des sommes d'argent colossales (En Côte d'Ivoire, les "brouteurs", ces pros de l'escroquerie sentimentale sur Internet). – Интернет-мошенники – звезды в Кот-Д'Ивуаре и Нигерии. Их специализация? Общаться с мужчинами и женщинами из Европы через социальные сети, такие как Фейсбук, обещать им любовь и, в конечном итоге, получать от них колоссальные суммы денег.

В нуши активно функционируют заимствования из европейских языков. Ивуарийцы адаптировали лексему *daille* (возможные варианты написания: *daye* или *daïe*; от английского глагола *to die* («умирать, погибать»)) к правилам фонетики и орфографии. Слово используется в следующих значениях:

1. Человек в состоянии сильного опьянения, мертвецки пьяный. Реже лексема может быть использована для обозначения человека, находящегося под воздействием наркотических средств.

Tu étais tellement *daille* que tu tenais pas debout! (Lafage, 2002: 277). – Ты была такой пьяной, что не стояла на ногах!

2. Выражение *être daille de qqun* означает «быть безумным влюбленным» (в молодую девушку) до такой степени, что полностью зависеть от нее.

Etre daille de cette fille, quoi encore, c'est pour dire qu'il est follement amoureux de cette fille. (Lafage, 2002: 277). – *Etre daille de cette fille*, все равно означает, что он безумно влюблен в нее.

3. Молодая девушка

T'as vu la *daille* qui va là? – Вы видели девушку, которая идет туда?

La personne dont je parle n'est pas une femme au foyer. Il s'agit d'une daye qui vient d'aménager dans mon quartier (Kadi, 2017: 72). – Человек, о котором я говорю, не является домохозяйкой. Речь идет о девушке, которая недавно переехала в мой район.

4. Постоянная девушка, подруга. Перед лексемой в этом значении часто используется притяжательное местоимение:

Je te présente ma nouvelle daye la semaine prochaine. – На следующей неделе я познакомлю тебя с моей новой девушкой.

Широко распространенным в пиджине нуши является существительное *bôró*, заимствование из языка дьюла «сумка, мешок», часто служащая для сбора и хранения какао или кофе. Эта лексема используется ивуарийцами в гибридных словосочетаниях.

Так, неологизм *bôró d'enjaillement* включает в себя *bôró* (из языка дьюла «сумка»), *enjoyment* (англ. «наслаждение», адаптированная лексема), а также один из наиболее продуктивных суффиктов французского языка *-ment*. Это выражение используется для наименования своеобразной смертельной игры, в которой молодые люди бросают вызов судьбе, совершая кувьрки на крышах быстро движущихся автобусов или переходят оживленную проезжую часть с закрытыми глазами, рискуя жизнью. Некоторые ивуарийцы рассматривают эту смертельную игру как выражение юношеского отчаяния перед лицом угроз глобализации и общества, созданного взрослыми.

Le retour du bôró d'enjaillement est pris au sérieux par des éléments des forces de l'ordre, particulièrement ceux du commissariat de Police du 24ème arrondissement, sur la route de Grand-Bassam. (Abidjan: Le «bôró d'enjaillement» est de retour) – Возобновление выполнения трюков на крыше движущихся автобусов серьезно воспринимается правоохранительными органами, особенно в полицейском участке 24-го округа на дороге Гранд-Бассам.

Описанное выше словосочетание послужило основой для глагола *bôró d'enjaillementer*, означающего «развлекаться, получать удовольствие». Например, *les examens approchent [...] Pendant qu'ici on continue de bôró d'enjaillementer, à Pékin, on a décidé, pendant les épreuves, d'arrêter tout ce qui fait grand bruit.* (Lafage, 2002: 125). – Приближаются экзамены [...] Пока мы продолжаем развлекаться, в Пекине уже решили во время тестов остановить все, что может отвлекать.

Лексема *bôróman* / *bôrówoman* (*bôró* дьюла «сумка» + *man/woman* англ. «мужчина/женщина») используется ивуарийцами для обозначения «крутой девчонки» или «крутого парня». Эти лексемы часто используются для наименования ивуарийцев, участвующих в опасных трюках на крышах движущихся автобусах, о которых шла речь выше.

Il y a de ces bôrómen. Ils trouvent toujours moyen (Lafage, 2002: 125). –

Существуют такие крутые парни. Они всегда находят выход.

Интересно, что словосочетание *bôró de*, образованное в пиджине нуши, становится синонимом для выражений стандартного французского языка *beaucoup de* («много») и *une quantité de* («некоторое количество», «сумма»). Например, *bôró d'argent* ((*bôró* дьюла «сумка» + *argent* фр. «деньги») означает «куча денег».

Il va revenir avec un bôró d'argent, je vais aller lui demander crédit à son retour. – Он вернется с кучей денег, я попрошу у него кредит, когда он вернется.

Широко распространенными выражениями в языковом коде нуши являются *ya fohi!* (заимствование из дьюла) и *ya likéfi!* (заимствование из бауле), имеющие значение «все в порядке», «не беспокойся».

On peut également répondre: ya fohi!, ou ya likéfi!, juste pour dire que tout va bien. Littéralement, c'est deux expressions, inspirées du Dioula et du Baoulé (ethnies de Côte d'Ivoire) veulent dire: ya rien! Comme pour dire: «Tout est OK!» autrement dit: «Ça va!».

(Petit lexique ivoirien (2)) – Можно также ответить: *ya fohi!* или *ya likéfi!*, просто чтобы сказать, что все в порядке. Буквально эти два выражения, вдохновленные языками дьюла и бауле (этнические группы Кот-д'Ивуара), означают: *ya rien!* Как бы говоря: «Все ОК!», другими словами: «Все в порядке!»

Рассмотрим фрагмент диалога, написанного на нуши, и его переводы на французский и русский языки:

– «Y'a likéfi! C'est comment avec la daye?

On est popo, pétit. Y'a pas drap» (Ahua, 2009: 127).

– «Ca va! C'est comment avec la fille?

On est bien installé. Je n'ai pas de problème».

– «Все в порядке. Как у тебя дела с девушкой?

Хорошо устроились. У меня нет проблем».

Заметим, что автор Blaise Mouchi Ahua в своем романе «Je suis demandeur d'asile» использует диалоги на нуши для отражения национально-культурной специфики ивуарийцев-иммигрантов, проживающих в Европе. Таким образом, автор подчеркивает широкое распространение нуши и его значение для ивуарийцев.

Материалы и методы исследования (Materials and Methods)

В данном исследовании применялся комплексный подход, учитывающий как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. С целью анализа теоретических источников по исследуемой теме использовался теоретико-лингвистический метод. При работе с языковым материалом нашел применение таксономический метод для описания системы языкового кода нуши.

Важными источниками материала служат различные словари, справочники, социальные сети Twitter и Facebook, мобильные приложения (например, Dicos Nouchi), а также форум Nouchi.com.

Заключение

Появление и динамичное развитие языкового кода нуши обусловлено сложной социолингвистической ситуацией в Кот-д'Ивуаре. За несколько десятилетий нуши, возникнув как молодежное арг, широко распространился в среде ивуарийцев и приобрел устойчивые черты, характерные для пиджина. Языковой код используется почти всеми слоями ивуарийского общества, является языком-посредником, и выполняет важнейшую функцию в сложившейся социолингвистической ситуации – помогает населению страны, даже за ее пределами, идентифицировать себя как ивуарийцев.

Сегодня слова и выражения нуши встречаются повсеместно в речи людей абсолютно разных социальных классов. Также можно говорить о тенденции к распространению пиджина за пределы Кот-д'Ивуара в другие регионы Западной Африки. Благодаря нуши у иммигрантов из Кот-д'Ивуара в Европе появилась возможность идентифицировать себя как ивуарийцев, используя пиджин в качестве средства общения.

Мы присоединяемся к мнению К.В. Бабаева о перспективах развития нуши: «Учитывая, что 65 % жителей Абиджана составляют жители возраста до 25 лет, можно считать, что для завтрашнего поколения ивуарийцев нуши будет основным разговорным языком» (Бабаев, 2018: 161). На наш взгляд, исследование нуши является актуальным направлением современной лингвистики.

Список литературы

- Бабаев К.В. Введение в африканское языкознание. Языки славянских культур. 2018. 376 с.
- Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика: учебник для вузов. М.: Изд-во РГГУ, 2001. 439 с.
- Виноградов В.А. Пиджины // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 374.

Глебова Я. А. Общая характеристика местных африканских языков Кот-д'Ивуара // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. Т. 10, № 1. 2020. С. 61–68.

Жеребило Т.В. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социолингвистика: Словарь-справочник. Назрань: Пилигрим. 2011. URL: <https://rus-soc-lingvistica-dict.slovaronline.com/532-Пиджин> (дата обращения: 18 февраля 2021).

Abidjan: Le «bôrô d'enjaillement» est de retour. 2021. URL: <https://netafrique.net/abidjan-le-boro-denjaillement-est-de-retour/> (Accessed 15 April 2021).

Aboa A. L. Le nouchi a-t-il un avenir? Sudlangues, 2011. 16: 44–54.

Ahua M. B. Mots, phrases et syntaxe du nouchi. Le français en Afrique, 2008. №23. Pp. 135–150.

Ahua M. B. Je suis demandeur d'asile. Books on Demand, Paris. 2009. P. 140.

Baghana J., Prokhorova, O. N., Voloshina, T. G., Glebova, Ya. A., Raiushkina, M. Y. Some aspects of African study in the era of globalization // Espacios. 2018. Vol.39, №38. Pp. 26-33.

Boutin A. B., Kouadio N'Guessan J. Le nouchi c'est notre créole en quelque sorte, qui est parlé par presque toute la Côte d'Ivoire. In P. Blumenthal (Ed.), Dynamique des françaisafricains: Entre le culturel et le linguistique. 2015. Berne: Peter Lang, 251–271.

Derive J. and Derive M.-J. Francophonie et pratique linguistique en Côte d'Ivoire. Politique africaine 23. 1986. 42-56.

Ebongué A., Hurst E. Dynamic language: Sociolinguistic perspectives on African language, ideologies and practices. In: Augustin Ebongué & Ellen Hurst (eds). Sociolinguistics in African Contexts- perspectives and challenges. Springer. 2017.

En Côte d'Ivoire, les "brouteurs", ces pros de l'escroquerie sentimentale sur Internet. 2021. URL: <https://information.tv5monde.com/afrique/en-cote-d-ivoire-les-brouteurs-ces-pros-de-l-escroquerie-sentimentale-sur-internet-292267> (Accessed 15 April 2021).

Ferguson C.A. Diglossia // Word, 1959. Vol.15. №2. P. 325-340.

Hattiger J. L. Le français populaire d'Abidjan: un cas de pidginisation, Abiyán, Université d'Abidjan. 1983.

Kadi G.A. Le nouchi de Côte d'Ivoire Dictionnaire et anthologie Plus de 1000 mots et expressions usuels. L'Harmattan. 2017. 258 p.

Kießling R., Mous M. Urban youth languages in Africa. Anthropological Linguistics, 2004. 46(3). Pp. 303–341.

Kouadio A. Les parlers jeunes africains en contexte migratoire. L'exemple du nouchi en Allemagne. (2019) Available at: <https://www.univie.ac.at/QVR-Romanistik/wp-content/uploads/2018/12/QVR-51-52-Varium-Kouadio.pdf> (Accessed 15 April 2021).

Kouadio N'Guessan, J. Le nouchi et les rapports dioula/français. Le français en Afrique, 2008. №21. Pp. 177–191.

Kouamé J. M. Les variétés du français : entre création et hybridation // La langue française dans le monde 2014. 2014. Nathan, Paris. 576 p.

Kube S. Gelebte Frankophonie in der Côte d'Ivoire: Dimensionen des Sprachphänomens Nouchi und die ivorische Sprachsituation aus der Sicht Abidjaner Schüler. Münster: LIT Verlag. 2005. P. 390.

Kube S. La francophonie vécue en Côte d'Ivoire, Paris, L'Harmattan, 2005. 247 p.

Lafage S. L'argot des jeunes ivoiriens, marque d'appropriation ? In Parlures argotiques, langue française. Paris, Larousse, 1991. №90. Pp. 95-105.

Lafage S. Hybridation et français des rues à Abidjan. Paris. 1998. Pp. 279-291.

Lafage S. The French lexicon of Ivory Coast: appropriation and creativity // French in Africa № 17. I.L.F-CNRS. Nice. Vol 1. 2002. 864 p.

Petit lexique ivoirien (2). 2021. URL: <https://revedehaut.mondoblog.org/2016/12/03/petit-lexique-ivoirien-2/> (Accessed 15 April 2021).

References

Babaev, K.V. (2018). *Vvedenie v afrikanskoe jazykoznanie* [Introduction to African Linguistics], Jazyki slavjanskih kul'tur, Moscow, Russia. (In Russian)

Belikov, V.I., Krysin, L.P. (2001). *Sociolinguistics: textbook for universities*, Russian State University of Humanities, Moscow, Russia. (In Russian)

- Vinogradov, V.A. (2000). *Pidgins, Lingvističeskij jenciklopedičeskij slovar'*, Moscow. (In Russian)
- Glebova, Ya. A. (2020). General characteristics of local African languages in Ivory Coast, *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i pedagogika*, 10 (1), 61–68. (In Russian)
- Zherebilo, T.V. (2011). *Terminy i ponjatija lingvistiki: Obshhee jazykoznanie. Sociolingvistika: Slovar'-spravochnik* [Terms and Concepts in Linguistics: General Linguistics. Sociolinguistics: Handbook Dictionary], Pilgrim, Nazran', available at: <https://rus-soc-lingvistica-dict.slovaronline.com/532-Pidzhin> (Accessed 10 February 2021). (In Russian)
- Abidjan: *Le «bô rô d'enjailllement» est de retour* (2021), available at: <https://netafrique.net/abidjan-le-boro-denjailllement-est-de-retour/> (Accessed 15 April 2021). (In French)
- Aboa, A. L. (2011). Le nouchi a-t-il un avenir? *Sudlangues*, 16, 44–54. (In French)
- Ahua, M. B. (2008). Mots, phrases et syntaxe du nouchi, *Le français en Afrique*, 23, 135–150. (In French)
- Ahua, M. B. (2009). *Je suis demandeur d'asile*, Books on Demand, Paris, 140–141. (In French)
- Baghana, J., Prokhorova, O. N., Voloshina, T. G., Glebova, Y. A., Raiushkina M. Y. (2018). Some aspects of African study in the era of globalization, *Espacios*, 39 (38), 26–33. (In English)
- Boutin, A. B., Kouadio N'Guessan J. 2015. Le nouchi c'est notre créole en quelque sorte, qui est parlé par presque toute la Côte d'Ivoire, in P. Blumenthal (Ed.), *Dynamique des français africains: Entre le culturel et le linguistique*, Peter Lang, Berne, 251–271. (In French)
- Derive, J. and Derive, M.-J. (1986). Francophonie et pratique linguistique en Côte d'Ivoire, *Politique africaine*, 23, 42–56. (In French)
- Ebongué, A. and Hurst, E. (2017). Dynamic language: Sociolinguistic perspectives on African language, ideologies and practices, in A. Ebongué, E. Hurst (eds). *Sociolinguistics in African Contexts- perspectives and challenges*, Springer. (In English)
- En Côte d'Ivoire, les "brouteurs", ces pros de l'escroquerie sentimentale sur Internet* (2021), available at: <https://information.tv5monde.com/afrique/en-cote-d-ivoire-les-brouteurs-ces-pros-de-l-escroquerie-sentimentale-sur-internet-292267> (Accessed 15 April 2021). (In French)
- Ferguson, C.A. (1959). Diglossia, *Word*, 15 (2), 325–340. (In English)
- Hattiger, J. L. (1983). Le français populaire d'Abidjan: un cas de pidginisation, Université d'Abidjan, Abiyán. (In French)
- Kadi, G.A. (2017). *Le nouchi de Côte d'Ivoire Dictionnaire et anthologie Plus de 1000 mots et expressions usuels*, L'Harmattan, Paris, France. (In French)
- Kießling, R., Mous M. (2004). Urban youth languages in Africa, *Anthropological Linguistics*, 46(3), 303–341. (In English)
- Kouadio, A. (2019). Les parlers jeunes africains en contexte migratoire. L'exemple du nouchi en Allemagne, available at: <https://www.univie.ac.at/QVR-Romanistik/wp-content/uploads/2018/12/QVR-51-52-Varium-Kouadio.pdf> (Accessed 15 April 2021). (In French)
- Kouadio N'Guessan, J. (2008). Le nouchi et les rapports dioula/français, *Le français en Afrique*, 21, 177–191. (In French)
- Kouamé, J. M. (2014). Les variétés du français: entre création et hybridation, in Wolff A.(ed.), *La langue française dans le monde*. (In French)
- Kube, S. (2005). Gelebte Frankophonie in der Côte d'Ivoire: Dimensionen des Sprachphänomens Nouchi und die ivorische Sprachsituation aus der Sicht Abidjaner Schüler, LIT Verlag, Münster. (In German)
- Kube, S. (2005). *La francophonie vécue en Côte d'Ivoire*, Paris, L'Harmattan. (In French)
- Lafage, S. (1991). L'argot des jeunes ivoiriens, marque d'appropriation? *Parlures argotiques, langue française*, Paris, Larousse, 90, 95–105. (In French)
- Lafage, S. (1998). *Hybridation et français des rues à Abidjan*, Paris, France, 279–291. (In French)
- Lafage, S. (2002). The French lexicon of Ivory Coast: appropriation and creativity, *French*

in Africa № 17, I.L.F-CNRS, Nice, France. (In French)

Petit lexique ivoirien (2021), available at: <https://revedehaut.mondoblog.org/2016/12/03/petit-lexique-ivoirien-2/> (Accessed 15 April 2021). (In French)

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Глебова Яна Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Yana Andreevna Glebova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Second Foreign Language, Belgorod National Research University.

УДК 81'42

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-4

Жихарева Н. А.¹
Яковлева Е.П.²

**Стереотипы как средства влияния на массовое сознание
в политическом дискурсе**

¹ Горловский институт иностранных языков,
ул. Рудакова, д. 25, г. Горловка, 284626, ДНР
E-mail: znata9@gmail.com
ORCID iD: 0000-0002-5762-2703

² Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
пер. Учебный, д. 8, г. Симферополь, 295015, Россия
E-mail: lena-yakovleva81@mail.ru
ORCID iD: 0000-0002-6482-7360

Статья поступила 30 апреля 2021 г.; принята 16 июня 2021 г.; опубликована 30 июня 2021 г.

Аннотация. СМИ, играющие важнейшую роль в политическом дискурсе, являются средством формирования общественного мнения и политической реальности. Восприятие и освещение важнейших событий политической жизни мирового сообщества происходят с их помощью. Общественные убеждения, знания и мнения формируются посредством дискурса из тех источников, которые кажутся авторитетными, доверительными и надежными, каковыми часто оказываются СМИ. В работе рассматривается политический дискурс, его функции, основной из которых является персуазивная. Дается обзор средств влияния на формирование общественного политического сознания, одним из которых является стереотип. Актуальность работы заключается в изучении формирования, функционирования стереотипов и их прагматического потенциала в речевых стратегиях и тактиках, а также влияние стереотипов на конструирование политической реальности. В фокусе нашего исследования находится возникновение и функционирование стереотипов и образов как средств влияния на общественное сознание в политическом дискурсе, роль и место стереотипов в манипулятивных стратегиях, применяемых политическими акторами, систематизация уровней и речевых способов реализации ориентирующего воздействия речевых стереотипов на адресата в политическом дискурсе, роль менталитета в формировании стереотипов, а также семантическая доминанта и идеологема как компоненты стереотипов. Ведущим принципом, используемым при обзоре данных компонентов, является их систематизация.

Ключевые слова: Политический дискурс; Стереотип; Речевые средства; Семантическая доминанта и идеологема

Информация для цитирования: Жихарева Н. А., Яковлева Е.П. Стереотипы как средства влияния на массовое сознание в политическом дискурсе // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т.7, №2. С. 31-40. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-4

УДК 81'42

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-4

Natalia A.
Zhikhareva¹
Elena P. Yakovleva²

Stereotypes as means of influencing mass consciousness in political discourse

¹ Gorlovka Institute for Foreign Languages
25 Rudakov St., Gorlovka, 284626, DPR
E-mail: znata9@gmail.com
ORCID iD: 0000-0002-5762-2703

² Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University
8 Uchebnaya St., Simferopol, Republic of Crimea, 295015, Russia
E-mail: lena-yakovleva81@mail.ru
ORCID iD: 0000-0002-6482-7360

Received 30 April 2021; accepted 16 June 2021; published 30 June 2021

Abstract. The media, which play a crucial role in political discourse, are a means of shaping public opinion and political reality. The perception and coverage of the most important events of the political life of the world community are achieved through them. Public beliefs, knowledge and opinions are formed through discourse from sources that seem authoritative, trustworthy and reliable, as the media often turn out to be. The paper examines political discourse, its functions, the main of which is persuasive. The article reviews the means of influencing the formation of public political consciousness, one of which is a stereotype. The relevance of the work is to study the formation and functioning of stereotypes and their pragmatic potential in speech strategies and tactics, as well as the influence of stereotypes on the construction of political reality. The focus of our research is the emergence and functioning of stereotypes and images as means of influencing public consciousness in political discourse, the role and place of stereotypes in manipulative strategies used by political actors, systematization of levels and speech methods of implementation of the guiding influence of speech stereotypes on the addressee in political discourse; the role of mentality in the formation of stereotypes, as well as the semantic dominant and ideologeme as components of stereotypes. The main principle used in the analysis of these components is their identification and systematization.

Keywords: Political discourse; Stereotype; Speech means; Semantic dominant and ideologeme

How to cite: Zhikhareva, N. A., Yakovleva, E. P. (2021). Stereotypes as means of influencing mass consciousness in political discourse. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.7 (2), 31-40, DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-4

Введение (Introduction)

Политический дискурс представляет собой значимое явление в жизни общества и является достаточно сложным объектом исследования. Однозначного определения дискурса не существует, он входит в

области изучения разных дисциплин – политологии, психологии, лингвистики. Можно согласиться с мнением таких исследователей как С. Н. Плотникова и С. В. Домышева, которые предлагают разделить политический дискурс на

дискурс политиков (обращение) и дискурс реагирования (реакция на дискурс политика) (Плотникова, Домышева, 2009). По отношению к политическому дискурсу дискурс политика первичен, а дискурс реагирования вторичен. Дискурс политика имеет институциональный характер, в то время как дискурс реагирования является неинституциональным (Домышева, 2007).

К основным функциям политического дискурса по мнению Р. Водак относятся: персуазивная, информативная, аргументативная, персуазивно-функциональная, делимитативная, группо-выделительная, контролирующая функция, интерпретационная функция, функция социальной идентификации, агональная функция (Водак, 1997).

Мы согласимся с мнением А. П. Чудинова, который считает, что «главная функция политической коммуникации – борьба за политическую власть на основе использования коммуникативной деятельности: политическая коммуникация призвана оказать прямое или косвенное влияние на распределение власти (путем выборов, назначений, создание общественного мнения и др.) и ее использование (принятие законов, издание указов, постановлений и др.). Политическая коммуникация отражает существующую политическую реальность, изменяется вместе с ней и участвует в ее преобразовании» (Современная политическая коммуникация, 2009: 7).

По нашему мнению, в политическом дискурсе в наименьшей мере используется информативная функция, так как в материалах, представляемых СМИ, практически отсутствует объективная подача информации. Материалы обычно сопровождаются комментариями или оценочными суждениями журналистов или ведущих телепрограмм. И так как политический дискурс имеет, в основном, агональный характер, основными «рычагами» воздействия на аудиторию являются информирование, убеждение и

побуждение к действию. Мы согласимся с мнением многих исследователей, что основной целью политического дискурса является, прежде всего, не информирование аудитории, а убеждение, и побуждение к действию. Эта цель реализуется при помощи различных манипулятивных стратегий, тактик и приемов.

По мнению Т. Ван Дейка, источником получения политических знаний, убеждений для большинства людей являются журналисты, политики, политологи, чиновники, имеющие доступ к публичному дискурсу, люди, чье мнение считается авторитетным (Dijk, 1998). Современные средства массовой информации на сегодняшний день являются основным источником распространения стереотипов. СМИ имеют практически неограниченные персуазивные возможности, которые влияют на общественное самосознание и вытесняют индивидуальные установки и мнения.

Теоретический обзор (Theoretical Review)

В статье рассматривается вопрос влияния стереотипов и образов на отношение к политическим событиям и суждения общественности относительно политической или экономической реальности. При исследовании политического дискурса язык является главным инструментом достижения коммуникативной цели. Стереотип рассматривается как часть прагматической стратегии, обеспечивающий персуазивный эффект. Источником появления стереотипов является разного рода информация, освещаемая СМИ, особенно сенсационного характера.

В методологии мы ориентируемся на работы отечественных и зарубежных исследователей политического дискурса. Принципы и методы, которые находят применение в работах С. Г. Кара-Мурзы, В. В. Красных, Е. И. Шейгал, Ю. Н. Карау-

лова, внесли значительный вклад в решение теоретических и практических проблем, связанных с изучением средств влияния на массовое сознание в политическом дискурсе.

Основная часть (MAIN PART)

Как отмечает А. П. Чудинов, «Стереотипы возникают в силу действия двух тенденций человеческого сознания: стремления к конкретизации, то есть сближению абстрактных сущностей с какими-то конкретными образами, и тенденции к упрощению, редукционизму, суть которой сводится к выделению нескольких признаков в качестве ведущих для обозначения сложных явлений» (Чудинов, 2012: 46). Термин «социальный стереотип» был введен в 1922 г. американским журналистом У. Липпманом (Липпманн, 1922). Человек получает знания о предмете или явлении от каких-либо авторитетных для него источников, которые замещают в его сознании личные установки и мнения, формируя стереотип. Социальный стереотип является достаточно устойчивым явлением. По мнению таких исследователей, как Е. В. Харченко «стереотипизация служит одной из важнейших характеристик восприятия межгруппового и межличностного и отражает схематизированность, аффективную окрашенность, присущую определенной форме социальной перцепции» (Харченко, 2003: 118).

По мнению А.В. Павловской «стереотипы позволяют человеку составить представление о мире в целом, выйти за рамки своего узкого социального, географического и политического мира» (Павловская, 1998: 17).

Е. И. Рогов определяет стереотип как «устойчивый и в то же время упрощенный образ какого-либо явления в условиях нехватки информации. Именно стереотипы позволяют человеку существенно сократить время реагирования на изменяющуюся реальность, ускорить процесс познания» (Рогов, 2006: 193).

По мнению В. О. Поповой и Е. А. Балезиной, к основным функциям социального стереотипа относится манипулирование общественным сознанием, что особенно актуально для политического дискурса. Таковы, например, политические или экономические стереотипы, транслируемые массам с целью формирования их ценностей и установок (Попова, Балезина, 2015: 92).

По мнению Ю. Н. Караулова стереотип сочетает в себе различные уровни языковой личности, такие как вербально-ассоциативный, лингвокогнитивный и мотивационно-аффективный (Желудкова, 2019).

Материал и методы исследования (Materials and Methods).

В данной работе идет речь о стереотипах, их применении в речи как средств влияния на общественное сознание и в конструировании политической реальности. Мы проводим анализ теоретического материала, дифференцируя и систематизируя уровни реализации ориентирующего воздействия речевых стереотипов на адресата в политическом дискурсе, выявляем роль менталитета в формировании стереотипов, а также рассматриваем семантическую доминанту и идеологему как компоненты стереотипов. Предметом исследования является функционирование стереотипа в политическом дискурсе. В работе мы используем общенаучные методы описания, анализа и систематизации.

Исследуя стереотипы, ученые сталкиваются с трудностями в связи с их классификацией. Этнические и этнокультурные стереотипы являются культурно детерминированными и базируются на менталитете и отражают особенности национального характера носителя языка. Понятие «речевой стереотип» можно рассматривать как «схему» речевого поведения, которая определяется стратегиями и тактиками, применяемыми адресатом в процессе коммуникации.

При таком подходе стереотипы рассматриваются как «знаки, которые являются вербальной фиксацией определенным образом опредмеченных потребностей данной социальной группы, этноса, национально-культурного ареала» (Красных, 2002: 177), как «фиксированное отражение некоторой деятельности, продукты которой выступают в роли предметов, удовлетворяющих определенным потребностям» (Красных, 2002: 177).

Так как политический дискурс имеет агональный характер, функция языка заключается в оказании персуазивного воздействия на адресата в процессе речевого взаимодействия. Данная функция языка проявляется на самых различных уровнях дискурсивной деятельности и реализуется при помощи различных языковых инструментов в зависимости от прагматических целей коммуникантов. Оценочная, инструментальная и персуазивная функции тесно взаимосвязаны, результатом этого является формирование у адресата определенного мышления, положительного или отрицательного отношения к политическим событиям.

Использование речевых стереотипов на *волюнтаристском* уровне речевого воздействия призвано выражать волю адресанта, оказывать суггестивное действие, ориентировать аудиторию на определенные выводы и действия, воздействуя на нее при помощи вербальных и невербальных средств.

Так как речевой стереотип представляет собой речевую формулу, формирующую эмоционально-окрашенный ментальный образ, наиболее ярко его воздействие происходит на *аффективном* уровне речевого воздействия. В данном случае ориентирующее языковое воздействие происходит на уровне чувств и эмоциональных состояний адресата с целью вызвать определенные психические, осознанные или неосознанные реакции. По мнению В. В. Красных, «стереотип есть

некоторая структура ментально-лингвального комплекса, формируемая инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих образ-представление феномена, стоящего за данной единицей, в его национально-культурной маркированности при определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей» (Красных, 2002: 232).

У. Липпман считает, что стереотип представляет собой упрощенный образ реальности, который позволяет справиться с восприятием сложной для человека реальности (Липпманн, 1922). Основным принципом суггестивного воздействия на адресата в данном случае является формирование эмоционального восприятия информации, события или объекта у адресата. Чем образ, возникающий в сознании адресата, ярче, тем эффективнее проходит суггестивное воздействие. Суггестия выступает манипуляционным средством политического дискурса, целью которой является некритическое восприятие адресатом сообщаемой ему информации, противоположной его убеждениям, формирующейся при помощи вербальных и невербальных средств. Механизмы внушения могут быть как прямыми, так и косвенными. Прямое внушение происходит при помощи прямого речевого воздействия на человека и является менее эффективным, так как оно вызывает внутреннее сопротивление у внушаемого. Косвенное воздействие происходит с использованием промежуточного действия или раздражителя с целью усиления эффекта. В результате воздействия на аффективном уровне у адресата происходит коррекция аксеологических установок, изменяется психическое состояние, и как следствие, поведенческая реакция.

Результатом воздействия речевого стереотипа на *аксиологическом* уровне является формирование положительной

или отрицательной оценки адресатом факта или явления политической реальности. Оценочность является основой таких когнитивных механизмов, как концептуализация и категоризация, которые формируют когнитивную деятельность человека. Однако, следует также учитывать, что существуют универсальные стереотипы, воспринимаемые большинством в социуме, и неуниверсальные, воспринимаемые не всеми представителями нации из-за неоднозначности их оценки.

Речевые стереотипы функционируют на разных уровнях языковой иерархии:

- семантическом (уточнения, оценочные слова, метафора),
- синтаксическом (противопоставление, сравнение),
- прагматическом (слова и выражения с модальным значением, оценочной коннотацией, слова с эмотивной, экспрессивной, стилистической и идеологической нагрузкой),

На когнитивно-познавательном уровне у адресата формируется альтернативная картины мира, посредством когнитивных механизмов категоризации и концептуализации формируются новые взгляды и представления. На когнитивно-познавательном уровне реализуются основные функции политических ток-шоу, такие как:

- коммуникативная (при помощи определенных речевых средств и приемов адресант преподносит информацию, формирующую выгодную ему картину политической реальности путем привлечения внимания к информации, подтверждающей его точку зрения, игнорируя информацию, которая не соответствует ей);
- инструментальная функция реализует призыв к действию, обеспечивает мобилизацию адресата;
- эмотивная функция способствует повышению градуса эмоций адресата и адресанта. Эмоциональный фон общения является важнейшим компонентом воздействия на аудиторию и оппонента, направ-

лен на решение определенных прагматических задач, что способствует укреплению доминирующей позиции адресанта в коммуникации;

– метаязыковая функция обеспечивает взаимопонимание в процессе коммуникации. Функционирующие в политическом дискурсе термины и понятия не всегда понятны зрителю и требуют разъяснения, поэтому метаязыковая функция характерна для эффективного воздействия в политическом дискурсе.

Как отмечает В. А. Рыжков, а вслед за ним Е. Г. Желудкова «стереотипизированными могут быть не только вербальные единицы, но и целый текст» (Желудкова, 2019: 186).

Анализируя влияние стереотипов на общественное сознание с семантико-стилистической точки зрения, необходимо упомянуть семантические доминанты. По мнению О.В. Морозовой, понятие «семантическая доминанта» сходно с понятиями «ключевые слова» (Морозова, 2018: 34). Семантическая доминанта включает в себя совокупность языковых значений и глубинных смыслов, как индивидуальных, так и архитипических. Мы полагаем, что для того, чтобы систематизировать коммуникативное поведение носителей языка, обобщить разрозненные факты и сориентироваться в межкультурной коммуникации, выявить стереотипизированные единицы речи, необходимо выделять речевые доминанты или идеологемы.

По мнению таких исследователей, как Н. А. Купина, А. П. Чудинов, Т. Б. Радбиль, идеологема – это воплощение вербальными средствами идеологических, политических, социальных установок, «любое словесное обозначение значимых для личности духовных ценностей, при котором как бы размывается прямое, предметное значение слова, а на первый план выходят чисто оценочные, эмоционально-экспрессивные коннотации, не имеющие опоры в непосредственном содержании слова»

(Радбиль, 1998: 22), которые формируют в обществе определенную устойчивую идеологию. Понятия «семантическая доминанта» и «идеологема» образуют семантический центр текста. Они дифференцируются тем, что идеологема реализуется только в текстах идеологической направленности. Со временем идеологема формирует стереотип сознания и закрепляется в нем, отражая установки и ориентиры общества на конкретном отрезке его развития (Клушина, 2008). При изменении социально-политической обстановки в государстве происходит изменение социальных идеологем, что влечет за собой появление новых ориентиров в массовом сознании. На месте старых идеологем появляются новые, которые корректируют массовое сознание общества. Идеологемы являются эффективным средством языковой манипуляции за счет эмоциональной окраски и яркого образа они закрепляются в сознании общества, формируя определенные политические установки и ориентиры. Идеологемы формируют тексты преимущественно политического дискурса и являются совокупностью идеологических, политических, социальных установок, выраженных вербальными средствами.

Заключение (CONCLUSIONS)

Политический дискурс представляет собой значимое явление в жизни общества. Функциями политического дискурса является формирование политической реальности и коррекция картины мира адресата. Язык является не просто каналом передачи информации о простых явлениях, фактах или поведении людей, а и «механизмом», воспроизводящим и создающим социальный мир, является средством воздействия на зрительскую аудиторию, с целью конструирования особой политической реальности и медиакартины мира. Общественность приобретает убеждения, знания и мнения посредством дискурса из тех источников,

которые им кажутся авторитетными, доверительными и надежными, каковыми часто оказываются СМИ. Политический дискурс имеет персуазивную направленность, эффективность которой зависит от выбора речевых стратегий, тактик, речевых средств и приемов, формирующих мировоззрение адресата, его отношение к политическим событиям. Анализируя средства влияния на общественное сознание, мы выделили основные, которые реализуются многообразными речевыми средствами на различных языковых уровнях.

Стереотип является обязательным компонентом национального коммуникативного поведения. В формировании социально-политической реальности участвуют также семантические доминанты (промежуточное звено между языковыми средствами политического дискурса и вербализованными в них концептами, создающие ядро текста) и идеологемы, которые являются языковыми средствами, формирующими политические и идеологические установки адресата. Мы считаем, что при изучении функционирования стереотипов в политической речи определенного коммуникативного сообщества следует обязательно рассматривать лингвокультурологическую и этнолингвистическую составляющие, так как стереотипы неразрывно связаны с традициями, языком, менталитетом и культурой.

Список литературы

- Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград: Перемена, 1997. 138 с.
- Домышева С. А. Политический дискурс vs дискурс реагирования: оценка политика как «человека неискреннего» в средствах массовой информации // Вестник Челябинского гос. ун-та, 2007. № 22. С. 41-44.
- Желудкова Е. Г. Роль речевого стереотипа в формировании стереотипа поведения (на материале французской социальной рекламы) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21.

№ 1. С. 185-190. DOI:
<https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-185-190>

Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод // Пер. с англ. 2-е изд., испр. Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. 352 с.

Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. М.: Медиа-Мир: Фак. журналистики МГУ, 2008. 242 с.

Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.

Купина Н. А. Идеологическое состояние лексики русского языка // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург, 1997. С. 134-145.

Морозова О. В. Речевые способы формирования образа России в российских и американских СМИ: Дисс. ... кан. филол. наук. Саратов, 2018. 150 с.

Никитина К. В. Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006. 22 с. URL: <http://cheloveknauka.com/tehnologii-rechevoy-manipulyatsii-v-politicheskom-diskurse-smi> (дата обращения 10.02.2021).

Павловская А. В. Россия и Америка: проблемы общения культур. Россия глазами американцев 1850-1880-е гг. М.: Изд-во МГУ, 1998. 302 с.

Плотникова С. Н., Домышева, С. А. Политическое дискурсивное пространство: принципы структурирования // Политическая лингвистика, 2009. Вып. 27. С. 103-108. URL: http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling27/ling_27_09.pdf (дата обращения 20.05.2021).

Попова В. О., Балежина Е. А. Роль средств массовой информации в формировании стереотипов массового сознания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. № 2. С. 88-94.

Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира // Изд. 4-е, стер. М.: Берлин: Директ-Медиа, 2015. 101 с.

Радбиль Т. Б. Мифология языка Андрея Платонова: монография. Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 1998. 114 с.

Рогов Е. И. Общая психология. Курс лекций. Ростов: Изд-во «ВладосПресс», 2006. 448 с.

Современная политическая коммуникация: Учебное пособие / Отв. Ред. А.П. Чудинов / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2009. 292 с.

Тошович Б. Доминанты русского языка XX столетия // Восьмой международный симпозиум МАПРЯЛ. Доклады и сообщения. Велико Тырново, 2002. С. 23-32.

Харченко Е. В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. 336 с.

Чудинов, А.П. Политическая лингвистика. Москва: Флинта, Наука, 2012. 256 с.

Шмелева Т. В. Ключевые слова текущего момента // Collegium, 1993. № 1. С. 33-38.

Dijk T.A. van. Opinions and Ideologies in the Press // Approaches to Media Discourse / Bell A. and Garret P. (ed.). Blackwell Publishers Ltd. 1998. Pp. 21-64.

Habermas J. Die Einbeziehung des Anderen: Studien zur politischen Theorie // Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1997. 404 p.

Hundhausen C. Propaganda: Grundlagen, Prinzipien, Materialien, Quellen. // Girardet, 1975. 256 p.

Klaus G. Sprache in der Politik / G. Klaus. – Berlin: Deutscher Verl. Der Wissenschaften, 1971. 294 p.

Kotler P., Gertner D. Country as brand, product, and beyond: a place marketing and brand management perspective // Journal of Brand Management. 2002. № 9 (4/5). Pp. 249-261.

Lassuel H. The Structure and Functions of Communication in Society [Text] // The Communication of Ideas. 1948. № 4. Pp. 45–50.

Lippmann W. Public opinion. Harcourt, Brace and Company, 1922. 427 p.

Phillips N. What is Discourse Analysis? Investigating Processes of Social Construction [Text]. CA: Thousand Oaks, Sage. 2002. Pp. 1-18.

Scollon R. Mediated Discourse as Social Interaction. A study of News Discourse [Text]. L. and N.Y.: Longman, 1998. 315 p.

Watson J. Media Communication. An Introduction to Theory and Process [Text]. New York: Palgrave Macmillan, 2003. 217 p.

References

Vodak, R. (1997). *Yazyk. Diskurs. Politika* [Language. Discourse. Politics], Peremena, Volgograd, Russia. (*In Russian*)

- Domysheva, S. A. (2007). Political discourse vs response discourse: assessment of a politician as an "insincere person" in the media, *Bulletin of the Chelyabinsk State un-ty*, Chelyabinsk, Russia, 22, 41-44. (In Russian)
- Zheludkova, E. G. (2019). The role of speech stereotype in the formation of a stereotype of behavior (based on the material of French social advertising), *Bulletin of the Kemerovo State University*, Kemerovo, Russia, 21 (1), 185-190. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-185-190>. (In Russian)
- Jorgensen, Marianne W. and Phillips, Louise J. (2008). *Diskurs-analiz. Teorija i metod* [Discourse analysis. Theory and method], Izd-vo Gumanitarnyj Tsent, Russia. (In Russian)
- Klushina, N. I. (2008). *Stilistika publicisticheskogo teksta* [Stylistics of a journalistic text], Media-Mir, Moscow, Russia. (In Russian)
- Krasnykh, V. V. (2002). *Ethnopsycholinguistics and linguoculturology, Lecture course*, Gnosis, Moscow, Russia. (In Russian)
- Kupina, N. A. (1997). The ideological state of the vocabulary of the Russian language, *Russian word in language, text and cultural environment*, Yekaterinburg, 134-145. (In Russian)
- Morozova, O. V. (2018). Speech methods of the image forming of Russia in the Russian and American media, Ph.D. thesis, Saratov, Russia. (In Russian)
- Nikitina, K. V. (2006). Technologies of speech manipulation in the political discourse of the media: Abstract of Ph.D. dissertation, Ufa, Russia, available at: <http://cheloveknauka.com/tehnologii-rechevoy-manipulyatsii-v-politicheskom-diskurse-smi>. (Accessed 10 February 2021). (In Russian)
- Pavlovskaya, A. V. (1998). *Rossija i Amerika: problemy obshhenija kul'tur* [Russia and America. Problems of communication of cultures], Moscow, Russia. (In Russian)
- Plotnikova, S. N. and Domysheva, S. A. (2009). Political discourse space and its structural organization, *Political Linguistics* [Online], 27, 103-108, available at: http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling27/ling_27_09.pdf. (Accessed 20 May 2021). (In Russian)
- Popova, V. O. and Balezina, E. A. (2015). The role of the media in the formation of stereotypes of mass consciousness, *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, 2, 88-94. (In Russian)
- Popova, Z. D. and Sternin, I. A. (2015). *Yazyk i natsional'naja kartina mira* [Language and national picture of the world], Direct-Media, Moscow: Berlin. (In Russian)
- Radbil, T. B. (1998). *Mifologija yazyka Andreja Platonova: monografija* [Mythology of the language of Andrei Platonov: monograph], Publishing house of NGPU, Novgorod, Russia. (In Russian)
- Rogov, E. I. (2006). *Obshhaja psikhologija. Kurs leksij* [General psychology. Lecture course], VldosPress Publishing House, Rostov, Russia. (In Russian)
- Sovremennaja politicheskaja kommunikatsija [Modern political communication] (2009), in Chudinov A. P. (Ed.), *Ural. state ped. un-t, Yekaterinburg, Russia*. (In Russian)
- Toshovich, B. (2002). Dominants of the Russian language of the twentieth century, *Eighth International Symposium MAPRYAL. Reports and messages*, Veliko Tyrnovo, 23-32. (In Russian)
- Kharchenko, E. V. (2003). *Modeli rechevogo povedenija v professional'nom obshhenii* [Models of speech behavior in professional communication], SUSU Publishing House, Chelyabinsk, Russia. (In Russian)
- Chudinov, A. P. (2008). *Politicheskaja lingvistika* [Political linguistics], Flinta, Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)
- Shmeleva, T. V. (1993). Key words of the current moment, *Collegium*, 33-38. (In Russian)
- Dijk, T.A. van (1998). Opinions and Ideologies in the Press, *Approaches to Media Discourse*. Bell A. and Garret P. (ed.), Blackwell Publishers Ltd, 21-64. (In English)
- Habermas, J. (1997). *Die Einbeziehung des Anderen: Studien zur politischen Theorie*, Frankfurt am Main: Suhrkamp. (In German)
- Hundhausen, C. (1975). *Propaganda: Grundlagen, Prinzipien, Materialien, Quellen* Essen: Girardet (In German)
- Klaus, G. (1971). *Sprache in der Politik*, Berlin: Deutscher Verl. Der Wissenschaften (In German)
- Kotler, P., Gertner, D. (2002) Country as brand, product, and beyond: a place marketing and brand management perspective, *Journal of Brand Management*, 9 (4/5), 249-261. (In English)
- Lassuel, H. (1948). The Structure and Functions of Communication in Society, *The Communication of Ideas*, 4, 45-50. (In English)

Lippmann, W. (1922). *Public opinion*, Harcourt, Brace and Company. (In English)

Phillips, N. (2002). *What is Discourse Analysis? Investigating Processes of Social Construction*, CA: Thousand Oaks, Sage, 1-18. (In English)

Scollon, R. (1998). *Mediated Discourse as Social Interaction*. A study of News Discourse, L. and N.Y.: Longman, 315. (In English)

Watson, J. (2003). *Media Communication. An Introduction to Theory and Process*, Palgrave Macmillan, New York, USA. (In English)

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Жихарева Наталия Анатольевна,
декан филологического факультета, кандидат

филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков».

Яковлева Елена Павловна,
преподаватель кафедры английской филологии Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова.

Natalia Anatolievna Zhikhareva, Dean of Philological Faculty, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Romance and Germanic Philology, State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages».

Elena Pavlovna Yakovleva, Lecturer of the Department of English Philology, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University.

УДК 81'246.2

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-5

Кожина И.Ю.

**Структурные характеристики переключений кодов
в произведении Г. Грина «Our man in Havana»**

Череповецкий государственный университет,
пр. Луначарского, д. 5, г. Череповец, 162600, Россия
E-mail: iiumishintceva@chsu.ru
ORCID iD: 0000-0002-8126-2349

Статья поступила 25 апреля 2021 г.; принята 19 мая 2021 г.; опубликована 30 июня 2021 г.

Аннотация. Переключения кодов – распространенное явление в художественной литературе, однако работ, в которых анализируются их особенности, намного меньше, чем исследований устных переключений. Примером произведения, изобилующего переключениями кодов, структура которых не описана, является роман Г. Грина «Our Man in Havana». Цель нашей статьи – описать структурные особенности переключений кодов в этом произведении. Для анализа используется «Классификация по месту появления в речи» Г.Н. Чиршевой. Наиболее частотными в произведении оказались внутрифразовые переключения (52%), за ними следуют переключения-выбор кода (36%), а затем межфразовые ПК (12%). Высокая частотность внутрифразовых ПК объясняется тем, что они в отличие от двух других типов встречаются не только в речи персонажей, но также и в авторском повествовании. Кроме того, по подобному типу переключаются билингвальные персонажи, а среди ключевых героев таких большинство. С помощью выбора кода автор идентифицирует героев-монолингвов, поскольку они строят свои реплики на одном языке, являющемся гостевым относительно текста произведения.

Ключевые слова: Художественный билингвизм; Переключение кода; Структурные типы; Матричный язык; Гостевой язык

Информация для цитирования: Кожина И. Ю. Структурные характеристики переключений кодов в произведении Г. Грина «Our man in Havana» // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т.7, N2. С. 41-51. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-5

УДК 81'246.2

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-5

Irina Yu. Kozhina

**Structural characteristics of code-switching in the novel
“Our Man in Havana” by G. Greene**

Cherepovets State University,
5 Lunacharsky St., Cherepovets, 162600, Russia
E-mail: iiumishintceva@chsu.ru
ORCID iD: 0000-0002-8126-2349

Received 25 April 2021; accepted 19 May 2021; published 30 June 2021

Abstract. Code-switching is a widespread phenomenon in fiction, although there are much less works researching into their peculiarities than into oral code-switching. “Our Man in Havana” by G. Greene is an instance of a literary text that abounds in code-switching, which has not been studied yet. The main aim of the work is to describe the structural characteristics of code-switching in this novel. The analysis of structural peculiarities of code-switching was made with the help of the *Classification of occurrence in speech* developed by G.N. Chirsheva. In the novel the most frequent switches are intrasentential (52%), then code selection takes place (36%), and then intersentential switches appear (12%). High frequency of intrasentential code-switchings is the result of the fact that they occur both in the speech of characters and in the author’s words in contrast to the other structural types. Besides that, bilingual characters switch with this type of code-switching, and the majority of characters are bilingual. The author identifies monolinguals with the help of code selection, as they say their remarks only in one language, which is embedded in the novel.

Keywords: Bilingualism in fiction; Code-switching; Structural types; The Matrix language; The embedded language

How to cite: Kozhina, I.Yu. (2021). Structural characteristics of code-switching in the novel “Our Man in Havana” by G. Greene. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.7 (2), 41-51, DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-5

Введение

Мультилингвизм в обществе приводит к появлению переключений кодов в речи индивидов, владеющих несколькими языками. Художественная литература всегда отражала языковую ситуацию социума, поэтому на протяжении истории литературы билингвальные писатели наделяли своих персонажей двуязычием и задействовали переключения кодов в произведениях. Например, в английской литературе переключения были уже в средневековых текстах и отражали трилингвальную общественную ситуацию, совмещающую английский, латинский и французский языки (Rothwell, 1994; Wogan-Browne, 2009; Hunt, 2011; Schendl, Wright, 2011; Jefferson, Putter, 2013; Schendl, 2015). В дальнейшем развитии литературы билингвальные писатели также задействовали в своих произведениях несколько языков (Мишинцева, 2011). Так, произведения Грэма Грина, одного из представителей англоязычной литературы начала XX века, изобилуют переключениями кодов. В частности, в

произведении «Our Man in Havana» встречаются переключения на испанский, латинский, французский и немецкий языки.

Под переключением кодов (ПК) понимается «специфическая способность билингва успешно участвовать в двуязычном типе коммуникации, осуществляя выбор языка в соответствии с экстралингвистическими факторами (компонентами коммуникативной ситуации), соединять в одном высказывании, предложении или словосочетании единицы двух языков, не нарушая при этом грамматические нормы матричного языка» (Чиршева, 2012: 295).

Шпионский детектив «Our Man in Havana» опубликован в 1958 году. Действие в романе происходит на Кубе в 50-е годы XX века. Главным героем произведения является англичанин Джим Уормолд, много лет работающий на Кубе в Гаване. Сюжет и все его события связаны с тем, что в начале романа Дж. Уормолда завербовывает английская разведка.

Автор романа Грэм Грин (1904-1991) – английский писатель XX века, в произведениях которого можно

обнаружить переключения с английского языка на другие. Билингвальность Г. Грина определяется фактами его биографии. Он родился в семье директора школы, закончил исторический факультет в Баллиол-колледже Оксфордского университета. Г. Грин много ездил по миру в связи с работой (был разведчиком и корреспондентом). Писатель был в Либерии, Мексике, Сьерра-Леоне, Португалии, Индокитае, Южном Вьетнаме, на Кубе и имел дом во Франции (Грин, Грэм // Энциклопедия «Кругосвет»).

Образование, работа и путешествия оказали влияние на формирование билингвизма автора. В его произведениях встречаются ПК на испанский, французский, немецкий и латинский языки. В данной статье анализируются структурные особенности переключений в произведении «Our Man in Havana».

Как в устной речи, так и в художественном тексте переключения происходят не беспорядочно, а в соответствии с определенными грамматическими правилами. На протяжении истории изучения билингвальной речи основное внимание исследователей уделялось устным переключениям (McClure, 1998; Jonsson, 2010; Sebba, 2012), хотя, как отмечает Дж. Липски, исследование переключений кодов в письменных текстах может дать широкий спектр лингвистической, психологической и эстетической информации (Lipski, 1982: 192). Научных работ, в которых описываются ПК в художественной литературе, в частности их структурные особенности, не так много в сравнении с устными ПК (Timm, 1978; Rudin, 1996; Trotter, 2000; Adams et al, 2002; Callahan, 2004; Davidson, 2010; Kleinhentz, Busby, 2010; Mullen, James, 2012; Gardner-Chloros, Weston, 2015; Mullen, 2015; Schendl, 2015). Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что структурные модели, разработанные для анализа устных переключений подходят также и для

исследования переключений в письменных текстах, в частности в художественных произведениях.

Основная часть: цель работы, материалы и методы исследования

Цель нашей работы – описать структуру переключений кодов в произведении «Our Man in Havana». Для исследования используется «Классификация переключений кодов по месту появления в речи» Г.Н. Чиршевой (Чиршева, 2004) и «Модель рамки матричного языка» (the Matrix Language Frame Model) К. Майерс-Скоттон (Myers-Scotton, 1997).

«Модель рамки матричного языка» (Модель РМЯ) подходит для анализа внутрифразовых переключений кодов» (Мишинцева, 2011: 73), где между грамматиками «двух языков наблюдается тесное взаимодействие» (Мишинцева 2011: 74). Для этой модели важны два противопоставления – 1) матричного и гостевого языков (МЯ и ГЯ; the Matrix Language, the Embedded Language); 2) содержательных и системных морфем. При построении высказывания с переключением кодов «матричный язык (принимающий) играет главную структурную роль, а единицы гостевого языка (принимаемого) внедряются в высказывания на МЯ» (Мишинцева 2011: 35). Морфосинтаксическая рамка предложения заполняется системными морфемами матричного языка, МЯ также определяет порядок следования морфем в высказывании. В билингвальном высказывании могут появиться системные элементы ГЯ, но только те, которые позволяет МЯ (Myers-Scotton, 1997). МЯ в произведении «Our Man in Havana» – английский, а ГЯ – испанский, латинский, французский и немецкий языки. Под системными морфемами понимаются функциональные служебные элементы, а под содержательными – знаменательные (Myers-Scotton, 1997).

В «Классификации по месту появления в речи» Г.Н. Чиршевой помимо внутрифразовых переключений выделяются также межфразовые, т.е. когда одно предложение говорится на одном языке, а соседнее предложение – на другом, и выбор кода – ПК между репликами в диалогической речи, когда одна реплика строится на одном языке, а следующая – на другом. В этих двух типах (межфразовые ПК и выбор кода) взаимодействие грамматик двух языков исключается (Чиршева, 2004). Внутрифразовые переключения подразделяются на два вида: 1) между частями предложения и во вводных словах (clause-switches, parenthetical switches); 2) в пределах словосочетания. Для внутрифразовых ПК в пределах словосочетания важно противопоставление содержательных и системных морфем модели РМЯ. Если компонент ГЯ не имеет системных морфем и внедряется в морфосинтаксическую рамку МЯ только в составе содержательной морфемы, то такое переключение называется вкраплением, т.е. это одиночная лексическая единица ГЯ. Если же присутствуют системные элементы ГЯ, т.е. содержательная морфема сопровождается системной морфемой ГЯ, или же появляются несколько содержательных морфем ГЯ, где порядок их следования устанавливается гостевым языком, то такое внутрифразовое переключение называется островом ГЯ (Чиршева, 2020).

Материал исследования представлен высказываниями и диалогическими единствами, содержащими переключения кодов, выбранными методом сплошной выборки из произведения «Our Man in Havana» Г. Грина. Выбранные фрагменты произведения содержат 33 переключения с английского на испанский, латинский, французский и немецкий языки. В работе применяется метод структурного анализа для выявления структурных особенностей переключений, а также метод

количественного анализа по параметрам: структурные типы ПК, гостевые языки.

Переключения встречаются в романе как в авторском повествовании, так и в речи персонажей. Рассмотрим известную нам информацию об основных героях, которая может быть релевантной для описания их речевого образа. Главный герой – Джеймс Уормолд британец по национальности, но живет и работает на Кубе в Гаване уже много лет. Герою 45 лет, не имеет высшего образования, владеет магазином, в котором продают пылесосы, завербован британской разведкой. Уормолд свободно говорит на испанском, родным языком персонажа является английский. Милли – дочь главного героя (ей 17 лет), родилась на Кубе (мать Милли тоже британка по национальности), свободно говорит на английском и испанском, учится в американской католической школе при монастыре.

Беатриса (возраст около 31 года) – секретарь Джеймса Уормолда, работает на британскую разведку, билингв с высоким уровнем владения английским и французским языками (ее мать – француженка). Тереза – танцовщица в ночном клубе, завербована Дж. Уормолдом как вымышленный секретный агент, говорит только по-испански. Капитан Сегура – полицейский, живет и работает в Гаване. Испанский – родной язык персонажа, но в произведении он разговаривает, в основном, по-английски.

Результаты исследования и их обсуждение

Рассмотрение переключений кодов начнем с выбора кода, затем перейдем к межфразовым и внутрифразовым переключениям (между частями предложения и в пределах словосочетания), приводя примеры для каждого типа ПК (рядом с каждым примером будет указан перевод ПК на русский язык, гостевой язык, а также место в книге, где встретилось переключение).

Выбор кода

Выбор кода бывает в нескольких вариациях: в иницирующей или реагирующей реплике со сменой кода, или сохранением кода. Любой из вариантов мы рассматриваем как переключение, поскольку относительно всего текста произведения они являются вставками, даже если переключение происходит в иницирующей реплике с сохранением кода в реагирующей. В позиции выбора кода всего было обнаружено 12 ПК (36%), из них 9 – на испанский, 2 – на немецкий, 1 – на французский, 1 – на латинский. Такой тип переключений связан, в основном, с тем, что не все персонажи билингвально, поэтому билингвам приходится переключаться в разговоре с монолингвальными собеседниками. Рассмотрим примеры.

'Who are you?'

'Soy Teresa.'

Beatrice said, 'Is that Teresa? You said she was fat – like that one with the mask.' (Greene, 2015: 71), («Я Тереза», исп., Часть 4, Глава 1). Переключение на испанский происходит в речи танцовщицы Терезы, монолингвального персонажа, владеющего только испанским языком. На вопрос, заданный по-английски, она отвечает по-испански, поскольку не может говорить на языке иницирующей реплики. Эта особенность прослеживается и в других диалогах данного героя. Например,

The girl, now that she had no choice, adjusted the coat for modesty and leant comfortably back. She said, 'Hay mucha corriente.'

'What's she saying?'

'She's complaining of the draught,' Wormold said. (Greene, 2015: 72), («Какой сильный сквозняк», исп., Часть 4, Глава 1). В данном примере Терезе принадлежит иницирующая реплика, ответная реплика – на английском. Подобные переключения помогают создать речевую характеристику персонажа, раскрывают его монолингвальность. Другие монолингвальные персонажи также

переключаются по типу выбора кода. Например,

'What's happening?' Beatrice asked.

A voice hissed, 'Psst, psst!' It was the negro who had been sweeping the passage. He said, 'Policia!' (Greene, 2015: 71), («Полиция!», исп., Часть 4, Глава 1) – переключение на испанский в речи монолингвального гаванца, дворника по профессии.

'Paso algo?' he asked.

Wormold said in Spanish that he was looking for a girl called Teresa. The man suggested that Maria would do just as well. He pointed his screwdriver at the fat woman (Greene, 2015: 71), («Что-нибудь случилось?», исп., Часть 4, Глава 1) – переключение на испанский в речи монолингвального гаванца, рабочего в ресторане.

В речи билингвальных персонажей также встречается этот тип переключений, но он объясняется уже другими причинами. Например, главный персонаж Джеймс Уормолд переключается на испанский язык, обращаясь к испаноязычным героям:

'Buenos dias,' Wormold said. He looked at all strangers in the shop with a habitual suspicion. (Greene, 2015: 5), («Добрый день», исп., Часть 1, Глава 1) – Уормолд обращается к покупателям, заходя в свой магазин.

Переключение в речи Беатрисы на французский язык в реагирующей реплике в диалоге с Милли, дочерью Уормолда:

'What smell do you use, Beatrice?'

'Sous Le Vent.' (Greene, 2015: 106), («Под ветром», фр., Часть 5, Глава 4). В речи Беатрисы ПК вызвано темой разговора и коммуникативной потребностью употребить французское название. Персонаж использует выражение на французском, не добавляя ничего в этой реплике, поэтому ПК принимает вид выбора кода.

Таким образом, с точки зрения взаимодействия грамматик двух языков этот тип переключений неинформативен, поскольку взаимодействия не наблюдается,

но выбор кода предполагает высокий уровень компетенции персонажа в языке, на который происходит переключение, поскольку это целая реплика. Вместе с тем, автор использует подобные переключения для характеристики персонажей-монолингвов – свои реплики они строят на одном языке (главным образом, на испанском), которым владеют в отличие от билингвов, общающихся, в основном, по-английски. Здесь также можно проследить разницу в социо-прагматических характеристиках персонажей: те, кто переключается как выбор кода, поскольку выбора языка не имеет, в произведении имеют более низкий социальный статус. Например, танцовщица Тереза, рабочий в ресторане, дворник и некоторые другие. Билингвы, с которыми общаются перечисленные монолингвы заняты социально более высоко оцениваемой деятельностью – Уормолд, Беатриса и др. Переключения-выбор кода возможны только в речи героев, в авторском повествовании подобный тип ПК не встречается, поскольку он бывает только в диалогической речи.

Межфразовые переключения

Межфразовые переключения оказались самыми немногочисленными в нашем материале – 12% (4 примера: 3 – испанский, 1 – латинский). В этом типе переключений также не наблюдается взаимодействия морфологии, синтаксиса и лексики матричного и гостевого языков, также нельзя сделать вывод и о компетенции героев в языках переключений, поскольку не все герои строят свои предложения правильно:

He was just about to open the Lamb when a voice said, 'Put up your hands. *Arriba los manos.*'

'*Las manos*,' Wormold corrected him. He was relieved to see that it was Hawthorne. (Greene, 2015: 23), («Руки вверх», исп., Часть 1, Глава 4). Первая реплика принадлежит представителю английской разведки Готорну, чей родной язык английский, а компетенция в испанском

недостаточна, поэтому переключаясь на испанский в ожидании испаноязычного собеседника, он делает ошибку, которую исправляет вошедший в помещение Уормолд.

He said, 'Who in God's name...?' and then to the policeman with whom he had been playing, '*Anda!*' (Greene, 2015: 77), («Ходи!», исп., Часть 4, Глава 1). Капитан Сегура переключается в пределах одной реплики, обращаясь к разным собеседникам. Основную коммуникацию он ведет по-английски, т.к. его собеседники – Уормолд и Беатриса, а обращаясь к своему испаноязычному напарнику, с которым он играл в шашки, переключается на испанский язык.

Как и выбор кода, в авторской речи межфразовые переключения не встречаются. Все переключения приходятся на речь персонажей.

Внутрифразовые переключения

Внутрифразовые переключения (17 единиц, 52%) в произведении «Our Man in Havana» встречаются как в речи героев (10 ПК), так и в речи автора (7 ПК), что нехарактерно для других типов переключений. В авторском повествовании они происходят на разные языки – испанский, латинский, французский, немецкий. Герои переключаются на те языки, владением которыми их наделил автор (Уормолд – испанский, Беатриса – французский, латинский, Милли – французский, Лопез – испанский, Готорн – французский). Рассмотрим сначала ПК между частями предложения, а затем острова ГЯ и вкрапления.

Переключения между частями предложения

ПК между частями предложения всего 3 единицы – 1 на испанский язык в речи Лопеза, и 2 на латинский в речи Беатрисы и авторском повествовании.

'I want to talk to you, Lopez.'

'*Si*, Senior Vomell.' (Greene, 2015: 31), («да», исп., Часть 2, Глава 1). Лопез – гаванец, его родной язык – испанский. ПК происходит в независимой части

предложения, выраженной междометием «si» («да»), однако в этом предложении также есть обращение, которое Лопез всегда использует в английских диалогах с Уормолдом.

'That's not what you are planning. But if you are dead,' she said with what sounded like anger, '*de mortuis* I suppose.' (Greene, 2015: 108), («о мертвых...(говорят только хорошее)», лат., Часть 5, Глава 4). В речи Беатрисы переключение на латинский, в котором она хотела процитировать поговорку, появляется как часть сложного предложения.

'You are drunk, Wormold.' It was so much easier, Wormold found, to imitate drunkenness after how many Scotch and Bourbon? You can trust a drunk man *-in vino veritas*. (Greene, 2015: 113), («истина в вине», лат., Часть 5, Глава 5). В авторской речи переключение на латинский появляется тоже как цитата известной поговорки. Таким образом, для цитирования автор использует ПК между частями предложения, добавляя к цитатам фразы на матричном языке. Цитирование латинских выражений в виде части предложения существует давно, встречалось и в ранней английской литературе. В частности, отмечают частое переключение на готовые фрагменты латинских цитат в средневековых английских религиозных текстах (Schendl, 2015). Большинство латинских переключений в английских религиозных поэмах представляют собой полные или сокращенные цитаты из Библии или богослужебных книг и добавляют авторитетности английским текстам (Putter, 2009). По мнению лингвистов готовые фрагменты хранятся как единицы ментального лексикона и часто встречаются в современной монологической речи (Erman, Warren, 1999; Backus, 2003). Кроме того, переключение с целью цитирования – это одна из наиболее ранних описанных функций ПК (Gumperz, 1982).

Острова ГЯ

Островные переключения представлены 10 примерами, из них 7 – на французский язык (4 – Милли, 1 – Беатриса, 1 – Готорн, 1 – автор), 2 – на испанский (в речи автора), 1 – на латинский (в речи автора). В этих переключениях наблюдается более тесное взаимодействие между грамматиками двух языков, поскольку островные ПК входят в состав предложения в определенной синтаксической позиции.

'He doesn't speak English either.'

'I expect he speaks French, My mother was French. I'm bi-lingual.'

'I don't know whether he does or not. I'll find out.'

'You know, you oughtn't to have all these names written like this *en clair* on the cards. (Greene, 2015: 56), («открыто», фр., Часть 3, Глава 2). Французское переключение в речи Беатрисы состоит из двух содержательных морфем: предлога *en* и существительного *clair*, вместе они образуют остров французского языка, находящийся в позиции обстоятельства образа действия.

'Marie, a French girl at the convent, says that all true love is a *coup de foudre*.'

'Is that the kind of thing you talk about at the convent?' (Greene, 2015: 52), («любовь с первого взгляда, фр., Часть 3, Глава 2). Милли в разговоре со своим отцом, цитируя французскую одноклассницу, переключается на французский язык. ПК представляет собой остров ГЯ, находится в синтаксической позиции предикатива, и состоит из двух содержательных морфем: существительных *coup* и *foudre* и системной морфемы – предлога, передающего значение родительного падежа, *de*.

В целом, острова ГЯ встречаются в позиции дополнения в 6 случаях, в позиции предикатива – в 2х, в позиции обстоятельства образа действия – в 2х. Такой порядок соответствует Гипотезе импликационной иерархии ГЯ в рамках

модели РМЯ (Myers-Scotton, 1997). Согласно этой гипотезе, «чем ближе к ядру высказывания, тем меньше вероятность у элемента ГЯ появиться в качестве острова ГЯ» (Мишинцева, 2011: 70). Поэтому острова ГЯ редко появляются в позиции подлежащего, и чаще в позициях второстепенных членов предложения.

Вкрапления

Вкрапления немногочисленны в тексте произведения – 4 единицы (2 – в речи автора на испанский и немецкий язык, 1 – в речи Уормолда на испанский язык, 1 – в речи Беатрисы на французский язык). В виде вкраплений появляются существительные(2) в синтаксических позициях обстоятельства места и определения, прилагательное в позиции дополнения и личное местоимение в позиции подлежащего. Рассмотрим пример:

'No, no,' Wormold said. 'That's not Teresa. She's Teresa's sister. Soy means sister.' (Greene, 2015: 71), («я», исп., Часть 4, Глава 1). В этой реплике Уормолд объясняет Беатрисе, что значит слово, которое она слышала. Хотя слово переводится как «я», Уормолд намеренно вводит в заблуждение Беатрису, не знающую испанский язык, переводя его как «сестра». ПК представляет собой вкрапление, поскольку состоит из единичной лексической единицы гостевого языка, не оформленной системными морфемами матричного языка, и находится в синтаксической позиции подлежащего.

Анализируя вкрапления исследователи подразделяют их на пиджинизированные переключения, голые формы и собственно вкрапления (Чиршева, 2020). Пиджинизированными называют вкрапления оформленные системными элементами матричного языка, требуемыми синтаксической позицией. Как правило, это любая синтаксическая позиция кроме подлежащего. Голые формы – наоборот, вкрапления, у которых отсутствуют необходимые грамматические показатели матричного языка. И собственно вкраплениями называют переключения,

синтаксическая позиция которых с точки зрения матричного языка не требует системных элементов, т.е. лексемы используются в их исходной форме, что согласуется с правилами МЯ (как правило, это позиция подлежащего). Однако для нашего материала подразделение вкраплений на такие типы неактуально, поскольку английский, будучи аналитическим языком, не требует словоизменительных аффиксов существительных и прилагательных во второстепенных синтаксических функциях. Поэтому все наши вкрапления относятся к собственно вкраплениям.

Закключение

В произведении «Our Man in Havana» представлены переключения всех возможных структурных видов с разным количественным распределением: выбор кода – 12 (36%), межфразовые ПК – 4 (12%), внутрифразовые ПК – 17 (52%). По-разному проявляется структура ПК в авторской речи и в речи героев. В речи героев встречаются все структурные типы переключений, а в речи автора только внутрифразовые. Отсутствие выбора кода в авторской речи объясняется спецификой этого вида переключений – реализация только в диалогической речи, что невозможно в авторском повествовании. Наиболее естественно в авторской речи появляются внутрифразовые ПК – острова ГЯ, вкрапления, ПК между частями предложения.

Выбор кода используется автором для речевой характеристики монологических персонажей. Такие персонажи могут взаимодействовать с билингвами (основные герои произведения двуязычны) только на своем родном языке, поэтому автор включает их реплики на гостевом языке в общение на матричном английском языке.

Межфразовые и внутрифразовые ПК принадлежат только героям-билингвам, поскольку внутри одной реплики (в межфразовых) или предложения (внутрифразовых) задействованы сразу два

языка. Наиболее частотны и показательны по языковому репертуару внутрифразовые переключения, потому что герои и автор переключаются на все гостевые языки произведения: испанский, латинский, французский и немецкий. Более тесное взаимодействие грамматик двух языков наблюдается в островах ГЯ и вкраплениях, поскольку они входят в морфосинтаксическую рамку предложения: острова в виде дополнения, обстоятельства образа действия и предикатива, а вкрапления в виде подлежащего, дополнения, определения и обстоятельства места.

Изучение структурных особенностей переключений кодов в художественном тексте важно, поскольку, во-первых, раскрывает специфику взаимодействия морфосинтаксических явлений двух языков в произведении и предлагает новый материал для анализа в рамках контактной лингвистики; во-вторых, помогает составить речевой образ персонажей произведения и рассказчика, охарактеризовать их как билингов или монолингов, а также открывает новый аспект стилистических исследований.

Список литературы

Грин Г. Энциклопедия «Кругосвет». URL: http://www.https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/GRIN_GREM.html (дата обращения: 05.04.2021).

Мишинцева И.Ю. Переключения кодов в художественных произведениях: Дисс. ...канд. филол. наук. Череповец, 2011. 211 с.

Чиршева Г.Н. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. СПб: Златоуст, 2012. 488 с.

Чиршева Г.Н. Двухязычная коммуникация. Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2004. 190 с.

Чиршева Г.Н. Структурные характеристики переключений кодов в русских высказываниях детей-билингвов в России и США // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, №3. С. 33-47.

Adams J.N., Janse M., Swain S. Bilingualism in Ancient Society: Language

Contact and the Written Word. Oxford: Oxford University Press, 2002. 483 p.

Backus A. Units of codeswitching: Evidence for multimorphemic elements in the lexicon // Linguistics. 2003. Vol. 41(1). Pp. 83–132.

Callahan L. Spanish/English Code-switching in a Written Corpus. Philadelphia: John Benjamin's Publishing Company, 2004. 181 p.

Davidson M.C. Medievalism, Multilingualism, and Chaucer. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. 240 p.

Erman B., Warren B. The idiom principle and the open choice principle // Text. 1999. Vol. 20(1). Pp. 29–62.

Gardner-Chloros P., Weston D. Code-switching and multilingualism in literature // Language and Literature. 2015. Vol. 24(3). Pp. 182-193.

Greene H.G. Our man in Havana. – London: Oberon Books, 2015. – 118 p.

Gumperz J.J. Discourse Strategies. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 225 p.

Hunt T. The languages of medieval England // Mehrsprachigkeit im Mittelalter. Kulturelle, literarische, sprachliche und didaktische Konstellationen in europäischer Perspektive, 2011. Pp. 59–68.

Jefferson J.A., Putter A. Multilingualism in Medieval Britain (c. 1066–1520). Sources and Analysis. Turnhout: Brepols, 2013. 316 p.

Jonsson C. Functions of code-switching in bilingual theater: An analysis of three Chicano plays // Journal of Pragmatics. 2010. Vol. 42(5). Pp. 1296–1310.

Kleinhenz C., Busby C. Medieval Multilingualism: The Francophone World and its Neighbours. Turnhout: Brepols Publishers, 2010. 323 p.

Lipski J.M. Spanish–English language switching in speech and literature: Theories and models // The Bilingual Review/La Revista Bilingüe. 1982. Vol. 9 (3). Pp. 191-212.

McClure E. The relationship between form and function in written national language – English codeswitching: Evidence from Mexico, Spain and Bulgaria // Codeswitching Worldwide. 1998. Pp. 125–152.

Mullen A. 'In both our languages': Greek-Latin code-switching in Roman literature // Language and Literature. 2015. Vol. 24(3). Pp. 213-232.

Mullen A., James P. Multilingualism in the Graeco-Roman Worlds. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 389 p.

Myers-Scotton, C. Duelling Languages: Grammatical Structure in Codeswitching. NY: Clarendon Press, 1997. 285 p.

Putter A. The French of English letters: Two trilingual verse epistles in context // Language and Culture in Medieval Britain: The French of England c. 1100–c. 1500. 2009. Pp. 397–408.

Rothwell W. The trilingual England of Geoffrey Chaucer // Studies in the Age of Chaucer. 1994. Vol. 16. Pp. 45–67.

Rudin E. Tender accents of sound: Spanish in the Chicano novel in English. Tempe, AZ: Bilingual Review Press, 1996. 286 p.

Schendl H. Code-switching in early English literature // Language and Literature. 2015. Vol. 34(3). Pp. 233–248.

Schendl H., Wright L. Code-Switching in Early English. Berlin: de Gruyter, 2011. 348p.

Sebba M. Multilingualism in written discourse: an approach to the analysis of multilingual texts // International Journal of Bilingualism. 2012. Vol. 17(1). Pp. 97–118.

Timm L. Code-switching in War and Peace // Aspects of bilingualism. 1978. Pp. 302–315.

Trotter D.A. Multilingualism in Later Medieval Britain. Cambridge: DS Brewer, 2000. 237 p.

Wogan-Browne J. General introduction: What's in a name: the 'French' of 'England' // Language and Culture in Medieval Britain: The French of England c. 1100–c. 1500. 2009. Pp. 1–13.

References

Greene, G. (2021). *Entsikhlopediya Krugosvet*, available at: http://www.https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/GRIN_GREM.html (Accessed 05 April 2021). (In Russian)

Mishintseva, I. Yu. (2011). *Code-switching in fiction*, Ph.D. Thesis, Cherepovets State University, Cherepovets, Russia. (In Russian)

Chirsheva, G.N. (2012). *Detskiy bilingvizm: Odnovremennoye usvoyeniye dvuh yazykov* [Childhood bilingualism: simultaneous acquisition of two languages], Zlatoust, St.Petersburg, Russia. (In Russian)

Chirsheva, G.N. (2004). *Dvuyazychnaya kommunikatsiya* [Bilingual communication],

Cherepovets State University, Cherepovets, Russia. (In Russian)

Chirsheva, G.N. (2020). Structural characteristics of code-switching in Russian utterances of bilingual children in Russia and the USA, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 6(3), 33–47. (In Russian)

Adams, J.N., Janse M., Swain S. (2002) *Bilingualism in Ancient Society: Language Contact and the Written Word*, Oxford, Oxford University Press. (In English)

Backus, A. (2003). Units of codeswitching: Evidence for multimorphemic elements in the lexicon, *Linguistics*, 41(1), 83–132. (In English)

Callahan, L. (2004). *Spanish/English Code-switching in a Written Corpus*, John Benjamin's Publishing Company, Philadelphia, USA. (In English)

Davidson, M.C. (2010). *Medievalism, Multilingualism, and Chaucer*, Basingstoke: Palgrave Macmillan. (In English)

Erman, B., Warren, B. (1999). The idiom principle and the open choice principle, *Text*, 20(1), 29–62. (In English)

Gardner-Chloros, P., Weston, D. (2015). Code-switching and multilingualism in literature, *Language and Literature*, 24(3), 182–193. (In English)

Greene, H.G. (2015). *Our man in Havana*, Oberon Books, London. (In English)

Gumperz, J.J. (1982). *Discourse Strategies*, Cambridge University Press, Cambridge. (In English)

Hunt, T. (2011). The languages of medieval England. *Mehrsprachigkeit im Mittelalter. Kulturelle, literarische, sprachliche und didaktische Konstellationen in europäischer Perspektive*, 59–68. (In English)

Jefferson, J.A., Putter A. (2013). *Multilingualism in Medieval Britain (c. 1066–1520), Sources and Analysis*, Turnhout, Brepols. (In English)

Jonsson, C. (2010). Functions of code-switching in bilingual theater: An analysis of three Chicano plays, *Journal of Pragmatics*, 42(5), 1296–1310. (In English)

Kleinhenz, C., Busby, C. (2010). *Medieval Multilingualism: The Francophone World and its Neighbours*, Turnhout, Brepols Publishers. (In English)

Lipski, J.M. (1982). Spanish–English language switching in speech and literature:

Theories and models, *The Bilingual Review/La Revista Bilingüe*, 9 (3), 191-212. (In English)

McClure, E. (1998). The relationship between form and function in written national language – English codeswitching: Evidence from Mexico, Spain and Bulgaria, *Codeswitching Worldwide*, 125–152. (In English)

Mullen, A. (2015). 'In both our languages': Greek-Latin code-switching in Roman literature, *Language and Literature*, 24(3), 213-232. (In English)

Mullen, A., James P. (2012). *Multilingualism in the Graeco-Roman Worlds*, Cambridge University Press, Cambridge. (In English)

Myers-Scotton, C. (1997). *Duelling Languages: Grammatical Structure in Codeswitching*, Clarendon Press, NY. (In English)

Putter, A. (2009). The French of English letters: Two trilingual verse epistles in context, *Language and Culture in Medieval Britain: The French of England c. 1100–c. 1500*, 397–408. (In English)

Rothwell, W. (1994). The trilingual England of Geoffrey Chaucer, *Studies in the Age of Chaucer*, 16, 45–67. (In English)

Rudin, E. (1996). *Tender accents of sound: Spanish in the Chicano novel in English*, Bilingual Review Press, Tempe, AZ. (In English)

Schendl, H. (2015). Code-switching in early English literature, *Language and Literature*, 34(3), 233-248. (In English)

Schendl, H., Wright, L. (2011). *Code-Switching in Early English*, de Gruyter, Berlin. (In English)

Sebba, M. (2012). Multilingualism in written discourse: an approach to the analysis of multilingual texts, *International Journal of Bilingualism*, 17(1), 97–118. (In English)

Timm, L. (1978). Code-switching in War and Peace, *Aspects of bilingualism*, 302-315. (In English)

Trotter, D.A. (2000). *Multilingualism in Later Medieval Britain*, DS Brewer, Cambridge. (In English)

Wogan-Browne, J. (2009). General introduction: What's in a name: the 'French' of 'England', *Language and Culture in Medieval Britain: The French of England c. 1100–c. 1500*, 1–13. (In English)

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Кожина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации, Череповецкий государственный университет.

Irina Yurievna Kozhina, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Germanic Philology and Intercultural Communication, Cherepovets State University.

УДК 81'276

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-6

Леонович Е. О.¹
Ляшенко И. В.²
Дрыгина Ю.А.³

Словесные товарные знаки коктейлей: структура и семантика

¹Пятигорский государственный университет,
пр. Калинина, 9, Пятигорск, 357532, Ставропольский кр., Россия
E-mail: jleonovitch@gmail.com
ORCID iD: 0000-0002-6452-0617

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: rattle-snake@mail.ru
ORCID iD: 0000-0001-7911-8228

³Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: drygina@bsu.edu.ru
ORCID iD: 0000-0001-5995-3488

Статья поступила 20 апреля 2021 г.; принята 28 мая 2021 г.; опубликована 30 июня 2021 г.

Аннотация. Данное исследование посвящено проблеме товарных знаков, которые вызывают несомненный исследовательский интерес на протяжении многих десятилетий. Это объясняется неотъемлемым характером товарных знаков как атрибутов современной человеческой цивилизации и интересом к проблеме словесных товарных знаков, который проявляют представители различных общественных дисциплин. Поскольку основная роль словесных товарных знаков заключается, прежде всего, в оказании положительного воздействия на реципиента, изучение действенных экспрессивных средств языка, которые используются для достижения позитивного эффекта, представляет значительный интерес и определяет актуальность данного исследования. До настоящего времени проблемы, связанные с использованием языковых средств в словесных товарных знаках для достижения положительного эффекта на покупателя, рассматривались большинством исследователей недостаточно интенсивно и глубоко. Объектом исследования в данной статье являются названия брендов коктейлей, а предметом – их структура и лексическое наполнение, а также и их прагматический и лингвокультурологический потенциал. Исследование проводилось с использованием комплексной методики, включающей дефиниционный, структурный, семантический и социолингвистический методы. Материалом исследования послужили более 300 товарных знаков коктейлей, найденных нами в различных словарях, современных СМИ и на медийных порталах. В ходе исследования были установлены основные версии этимологии термина «коктейль». Была также определена словообразовательная специфика названий коктейлей, заключающаяся в том, что словесные товарные знаки коктейлей могут быть как простыми – состоящими из одной лексемы, так и

словосочетаниями, состоящими из двух, трех, четырех и даже пяти компонентов. При анализе лексико-семантических основ словесных товарных знаков коктейлей была выявлена семантическая база для создания необходимого прагматического эффекта названия коктейля. Она может проявляться при использовании в названиях коктейлей слов с эксплицитно выраженной положительной семантикой, образов, позволяющих намного ярче и нагляднее дать характеристику именуемому объекту, а также связана с прагматикой, поскольку в названиях находит отражение эмотивное отношение субъекта речи. Полученные результаты могут также быть использованы как материал для исследования ономастических и лингвокультурологических характеристик словесных товарных знаков.

Ключевые слова: Ономастика; Товарный знак; Словесный товарный знак; Ономастическое словообразование; Коктейль

Информация для цитирования: Леонович Е. О., Ляшенко И. В., Дрыгина Ю.А. Словесные товарные знаки коктейлей: структура и семантика // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т.7, №2. С. 52-66. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-6

УДК 81'276

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-6

Yevgeniya O.
Leonovitch ¹
Igor V. Lyashenko ²
Yulia A. Drygina ³

Cocktail verbal trademarks: structure and semantics

¹ Pyatigorsk State University,
9 Kalinin Ave., Pyatigorsk, 357532, Stavropol Krai, Russia
E-mail: jleonovitch@gmail.com
ORCID iD: 0000-0002-6452-0617

² Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: rattle-snake@mail.ru
ORCID iD: 0000-0001-7911-8228

³ Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: drygina@bsu.edu.ru
ORCID iD: 0000-0001-5995-3488

Received 20 April 2021; accepted 28 May 2021; published 30 June 2021

Abstract. The study is devoted to the problem of trademarks. Trademarks have generated undoubted research interest for many decades. This interest is explained by the inherent nature of trademarks as attributes of modern human civilization and interest in the problem of verbal trademarks, which is shown by representatives of various social disciplines. Since the main role of verbal trademarks is primarily to

have a positive impact on the recipient, the study of effective expressive means of language, which are used to achieve a positive effect, is of great interest and determines the relevance of this study. To date, the problems associated with the use of language in the verbal trademarks to achieve a positive effect on the buyer, have been considered by most researchers intensively and in depth. The object of the study in this article is names of cocktail brands, and the subject is their structure and lexical content, as well as their pragmatic and linguocultural potential. The study was conducted using a comprehensive methodology including definitional, structural, semantic and sociolinguistic methods. More than 300 trademarks of cocktails that we found in various dictionaries, modern media and media portals were analyzed in the course of the study. The study established the main versions of the etymology of the term “cocktail”. The word-formation specificity of cocktail names was also determined, consisting in the fact that verbal trademarks of cocktails can be both simple – consisting of one lexeme, and word combinations consisting of two, three, four or even five components. The analysis of the lexical-semantic bases of the verbal trademarks of cocktails revealed the semantic basis for creating the necessary pragmatic effect of the name of the cocktail. It can be manifested in the use of words with explicitly expressed positive semantics, images that allow to give a much brighter and more obvious characteristic of the named object, as well as related to pragmatics, because the names are reflected in the emotional attitude of the subject of speech. The obtained results can also be used as material for the study of onomastic and linguocultural characteristics of word trademarks.

Keywords: Onomastics; Trademark; Verbal trademark; Onomastic word formation; Cocktail

How to cite: Leonovitch, Ye.O., Lyashenko, I.V., Drygina, Yu. A. (2021). Cocktail verbal trademarks: structure and semantics. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.7 (2), 52-66, DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-6

Введение (Introduction)

Проблема товарных знаков, с давних пор интересующая исследователей, продолжает привлекать внимание специалистов самых разнообразных направлений. Товарные знаки (ТЗ) – неотъемлемые атрибуты современной человеческой цивилизации, отсюда и тот большой интерес, который проявляют к проблеме предприниматели, психологи, создатели рекламы и, естественно, лингвисты.

Существуют различные определения товарных знаков. Приведем некоторые из наиболее распространенных примеров.

“Торговая марка – символ, дизайн, слово, буква и т.д., используемый производителем или дилером для отличия продукта или продуктов от продуктов конкурентов, и обычно зарегистрированный и охраняемый законом” (MW).

“Торговая марка, изобретение, слово или слова, зарегистрированные в законном порядке как отличительные признаки товаров производителя или торговца” (COD).

«Товарный знак (знак обслуживания) – обозначение, способное соответственно отличить товары и услуги одних юридических или физических лиц от однородных товаров и услуг других юридических или физических лиц» (ЛЭС, 2002).

«Товарный знак, словесный (СТЗ) – словесное обозначение марки товара, в равной степени относящееся к каждому экземпляру в данной серии и ко всей серии в целом» (Подольская, 1988). В данной работе мы считаем целесообразным употребление термина «товарный знак (ТЗ)» в самом широком его понимании.

Единицы, входящие в пространство словесных товарных знаков, чрезвычайно разнообразны: достаточно будет упомянуть ТЗ автомобилей, сигарет, духов и одеколонов, различных вин, губной помады, стиральных средств, лекарств и т.п. Изучены товарные знаки довольно неравномерно.

Английские названия брендов коктейлей легли в основу данной статьи, в которой мы попытаемся проанализировать как их структуру и лексическое наполнение, так и их прагматический и лингвокультурологический потенциал. Названия коктейлей относятся к категории товарных знаков, поскольку данные названия связаны с продуктами потребления, а именно, с определенным видом напитков и применение этих названий ограничено преимущественно их производством, торговлей и потреблением.

Основная часть (Main part)

В настоящее время термин «коктейль» может быть соотнесен с огромным количеством смешанных алкогольных напитков – от изысканного сухого Martini до украшенного зонтиком из тропических фруктов Mai Tai. Появившимся в барах США в начале 19 века и справедливо считающимся одним из самых типичных американских напитков, коктейлем первоначально называлась «комбинация любых крепких алкогольных напитков, сахара, воды и горьких спиртных настоек» (CamD). Коктейли стояли в одном ряду с другими смешанными напитками типа глинтвейна, крюшона, пунша и т.п., в приготовлении которых использовались различные наборы ингредиентов. Названия коктейлей в основном содержали отсылку на ведущую алкогольную составляющую: Gin Cocktail, Rum Cocktail, etc.

Что касается этимологии термина, то основными версиями считаются следующие: 1) от cock + tail = “петушинный хвост”, разные цвета напитка сравнивают с цветом перьев петуха, либо с живостью

птицы; 2) из жаргона наездников “cock + tailed” = вызывающий бодрящее, возбуждающее состояние – как у лошади перед скачками. Об этом эффекте коктейля пишет известный историк David Wondrich: “Если у вас была старая лошадь, которую нужно было продать, вы клали ей под хвост немного имбиря, и она задирала хвост вверх и становилась резвой. Этот трюк назывался «петушинный хвост». Горький и пьянящий напиток, что и говорить, считался таким же стимулирующим” (Wondrich, 2005).

Коктейли становятся все более широко распространенными напитками, и американские бармены начинают экспериментировать с первоначальными базовыми рецептами, предлагая новые «улучшенные» либо «изысканные» версии коктейлей, используя абсенты или ликеры при их составлении. В конце 19 в. стало популярным добавлять в коктейль импортируемый из Европы вермут. Чтобы отличить оригинальный вариант коктейля от многочисленных новых версий, было предложено название old-fashioned cocktail, или Old-Fashioned.

Как видно из приведенных определений товарного знака, некоторые специалисты рассматривают его как подтверждение права собственности на товар. СТЗ подлежит обязательной регистрации. С позиций лингвистики, основной характеристикой СТЗ продолжает оставаться знаковый характер. Классифицируют СТЗ на основании вербального и невербального характера их первоосновы.

Не получил однозначного подхода вопрос об отнесении ТЗ к тому или иному классу слов (ср., например, подход к СТЗ в работах Л.М. Щетинина, А.В. Суперанской, А. Minton, R. Nordquist, E. Pulgram, T. Witkowski, A. Bughesiu, N. Kolenda и др.), но несмотря на различное отношение к товарным знакам, названия коктейлей, представляющие определенную часть

ономастического лексикона, также требуют отдельного анализа.

Основная роль словесных товарных знаков заключается, прежде всего, в оказании положительного воздействия на реципиента. Доономастическое значение СТЗ играет большую роль в функционировании товарных знаков, кроме того, «данное значение не редуцируется, как, например, в антропонимах и в топонимах, где со временем внутренняя форма слова может оказаться почти полностью стертой. Эту специфику доономастического значения СТЗ можно объяснить влиянием экстралингвистических факторов, а именно, основным назначением торговых названий – способствовать их сбыту» (Леонович, 2014). Словесные товарные знаки являются весьма действенным средством убеждения и воздействия на потенциальных покупателей, приобретающих не сколько продукт, сколько тот образ, который их привлекает. Указывая на товар, многие товарные знаки своими дополнительными со значениями, ассоциациями, часто связанными с эмоциональной составляющей названий коктейлей, могут оказывать определенное влияние на потребителя. Основная задача словесных товарных знаков заключается в том, чтобы заинтересовать покупателя, способствовать через содержащееся в нем (СТЗ) эмоциональное сознание совершению покупки.

Изучение действенных экспрессивных средств языка, которые используются для достижения позитивного эффекта, представляет значительный интерес. До настоящего времени проблемы, связанные с использованием языковых средств в СТЗ для достижения положительного эффекта на покупателя, рассматривались большинством исследователей недостаточно глубоко.

Данная работа является продолжением начатого в 2019 году лингвокультурологического исследования тех способов, с помощью которых

возможно появление новых товарных знаков в английском языке. Актуальность работы определяется необходимостью изучения английских словесных товарных знаков, не нашедших еще должного освещения в отечественной лингвистике. **Целью** данного этапа нашего исследования является анализ таких получивших достаточно широкое распространение в настоящее время СТЗ, как названия коктейлей.

Исследование основано на комплексе **методов**, среди которых отметим дефиниционный, структурный, семантический и социолингвистический методы.

Материалом исследования послужили примеры из различных современных лексикографических источников (Chapman, R.L. 1998, ColD, Dictionary.com, LDOCE, MD, Mastery L., 2019, Matthews P.H., 2003, OLD, UD,) языковые данные, почерпнутые из новейших СМИ (Names. A journal of onomastics), медийных порталов (Wikipedia).

Результаты исследования и их обсуждение (Results and Discussion)

В ходе проведенного исследования был выявлен ряд особенностей словообразования товарных знаков коктейлей.

Словообразование английских СТЗ – прагматонимов – рассматривается как часть английского ономастического словообразования и представляет собой определенную подсистему в словообразовательной системе английского языка.

Товарные знаки коктейлей могут быть простыми – состоящими из одного слова, так и сложными – словосочетаниями с несколькими компонентами. Рассмотрим их подробнее.

Простые СТЗ коктейлей разнообразны как структурно, так и этимологически и имеют достаточно широкое распространение.

В качестве чистой основы может выступать не только нарицательное имя видового понятия, но и именительный падеж из имен собственных личных,

географических названий или абстрактных существительных.

Данная форма образования товарных знаков коктейлей, когда чистая основа становится прагматонимом без видимых внешних изменений, реально продуктивна. В работах А.В. Суперанской и Н.В. Подольской такой метод создания новых товарных знаков называется «ономастической конверсией» «способом с нулевой топонимической аффиксацией», «безаффиксальным образованием собственного имени из нарицательного», или «онимизацией апеллиатива», (Подольская, Суперанская, 1969, 144; Суперанская, 1969). Мы считаем целесообразным использовать последний термин, т.к. он отражает особую продуктивность конверсии в английском языке, что можно объяснить в первую очередь значительным наличием в нем массы непроизводных слов и ограниченным кругом словоизменительных аффиксов.

Создание **простых** СТЗ коктейлей при помощи ономастической конверсии происходит следующим образом:

а) имена собственные могут выступать как основа простых СТЗ коктейлей в своей исходной форме, не подвергаясь каким-либо внешним трансформациям. Отмечено использование в качестве основы названия коктейлей имен собственных личных, фамилий, прозвищ: *Lorraine, Alexander, Gibson, Churchill, Nixon, Rob Roy, Margarita, Chi-Chi, Napoleon, Robert Burns, Rhett Butler, Scarlet O'Hara, Billy Taylor*.

Значительную группу представляют СТЗ коктейлей, образованные от имен собственных географических: *Bronx, Cape Cod, Brooklyn, Manhattan, Toronto, Nevada*.

б) нарицательные существительные, представляющие самые различные слова, характерные для современного английского языка, наиболее часто подвергаются ономастической конверсии, в результате чего мы получаем названия

коктейлей, полностью омонимичные именам нарицательным: *Bramble, Rose, Casino, Derby, Godfather, Godmother, Screwdriver, Sidecar, Tuxedo, Matador, Gunfire, Hurricane, Zombie, Snakebite, Painkiller, Mojito, Mimosa, Greyhound, Grasshopper, Aviation, Boilermaker, Cloister, Hi-Fi, Hanky-Panky, Raven, Passion*.

Здесь будет уместным привести известное высказывание Н.В. Подольской о том, что «апеллиатив подобен постоянной тени, сопровождающей имя собственное и способствующей его мотивированности» (Подольская 1988: 32).

Несколько обособленно стоят СТЗ коктейлей, созданные по модели «определенный артикль + имя собственное»: *The Bronx*.

Единичными примерами представлены прилагательные: *Old-fashioned*.

Наиболее распространенными сочетаниями среди СТЗ коктейлей (свыше 80%) являются свободные словосочетания.

Рассмотрим **двусловные** СТЗ коктейлей

СТЗ-словосочетания в большинстве своем состоят из двух лексем. Мы выделяем здесь несколько моделей:

• **модель «прилагательное + существительное»**: *Black Velvet, Pink Lady, Pink Gin, Royal Arrival, White Lady, Irish Coffee, Ancient Mariner, Blue Lagoon, Cuban Sunset, Yellow Bird, Brave Bull, Mexican Martini, White Russian, Red Russian, Noble Punch, Black Russian, Red Lotus, Orange Tundra, Salty Dog, Bloody Aztec, Rusty Nail, Suffering Bastard, Flaming Volcano, Fluffy Critter, Blushing Bride, Blushing Geisha*

• **модель «существительное + существительное»**: *Angel Face, Brass Monday, Jungle Bird, Jungle Juice, Rum Swizzle, Test Pilot, Astronaut Sunrise, Brunch Money, Island Spice, Prairie Fire, Bay Breeze, Kremlin Colonel*.

• **модель «имя собственное + существительное»**. *Savoy Affair, Singapore Sling, Curacao Punch, Harlem Mugger, Harrogate Nights, Moscow Mule, Missouri Mule*.

• **модель «имя собственное + существительное»:** *Alexander's Sister, Babbie's Special, Dracula's Kiss, Pimm's Cup, Hangman's Blood, Horse's Neck, Cobra's Fang, Planter's Punch, Widow's Kiss, Widow's Dream, Everybody's Irish, Bachelor's Bait, Satan's Whiskers, Pirate's Treasure, Devil's Handshake,*

• **модель «числительное + существительное», «существительное + числительное», «числительное + числительное» :** *20th Century, 19 North, Ward 8, French 75, Three Wise Men, Honolulu No2, Forty Creek Caesar, Seven and Seven,*

• **«существительное (имя собственное) + союз and + существительное(имя собственное)»:** *Tom and Jerry, Gin and Tonic, Jack and Coke, Scotch and Soda, Thunder and Lightning, Port and Starboard, Rhyme and Reason, Nuts and Berries,*

• **«прилагательное + союз and + прилагательное»:** *Dark and Tan, Dark and Fluffy, Dark and Stormy, Black and Red, Black and Blue, Black and Gold, Black and Tan.*

В трехсловных СТЗ коктейлей чаще всего определяющий (или определяемый) компонент может представлять развернутое словосочетание: *Fresh Cucumber Punch, Savoy Corpse Reviver, Kensington Court Special, Irish Car Bomb, Fish House Punch, Hot Brick Toddy, Apricot Brandy Rickey, Irish Whiskey Highball, Princess Pousse Café, Orange Gin Highball.*

К числу многокомпонентных СТЗ относятся и предложные словосочетания типа *Death in the Afternoon, Sex on the Beach, Between the Sheets, In Noble Fashion, Jack-in-the-Box, Kiss-in-the-Dark, Whispers of the Frost, In and Out Martini, Cold in the Shadows, Children of the Corn, For the Record, Floating on Cloud, Death by Chocolate, Fright Night in the Grove* и др.

Сложные СТЗ, состоящие из более чем трех лексем, редки. К названиям в этом случае добавляются определения, например: *Long Island Iced Tea, Summertime Fruit Punch Lemonade, Twentieth Century*

Ward Eight, Winter Warmer Mulled Sangria, Red Pepper Sangria Margarita, Key Lime Pie Martini, Jim Beam Fruit Punch, Broad Stripes and Bright Stars, Deep Blue Sea Martini; Beer, Bourbon and Barbecue Cocktail; Peach Pomegranate Holiday Martini; Peach Candy Corn Cocktail.

Несколько особняком стоят торговые знаки – команды, пожелания, приветствия:

Damn the Weather, Blow my Scull, Adios Motherfucker, Leave It to Me No1, Wake the Dead, Weep No More, Hello Kitty.

Рассмотрев, таким образом, структурные особенности СТЗ коктейлей, перейдем к анализу их лексико-семантических основ.

СТЗ англоязычных коктейлей – слова вторичной номинации, исследование их базовых составляющих поможет вскрыть причины использования данных лексических основ в создании названий коктейлей. СТЗ коктейлей, являясь специфической частью словарного состава английского языка, подвержены сильному влиянию социолингвистических факторов.

Анализ семантики СТЗ коктейлей является не только возможным, но и обязательным. Вслед за А. В. Суперанской, рассматривающей основы топонимов, мы считаем, что и для образования прагматонимов – названий коктейлей существует ограниченное количество основ. По сравнению с обязательными основами, которые непосредственно отражают объективную реальность, в необязательных основах «больше случайности», и их репертуар неограничен, хотя и здесь возможно выделение наиболее часто используемых типов (Суперанская, 1969: 41-48).

Характерным для СТЗ коктейлей можно считать использование в названиях наряду с базовым родовым термином **cocktail** (*Dream Cocktail, Snowball Cocktail, White Lily Cocktail, Ladies' Cocktail, Morning Cocktail*) набора видовых терминов – обозначений различных коктейлей. К ним относим следующие термины:

• *cooler* – коктейль из различных крепких и средней крепости спиртных напитков, имбирного пива, соков, содовой и льда; из английского *cooler* «прохлаждательный напиток» (БАРС): *Harvard Cooler, Country Club Cooler, Robert E. Lee Cooler, Klondike Cooler*;

• *cobbler* – коктейль из крепких напитков, десертных вин, шампанского и льда; из англ. *cobbler* «напиток из вина с сахаром и лимоном на льду»: *Brandy Cobbler, Claret Cobbler, Gin Cobbler, Port Wine Cobbler, Whiskey Cobbler*;

• *collins* – коктейль на основе джина или виски с лимонным или лаймовым соком; из американского английского *Collins, Tom Collins* «джин, виски смешанные в высоком бокале с лаймовым или лимонным соком, сахаром на льду (от фамилии изобретателя, бармена по имени Том Коллинз)» (MW): *Brandy Collins, Sloe Gin Collins, Orange Gin Collins, Mint Collins, Vodka Collins, Tequila Collins*;

• *julep* – коктейль на основе американского виски или другого крепкого напитка с сахаром, мятой и льдом; из амер. англ. *julep* «напиток из виски или коньяка с водой, сахаром, льдом и мятой» (MW): *Brandy Julep, Mint Julep, Dixie Julep*;

• *daiquiri* – коктейль на основе рома, лимонного сока, сахара и льда; из испанского *daiquiri* (название городка на Кубе, где производили ром, используемый в коктейле): *Passion Daiquiri, Frozen Daiquiri*;

• *daisy* – коктейль на основе крепкого напитка с гранатовым или иным сиропом, лаймовым соком и льдом; из англ. *daisy* «маргаритка»: *Star Daisy, Chocolate Daisy, Whiskey Daisy, Gin Daisy*;

• *colada* – коктейль из смеси различных крепких напитков с кокосовым кремом и фруктовыми соками; из испанского *Pino Colada* «процеженный ананас»;

• *sangaree* – коктейль на основе виски, джина, рома, бренди с портвейном или крепким пивом; из английского «напиток из вина или пива с мускатным орехом»

(БАРС): *Brandy Sangaree, Port Wine Sangaree, Gin Sangaree*;

• *syllabub* – коктейль на основе рома или вина с молоком и сахаром; напиток был известен в Англии с 16 в. до середины 19 в., возрожден в 20 в.: *Lemon curd and champagne syllabub*;

• *fizz* – коктейль на основе крепкого напитка, цитрусового сока, сахара и напитка, содержащего углекислоту; от англ. *fizz* «шипучий напиток»: *Apricot Fizz, Bucks Fizz, Green Fizz, Violet Fizz, Derby Fizz, Alabama Fizz*,

• *flip* – коктейль на основе крепкого напитка, яиц, сахара и льда; рецепт *flip* возник в Англии в колониальные времена: *Brandy Flip, Chocolate Flip, Coffee Flip, Hot Brandy Flip, Ice Cream Flip*;

• *sling* – коктейль на основе сангари с лимонным соком и содовой; от английского *sling* «напиток из джина, воды, сахара и мускатного ореха» (OED), «напиток из джина, рома, бренди или виски с сахаром, содовой и лимонным соком» (MW): *Brandy Sling, Gin Sling, Singapore Sling*;

• *highball* – коктейль на основе крепкого спиртного напитка с содовой или минеральной водой и льдом; от американского английского *highball* «виски с содовой и льдом в высоком стакане» (БАРС): *Bermuda Highball, Brandy Highball, English Highball, Bulldog Highball*;

• *fix* – коктейль на основе различных спиртных напитков и лимонного сока; из англ. *fix* «спиртной напиток, смешанный с лимонным соком» (БАРС): *Brandy Fix, Gin Fix, Whiskey Fix, Rum Fix*.

В основе рецептов большинства коктейлей лежат практически все типы крепких спиртных напитков. Неудивительно, что названия этих напитков представляют одну из наиболее популярных групп источников создания СТЗ коктейлей:

• *Brandy*: *Brandy Cobbler, Brandy Milk Punch, Brandy Daisy, Brandy Squirt, Brandy Toddy, Brandy Gump Cocktail, Brandy Vermouth, Brandy Highball*.

•Gin: *Gin Daisy, Gin and It, Gin Swizzle, Gin Milk Punch, Gin Highball, Gin Fix, Gin and Tonic.*

•Rum: *Rum Eggnog, Rum Cola, Rum Fix, Rum Collins, Rum Highball, Rum Rickey, Rum Toddy, Rum Milk Punch.*

•Whiskey (Scotch, Irish): *Everybody's Irish, Irish Coffee, Irish Shillelagh, Irish Whiskey Cocktail, Irish Whiskey Highball, Rye Whiskey Cocktail, Scotch Cooler, Scotch Mist, Scotch Old Fashioned, Scotch Rickey, Scotch Whiskey Highball, Whiskey Cobbler, Whiskey Collins, Whiskey Eggnog, Whiskey Orange, Whiskey Sangaree, Whiskey Skin, Whiskey Smash, Whiskey Toddy.*

•Tequila: *Tequila Collins, Tequila Sour, Tequila Straight, Tequila Cocktail.*

•Vodka: *Vodka and Tonic, Vodka and Apple Juice, Vodka Collins, Vodka Gibson Cocktail, Vodka Gimlet Cocktail, Vodka Grasshopper, Vodka Gipsy Cocktail Vodka on the Rocks, Vodka Stinger.*

Следующей большой семантической группой названий коктейлей являются СТЗ с именами собственными в англоязычных товарных знаках. Рассмотрим имена собственные, которые встречаются в товарных знаках чаще всего.

Во-первых, это личные имена создателей коктейлей: *Ramos Gin Fizz* – коктейль был создан известным барменом Нью-Орлеана Henry C. Ramos, *Tom Collins* – от фамилии изобретателя, бармена по имени Том Коллинз (Tom Collins), *Negroni* – считается, что коктейль появился впервые во Флоренции (Италия) в 1919 году, когда граф Камилло Негрони попросил бармена несколько изменить его любимый коктейль «Американо», сделав его крепче, заменив джином содовую.

Во-вторых, это имена известных деятелей (политиков, деловых людей, спортсменов) *Queen Elizabeth, Robert E. Lee Cooler, Dempsey Cocktail* (от имени чемпиона мира по боксу Дж. Демпси), *Sir Walter Cocktail, Ethel Duffy Cocktail, Diana Cocktail, Charles Cocktail, Alexander's Sister, Vanderbilt Cocktail* (от фамилии знаменитой династии миллионе-

ров), *Washington Cocktail, Billy Taylor, Knickerbocker Cocktail* (от фамилии семьи первых голландских поселенцев, которые основали город Новый Амстердам, будущий Нью-Йорк), *Napoleon, Hemingway Daiquiri* (по имени выдающегося американского писателя Э. Хемингуэя, большого любителя этого коктейля), *Mary Pickford Cocktail* (по имени знаменитой американской актрисы кино и театра).

В-третьих, это географические названия. Среди географических названий преобладают топонимы и урбанонимы, но также встречаются и другие виды географических имен собственных. Здесь выделяем несколько подгрупп:

•названия американских штатов, городов, их районов и улиц: *Alabama Cocktail, Baltimore Bracer, Boston Side Car, Honolulu No 2, Kentucky Colonel, Chicago Cocktail, Harvard Cooler, Alabama Fizz, Bronx Terrace, Nashville Eggnog, Hotel Plaza Cocktail, Yale Cocktail, Baltimore Eggnog, Jersey Lightning, Nevada, Hollywood Martini, Madison Avenue, Manhattan Love Story;*

•прозвища городов и территорий: *Dixie Cocktail, Frisco Sour;*

•названия зарубежных городов и городских объектов: *Brighton Punch, Wembley Lightning* (от названия знаменитого лондонского стадиона), *Valencia Cocktail, Deauville Cocktail, Piccadilly Cocktail, Bombay Punch, Champs Elisée* (Елисейские поля – одна из главных улиц Парижа), *London Special, London Buck Highball;*

•названия островов: *Bermuda Bouquet, Bermuda Rose, Jamaica Granito.*

Товарный знак, содержащий имя производителя этого товара либо название места его создания, как бы заранее гарантирует покупателю его (товара) высокое качество, заявляя об ответственности производителя за качество. Так, коктейль *Waldorf* появился на свет в начале 20 века в баре знаменитой фешенебельной гостиницы Waldorf-Astoria в Нью-Йорке, которая продолжает

оставаться среди самых престижных и дорогих отелей города.

Подбирая товарный знак для своего изделия, производитель использует собственное имя, чаще всего – фамилию, поэтому СТЗ коктейлей здесь не исключение.

В основе четвертой семантической группы названий коктейлей в значительной степени лежит современная лексика, характерная как для британского, так и для американского вариантов английского языка, отображающая специфику и реалии жизни в США и Великобритании. Мотивированность названий коктейлей обуславливает позитивность всей системы и является одной из ярко выраженных характеристик англоязычных товарных знаков.

Одним из главных источников современной культуры США является национальная культура иммигрантов (в первую очередь из Великобритании), селившихся в Америке на протяжении веков. Кроме того, существует и культура индейцев и мексиканцев. Многие черты этих составных частей американской культуры нашли свое отражение в товарных знаках коктейлей: *Algonquin Cocktail* – от названия индейских племен, *Tomahawk* – томагавк, боевой индейский топор, *American Dream* – «американская мечта», американские ценности, открытые возможности для всех, *Colt 45* – револьверы Кольта сыграли важную роль в освоении «Дикого Запада», *Georgia on My Mind* – популярная кантри-баллада, гимн штата Джорджия, *Central Park* – центральный парк города Нью-Йорка, *Gold Rush* – «золотая лихорадка» 1849 г в Калифорнии, *Frisco 49* – столица «золотой лихорадки» 1849 г. город Сан Франциско, *French Quarter Smash* – старинный франко-испанский район Нового Орлеана, *Fourth of July* – День независимости, основной праздник США, *Godfather* – от названия популярного романа М. Пьюзо «Крестный отец», *Broad Stripes and Bright Stars, Red,*

White and Blue – это и предыдущее название связаны с государственным флагом США, *Park Avenue* – фешенебельная и престижная улица в Нью-Йорке, *Rustic Manhattan* – район Нью-Йорка, *Thanksgiving Cocktail* – День благодарения, национальный праздник США, отмечаемый в ноябре, *Rhett Butler, Scarlett O'Hara* – по именам главных героев знаменитого романа «Унесенные ветром» М. Митчелл.

Можно отметить один парадокс. Как мы отмечали в одной из наших работ «известно о неоднозначном отношении американцев к так называемым «британским реалиям». Негативная реакция на бритаизмы всегда имела место в США, что дало повод Г. Менкену заметить: «Для обычного среднего американца любое слово или выражение, звучащее чересчур по-британски, несет оскорбительный оттенок» (Mencken, 1984). Однако это не мешает американцам регулярно отдавать предпочтение британским основам при создании своих собственных имен, в частности, ТСЗ» (Леонович 2014). Для молодой Америки Соединенное Королевство с его почти 2000-летней зарегистрированной историей – обладатель многих положительных черт, британские имена для американцев часто воспринимаются как символы превосходства и стабильности, «престижа и безопасности» (Minton, 1945).

Среди британских лейтмотивов – национальных символов, часто встречающихся в товарных знаках коктейлей, можно отметить следующие: *English Rose* – от эмблемы Англии со времен войны Алой и Белой розы, *English Christmas Punch* – традиционное английское рождество, *Easter Bunny* – пасхальный заяц, фольклорный персонаж, символ Пасхи, *Friar Tuck* – от имени брата Тука, веселого толстяка, бродячего монаха, духовника Робин Гуда, *Emerald Isle* – «Изумрудный остров» (Ирландия), *Robert Burns, Soho* – от названия знаменитого

центрального района Лондона, *Mistletoe Cocktail* – от традиционного английского рождественского украшения – омелы.

Тот факт, что США граничит с многомиллионной испаноговорящей Мексикой, что продолжают оставаться тесные контакты с другими странами, где говорят по-испански (прежде всего в сфере туризма), что в самих Штатах испанский язык – это уже не язык меньшинства (свыше 40 миллионов человек считают его родным), говорит о вполне обоснованном присутствии испанской лексики в названиях коктейлей: *Cohito, Cuba Libre, El Presidente, Pina Colada, La Ciudad, La Fortuna, Paloma, Cinco Herradura, El Pepino, Habanero Martini*.

В следующей семантической группе названий коктейлей проявляется типично американская черта – в названиях предпочтение отдается лексике, сообщающей, какие дополнительные ингредиенты входят в состав того или иного напитка – это названия ягод, фруктов, соков, специй, различных добавок: *Nuts and Berries, Old Thyme Sour, Peppermint Patty, Pineapple Mimosa, Peach Punch, Raspberry Bellini, Rhubarb Collins, Rum and Coke, Pumpkin Martini, Apricot Sunray, Banana Hammock, Apple Crisp, Coconut Martini*.

Для следующей группы СТЗ коктейлей характерно использование лексики с мелиоративными оттенками значений, акцентирующей исключительно высокое качество товара. Реакция большинства покупателей на эту группу лексики положительная, например: *Imperial, Metropolitan, Perfect Manhattan, Perfect Martini, Royal Smash, Ruby Queen, Million Dollar Cocktail, Golden Dream, Golden Margarita, Golden Cappuccino Martini*.

Стремление подчеркнуть благородство, отменные качества напитка отражается в употреблении в словосочетаниях слов *perfect, royal, golden*.

Для последней из выделенных нами семантических групп коктейлей

характерны следующие особенности. Среди СТЗ коктейлей необязательные основы занимают далеко не последнее место. При доминирующей мотивированности названий коктейлей, в них явственно проявляется субъективная струя, порождающая необычные «окаzionali» названия. Сочетание этих факторов и определяет специфику американских названий коктейлей с их многообразием и пестротой: *Northern Lights – Северное сияние, Rusty Nail – Ржавый гвоздь, Black Russian – Черный русский, Poinsettia – Пуансеттия, популярный рождественский цветок, Polar Bear – Белый медведь, Prairie Fire – Пожар в прерии, Pink Flamingo – Розовый фламинго, Jet Pilot – Летчик, Cement Mixer – Бетономешалка, Chocolate Cake – Шоколадный торт, Iceberg – Айсберг, Leap Year – Високосный год, Blue Bayou – Голубая старица, Black Magic – Черная магия, Frostbite – Отмороженное место*.

Товарный знак – это своеобразный уменьшенный образ, побуждающий потребителя выбрать необходимый ему товар, либо тот товар, что ему внушили. Цель здесь всегда одна – с помощью знака убедить, заставить поверить потенциального покупателя, что он хочет иметь этот товар. «Адекватный выбор лексической единицы для получения конечного результата акта номинации – воздействия на реципиента – определяется номинативно-прагматической нормой, которая отбирает допустимые в типовой ситуации единицы» (Леонович 2014).

Что же служит семантической базой для создания необходимого прагматического эффекта названия коктейля?

Помимо прямой либо косвенной информации о коктейле, содержащейся в товарном знаке, можно отметить «использование в названиях коктейлей слов с эксплицитно выраженной положительной семантикой, что способствует определенному прагматическому эффекту всего названия» (Леонович 2014).

В основе названий коктейлей лежат образы, с помощью которых можно намного ярче и нагляднее дать характеристику именуемому объекту, оценить его. В сознании покупателя эти образы порождают определенные ассоциации, представления, в результате которых появляются определенные чувства, ведущие к принятию решений.

Так, названия *April Rain, Autumnal Temptation, Autumn Chai Swizzle, Bay Breeze, Holiday Spice, Holiday Hopper, Autumn Leaves, Midnight Snowstorm, Summer Breeze, Summer Tea, White Christmas Dream; Beer, Bourbon and Barbecue, English Christmas Punch, Acapulco Cocktail, Blue Lagoon, Blue Hawaii* способствуют созданию образа природы, атмосферы романтического отдыха, расслабленности, веселого беззаботного времяпровождения.

Ряд названий намекают на любовные интриги с налетом эротики, на ситуации, настроения и чувства, о которых может мечтать покупатель, многие знаки отражают надежды на наслаждения: *Naked Lady, Orgasm, Orgasm Cocktail, Passion Cocktail, Pear Naked Sailor, Sex on the Beach, Slow Screw, Slippery Nipple, Gin and Sin, Gin and It* (it = sex appeal - Flexner & Wentworth), *Liquid Lust, Love Potion #3, Naked Margarita, Sloe Comfortable Screw, Between the Sheets*.

Экспрессивность названий коктейлей имеет прямую связь с прагматикой. Считается, что потребление коктейлей больше ассоциируется с миром мужчин, чем женщин. Многие товарные знаки коктейлей вызывают представление о мужских занятиях, привычках, пристрастиях, склонностях, скрытых желаниях, фантазиях.

Такие названия, как *Widow Maker, Brave Bull, Bushwhacker, Alibi, Godfather, Incredible Hulk, Ancient Mariner, Matador, Casino, Aviation, Harlem Mugger*, уводят покупателя в мир мачо, грубой силы, рискованных действий, и это соответствует традиционно идеализированному

отношению общества к мужским развлечениям. Отсюда, возможно, и популярность названий коктейлей, содержащих намеки на возможный эффект от их употребления: *Paralyzer, Painkiller, Snakebite, Gunfire, Hurricane, Blow My Scull Off, Cobra's Fang, Savoy Corpse Reviver, Floating on Cloud, Wake the Dead, Twist and Shout, Velvet Hammer, Corpse Reviver #2*. Последний пример названия широко известного коктейля времен сухого закона в США содержит намек на улучшение состояния похмелья после его употребления, однако предупреждает о возможных последствиях злоупотребления: "Четыре выпитых подряд коктейля способны оживить труп" ("The Savoy Cocktail Book", 1930).

Заключение (Conclusions)

Проведенный анализ названий англоязычных коктейлей позволяет сделать ряд выводов. Прежде всего, следует отметить, что, несмотря на существование значительной литературы по словесным товарным знакам, не все они достаточно хорошо изучены. СТЗ стали неотъемлемой частью повседневной жизни современного человека, принимающего участие в процессе купли-продажи.

Благодаря легкости восприятия и воспроизведения, СТЗ продолжают оставаться наиболее используемой формой товарного знака. Вопрос о месте товарных знаков в ономастическом пространстве требует дальнейшего изучения. Мы полагаем, что СТЗ представляют собой особую группу онимов.

Говоря о словесных товарных знаках коктейлей, следует прежде всего отметить их почти 100-процентную языковую принадлежность. Большей частью лексика, используемая в СТЗ, принадлежит к естественному английскому языку. Интересно употребление собственных имен. Особое место занимают слова с положительным оттенком значения, которые, уже сами по себе подчеркивают тот факт, что предлагаемый товар обладает

хорошим качеством и воздействуют на потребителя, что способствует его скорейшей реализации. Чем лучше товарный знак, чем сильнее его психологическое воздействие на потребителя, тем выше потребность купить данный товар, а это, в свою очередь, уже указывает на то, что данный товар востребован. СТЗ выполняют свою прагматическую заданность: воздействовать на потенциального покупателя, вызвать у него потребность приобрести данный товар, они также формируют его вкусы.

СТЗ коктейлей отражают картину мира и культуру страны-носителя языка, являющие собой неотъемлемую составную часть личности покупателя. Поскольку непосредственной целью СТЗ считается обращение и импонирующее личности покупателя, лингвокультурологическая сторона СТЗ коктейлей остается предметом особого внимания.

Создание хорошего (со всех точек зрения) названия для коктейля – задача исключительной значимости – “ценность названия остается главным фактором”. “Хорошее название не приведет плохой напиток к успеху, но хорошее название, даваемое хорошему напитку, образует сильную комбинацию” (Adkins, 2014).

История СТЗ алкогольных напитков дает возможность проследить и изучить развитие особенностей культуры и мировосприятия отдельного народа, названия коктейлей могут также быть использованы как материал для исследования ономастических и лингвокультурологических характеристик СТЗ.

Список литературы

Леонович Е.О., Леонович О.А. Заметки об английских собственных именах. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2014. 190 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая Рос. энцикл., 2002. 707 с. (ЛЭС)

Новый большой англо-русский словарь = New English-Russian Dictionary: 220000 слов

и словосочетаний / В. К. Мюллер. Москва: Альта-Принт, 2006. 850 с. (БАРС)

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 187 с. (СПОТ)

Подольская Н.В., Суперанская А.В. Терминология ономастики // Вопросы языкознания. М., 1969. №4. С. 15-24.

Суперанская А.В. Структура имени собственного (Фонология и морфология) М.: Наука, 1969. 207 с.

Щетинин Л.М. История и имена. Ростов н/Д: РВШ МВД РФ 1996. 75 с.

Adkins W. S. The Practical Soda Fountain Guide. Nabu Press. 2014. 86 p.

Arnold D. Liquid Intelligence: The Art and Science of the Perfect Cocktail. W.W. Norton & Co., 2014. 416 p.

Bughesiu A. Trade Names in Contemporary Romanian Public Space. Cambridge Scholars Publishing, 2015. 265 p.

Cambridge Dictionary URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (Accessed 01 February 2021) CamD

Chapman R.L. The Dictionary of American Slang. Collins Reference, 1998. 640 p.

Collins Dictionary URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/> (Accessed 01 February 2021) ColD

Dictionary.com URL: <https://www.dictionary.com/> (Accessed 01 February 2021) DICT

Kolenda N. The Psychology of Product Names. Kolenda Ent. LLC, 2016. 157 p.

Leech G. English in Advertising: Linguistic Study of Advertisement in Great Britain (English Language Series). Longman, 1966. 224 p.

Longman Dictionary of Contemporary English Online URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/LDOCE> (Accessed 01 February 2021)

Macmillan Dictionary URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/> (Accessed 01 February 2021) MD

Mastery L. The Great Book of American Idioms: A Dictionary of American Idioms, Sayings, Expressions & Phrases Independently published 2019. 229 p.

Matthews P.H. The Concise Oxford Dictionary of Linguistics Oxford University Press 2003 245 p.

Mencken H.L. The American Language. An Inquiry into the Development of English in the United States. 4th ed. Knopf, 1984. 816 p.

Merriam Webster (MW). URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (Accessed 01 February 2021)

Minton A. Apartment House Names // American Speech. Volume 96, Issue 1, October, 1945 P. 25-47

Names A journal of onomastics. American name society. URL: <https://www.americannamesociety.org/the-journal/> (Accessed 01 February 2021)

Nordquist R. What is a Brand Name? Types of brand names, their history, and their impact on language. ThoughtCo. URL: <https://www.thoughtco.com/what-is-brand-name-1689036> (Accessed 12 April 2021)

Oxford Learner's Dictionaries (OLD). URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (Accessed 01 February 2021)

Pulgram E. Theory of Names. American Name Society, 1955. 49 p.

The Concise Oxford Dictionary Oxford: OUP (COD), 2008. 1702 p.

The Savoy Cocktail Book. URL: <https://euvs-vintage-cocktail-books.cld.bz/1930-The-Savoy-Cocktail-Book/52> (Accessed 01 February 2021)

Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (Accessed 01 February 2021) UD

Wikipedia the free encyclopedia. URL: <https://en.wikipedia.org/> (Accessed 01 February 2021)

Witkowski T. Grundbegriffe der Namenskunde Berlin: Akademie, 1964. 95 p.

Wondrich D. Killer Cocktails. An Intoxicating Guide to Sophisticated Drinking. Harper Resource. 2005. 128 p.

References

Leonovich, E.O., Leonovich, O.A. (2014). *Zametki ob anglijskih sobstvennyh imenah* [Notes on English proper names], FLINTA: Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)

Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary] (2002), in V.N. Yartseva (ed.), Moscow, Russia. (In Russian)

Novyy bol'shoy anglo-russkiy slovar' [New large English-Russian dictionary = New English - Russian Dictionary: 220,000 words and phrases]

(2006), in V.K.Müller, Alta-Print, Moscow, Russia. (In Russian)

Podolskaya, N.V. (1988). *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)

Podolskaya, N.V., Superanskaya, A.V. Terminology of onomastics, *Voprosy yazykoznaniiya*, 4. (In Russian)

Superanskaya, A.V. (1969). *Struktura imeni sobstvennogo (Fonologiya i morfologiya)* [The structure of a proper name (Phonology and morphology)], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)

Shchetinin, L.M. (1996). *Istoriya i imena*. [History and names], RVSH MVD RF, Rostov n/D, Russia. (In Russian)

Adkins, W. S. (2014). *The Practical Soda Fountain Guide*. Nabu Press. (In English)

Arnold, D. (2014). *Liquid Intelligence: The Art and Science of the Perfect Cocktail*, W.W. Norton & Co. (In English)

Bughesiu, A. (2015) *Trade Names in Contemporary Romanian Public Space*, Cambridge Scholars Publishing. (In English)

Cambridge Dictionary (CamD) (2021). Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (Accessed 01 February 2021). (In English)

Chapman, R.L. (1998). *The Dictionary of American Slang* (2021). Collins Reference. (In English)

Collins Dictionary (ColD) (2021). Available at: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/> (Accessed 01 February 2021). (In English)

Dictionary.com (2021). Available at: <https://www.dictionary.com/> (Accessed 01 February 2021). (In English)

Kolenda, N. (2016). *The Psychology of Product Names*, Kolenda Ent. LLC (In English)

Leech, G. (1966) *English in Advertising: Linguistic Study of Advertisement in Great Britain* (English Language Series), Longman. (In English)

Longman Dictionary of Contemporary English Online (LDOCE) (2021). Available at: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/> (Accessed 01 February 2021) (In English)

Macmillan Dictionary (MD) (2021). Available at: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/> (Accessed 01 February 2021). (In English)

Mastery, L. (2019). *The Great Book of American Idioms: A Dictionary of American Idioms, Sayings, Expressions & Phrases*, Independently published. (In English)

Matthews, P.H. (2003). *The Concise Oxford Dictionary of Linguistics*, Oxford University Press. (In English)

Mencken, H.L. (1984). *The American Language. An Inquiry into the Development of English in the United States* (In English)

Merriam Webster (MW) (2021). Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (Accessed 01 February 2021). (In English)

Minton, A. (1945). Apartment House Names, *American Speech*, 96(1), 25-47. (In English)

Names. A journal of onomastics. American name society. Available at: <https://www.americannamesociety.org/the-journal/> (Accessed 01 February 2021). (In English)

Nordquist, R. (2021). *What is a Brand Name? Types of brand names, their history, and their impact on language*, ThoughtCo., Available at: <https://www.thoughtco.com/what-is-brand-name-1689036> (Accessed 12 April 2021) (In English)

Oxford Learner's Dictionaries (OLD) (2021). Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (Accessed 01 February 2021). (In English)

Pulgram, E. (1955). *Theory of Names*, American Name Society. (In English)

The Concise Oxford Dictionary (COD) (2008). Oxford, OUP. (In English)

The Savoy Cocktail Book (2021). Available at: <https://euvs-vintage-cocktail-books.cld.bz/1930-The-Savoy-Cocktail-Book/52> (Accessed 01 February 2021) (In English)

Urban Dictionary (UD) (2021). Available at: <https://www.urbandictionary.com/> (Accessed 01 February 2021). (In English)

Wikipedia the free encyclopedia (2021). Available at: <https://en.wikipedia.org/> (Accessed 01 February 2021). (In English)

Witkowski, T. (1964). *Grundbegriffe der Namenskunde*, Akademie, Berlin, Germany. (In German)

Wondrich, D. (2005). *Killer Cocktails. An Intoxicating Guide to Sophisticated Drinking*, Harper Resource (In English)

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Леонович Евгения Олеговна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Пятигорского государственного университета.

Ляшенко Игорь Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации НИУ «БелГУ».

Дрыгина Юлия Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации НИУ «БелГУ».

Yevgeniya Olegovna Leonovitch, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Theory and Practice of Translation, Pyatigorsk State University.

Igor Vladimirovich Lyashenko, PhD in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Cross-Cultural Communication, Belgorod State National Research University.

Yulia Anatolievna Drygina, PhD in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Cross-Cultural Communication, Belgorod State National Research University.

УДК 398.91

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-7

Меньшакова Н. Н.

Пословица ¡CASTÍGAME MI MADRE, Y YO TRÓMPOGELAS!
и особенности ее перевода на русский язык (по роману
М. Сервантеса «Дон Кихот»)

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Букирева, 15, г. Пермь, 614068, Россия
E-mail: mnesperanza@mail.ru
ORCID iD: 0000-0002-3874-7279

Статья поступила 05 мая 2021г.; принята 17 июня 2021г.; опубликована 30 июня 2021г.

Аннотация. В статье рассматривается испанская пословица *Castígame mi madre, y yo trómpogelas*, ее функционирование в романе «Дон Кихот» и ошибки в ее трансляции на русский язык в разных переводах романа. Пословица содержит архаическое слово и архаическую грамматическую форму, она давно вышла из употребления, в связи с чем даже носители языка не знают ее значения. Было изучено семь переводов «Дон Кихота» на русский язык на предмет наличия в них данной пословицы, только в пяти она была обнаружена. В переводах на русский язык переводчики либо интерпретируют пословицу исходя из контекста, не давая ее правильного перевода, либо принимают архаичный переходный глагол *trompargela* за современный непереходный *trompar*, в результате чего в переводе возник неуместный образ детской игрушки «волчка», который стал «кочевать» из одного перевода в другой.

Ключевые слова: Пословица; Испанский язык; Сервантес; Дон Кихот; Перевод пословиц

Информация для цитирования: Меньшакова Н. Н. Пословица ¡CASTÍGAME MI MADRE, Y YO TRÓMPOGELAS! и особенности ее перевода на русский язык (по роману М. Сервантеса «Дон Кихот») // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т.7, №2. С. 67-77. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-7

УДК 398.91

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-7

Nadezhda N.
Menshakova

The proverb ¡CASTÍGAME MI MADRE, Y YO TRÓMPOGELAS!
and peculiarities of its translation into Russian (from the novel
“Don Quixote” by M. Cervantes)

Perm State University
15 Bukireva St., Perm, 614068, Russia
E-mail: mnesperanza@mail.ru
ORCID iD: 0000-0002-3874-7279

Received 05 May 2021; accepted 17 June 2021; published 30 June 2021

Abstract. The article studies the Spanish proverb *Castígame mi madre, y yo trómpogelas*, its functioning in the novel “Don Quixote”, and mistakes in its translation

into Russian in different translations of the novel. The proverb contains an archaic word and archaic grammar form, it is long out of use, and even average native speakers don't know its meaning. The author studies seven published translations of the novel "Don Quixote" into Russian and finds the proverb only in five of them. In Russian translations, translators either interpret the meaning of the proverb by its content, without giving it the right translation, or take the archaic transitive verb *trompargela* for a modern intransitive verb *trompar*. As a result, an erroneous image of a children's toy (top) has appeared in translation, which started "travelling" from one translation to another.

Keywords: Proverb; Spanish; Cervantes; Don Quixote; Translation of proverbs

How to cite: Menshakova, N. N. (2021). The proverb ¡CASTÍGAME MI MADRE, Y YO TRÓMPOGELAS! and peculiarities of its translation into Russian (from the novel "Don Quixote" by M. Cervantes). *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.7 (2), 67-77, DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-7

Введение (INTRODUCTION)

Роман Мигеля де Сервантеса Сааведры «Дон Кихот Ламанчский» был написан более 400 лет назад и до сих пор остается классикой мировой литературы и символом испанской культуры. Изучением романа и языка, которым он написан, занимались и занимаются множество исследователей в разных областях культуры и лингвистики: среди них В. Набоков (2016), В. Мидер (2016) и др. Роман переводился на русский язык семь раз. Самым успешным и знаменитым переводом приключений хитроумного идаляго до сих пор, несмотря на то, что он существует уже 70 лет, признаётся перевод Николая Михайловича Любимова, выполненный в 1951 году.

Основная часть (MAIN PART)

Изначально переводы «Дон Кихота» в большей степени представляли собой пересказы и изложения оригинала, поскольку осуществлялись не с текста оригинала на испанском языке, а с французского языка (Arséntieva, 2011). Первый русский перевод «Дон Кихота» был сделан в 1769 году (Буранок, 2008), имя переводчика в издании не указывалось, но считается, что им был Игнатий Тейлс, преподаватель немецкого языка, который, не зная испанского, за основу взял перевод на французский Ф. де Сен-Мартина. В русскоязычном изда-

нии роман назывался «История о славном Ла-Манчском рыцаре Дон Кихоте» и включал в себя только часть книги. Вторым перевод был выполнен Николаем Осиповым в 1791 году, в его основе также лежала французская версия. Первое и второе издание этого перевода вышли под разными названиями: «Неслыханный чудодей, или необычайные и удивительные подвиги и приключения храброго и знаменитого странствующего рыцаря Дон Кишота» и «Дон Кишот Ла-Манчский». Следующим переводом «Дон Кихота» является перевод, выполненный Василием Андреевичем Жуковским; его работа была издана в 1804-1806 г. и переиздана в 1815 году. Французский перевод, на который опирался В. А. Жуковский, был достаточно неудачным (его выполнил Жан-Пьер де Флориан), и только талант русского поэта помог «Дон Кихоту» не потерять популярность в России.

Первый перевод с испанского языка на русский был выполнен Константином Мазальским, который в 1838 году опубликовал начало романа, но не смог закончить свой перевод, и в 1866 году его работу продолжил Владимир Александрович Карелин. Их совместный перевод считался лучшим до начала XX века и переиздавался четыре раза. В XX веке «Дон Кихот» был переведён с испанского языка в 1907 году Марией Валентиновной Ватсон, этот

перевод считается первым полным переводом романа, и издаётся до сих пор. В Советское время был предпринят полный перевод «Дон Кихота» с языка оригинала; новое издание включало даже перевод «Дон Кихота Авейанеды» («*Quijote de Avellaneda*»), продолжения-сиквела первого тома романа Сервантеса, выполненного другим автором – Алонсо Фернандесом де Авейанеда. Первый том нового советского перевода вышел в 1929 году, второй – в 1932. Его авторами считаются Григорий Лазинский и Константин Мочульский, однако имена переводчиков не были указаны в изданиях, поскольку оба переводчика к моменту издания книги эмигрировали из России во Францию. Существует мнение, основанное на анализе отдельных глав перевода романа, что переводчиков, участвовавших в этом переводе, было не два, а гораздо больше (Корконосенко, эл. ресурс).

Одной из важных особенностей романа Сервантеса является обилие пословиц и других паремий, что, несомненно, выделяет данное произведение среди прочих произведений художественной литературы. В. Мидер называет Сервантеса «паремиологом паремиографии» (*paremiographical paremiologist*) (Mieder, 2016) за собрание воедино огромного количества пословиц в одном романе. По словам Л. Чакото, исследователя паремий Сервантеса из Португалии, “*La presencia de un gran número de refranes y demás maremias en esta obra maestra de la literatura mundial permite considerarla como un importante refranero literario*” (Chacoto, 2008: 98) («Наличие большого количества пословиц и других паремий в этом всемирно признанном романе позволяет рассматривать его как литературный сборник пословиц». – перевод Н.М.). По разным подсчетам в «Дон Кихоте» выделяют около 700 паремий, а именно, 386 пословиц, 327 proverbialных выражений и 1 веллериизм (Mieder, 2016: 157). Некоторые паремии повторяются в тексте несколько раз.

Перевод текста, в котором паремии выполняют одну из главных смыслообразующих функций, несомненно, представляет большую трудность. Большая часть пословиц романа в современном испанском языке не употребляется, более того, многие выражения в романе считались устаревшими ещё в момент написания произведения автором: он стилизовал речь и поведение персонажей под эпоху рыцарства. В тексте много архаических слов, они употребляются и во многих пословицах: “*Uno de los aspectos léxicos que más continuamente ha sido señalado por lingüistas y paremiólogos es la presencia de arcaísmos*” («Одной из языковых особенностей романа, которую постоянно отмечают лингвисты и паремиологи, является наличие архаизмов» – перевод Н.М.) (García-Page, 1997: 275).

Одной из таких пословиц, содержащих архаическое слово, является *Castígame mi madre, y yo trómpogelas*, которая употребляется в тексте романа в речи Дон Кихота дважды. Эта пословица привлекает к себе внимание тем, что представляет значительную трудность как для интерпретации, так и для перевода на русский язык. На русский язык пословица переведена неудачно: смысл ее не ясен, имеет место явная концептуальная ошибка, русского эквивалента переводчик не подобрал, выдумав свою собственную пословицу, которая в русском языке так и не закрепились.

Материал и методы (Materials and Methods)

В работе исследуются переводы романа М. де Сервантеса Сааведра «Дон Кихот» в разных изданиях с целью выявления в них способов трансляции пословицы *Castígame mi madre, y yo trómpogelas*. В качестве оригинала взято издание романа на испанском языке «*Don Quijote de la Mancha*» 2018 года издательства Mestas ediciones. Рассматривались переводы романа, как в виде печатного издания, так и в

виде электронного ресурса: 1) «Донъ Кихотъ Ламанчскій. Разсказъ для дѣтей. Переводъ съ французскаго А. Греча. Съ 78 иллюстраціями Густава Доре». 2) «Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Въ двухъ частяхъ. Переводъ с испанскаго В. Карелина. Изданіе второе. 1873». 2) «Дон Кишот Ламанхский. Сочинение Серванта. Переведено с Флорианова французского перевода В. Жуковским». 3) «Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Томъ II. Новый полный переводъ съ примѣчаніями и статьею Л. Віардо «Жизнь и произведенія Сервантеса» и 39-ю картинами Густава Доре. 1895». 4) «Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Романъ въ двухъ частяхъ. Съ рисунками Густава Дорэ. Переводъ съ испанскаго Л. А. Мурахиной. Часть II. 1899». 5) «Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский. Перевод с исп. Н. Любимова. Стихи в переводе Ю. Корнеева. 2014. 1280 с.» 6) «Сервантес М. Дон Кихот Ламанчский. Перевод с испанского М.В. Ватсон. 2019. 1032 с.»

Первые два издания не являются полными, в них нет перевода анализируемой пословицы.

Также с целью выяснения адекватности перевода пословицы на другие языки был рассмотрен перевод романа на английский язык Э. Гроссман (2005).

В работе используются методы семантического анализа, грамматического анализа высказывания, интерпретации смысла высказывания, контекстуального анализа, сравнительного анализа текста оригинала и перевода.

Результаты исследования и дискуссия (Results and Discussion)

Рассмотрим контексты употребления пословицы *Castígame mi madre, y yo trómpogelas* в тексте оригинала (на испанском языке).

1) – ¡Eso sí, Sancho! -dijo don Quijote-: ¡encaja, ensarta, enhila refranes, que nadie te va a la mano! ¡Castígame mi madre, y yo trómpogelas! Estoyte diciendo que escuses refranes, y en un instante has echado aquí una lentanía de ellos, que así cuadran con

lo que vamos tratando como por los cerros de Úbeda... (Cervantes, 2018: 568)

2) – No más refranes, Sancho – dijo don Quijote-, pues cualquiera de los que has dicho basta para dar a entender tu pensamiento; y muchas veces te he aconsejado que no seas tan pródigo en refranes y que te vayas a la mano a decirlos; pero parece que es predicar en desierto, y *castígame mi madre, y yo trómpogelas* (Cervantes, 2018: 697).

В тексте романа *Don Quijote de la Mancha* издательства Mestas ediciones 2018 года даётся сноска с пояснением архаического слова *trómpogelas*: *se las engaño* (обманывать). Словарь *Diccionario de la lengua española Actualización de 2020* (эл. ресурс) отмечает слово *trompar* в значении *engañar* (обманывать) как вышедшее из употребления. В онлайн сборнике фразеологии и паремиологии Института Сервантеса под редакцией Х. Кантера Ортис и Х. Севилья Муньос, отмечается, что помимо романа «Дон Кихот» данная пословица упоминается еще в семи источниках (Cantera Ortiz, Sevilla Muñoz, эл. ресурс). О. Тарновска в своём исследовании актуальности пословиц Сервантеса пишет о том, что эта пословица упоминается в поисковой системе Google всего 49 раз (Tarnovska, эл. ресурс: 378). Она также отмечает, что данная пословица не употребляется в современном испанском языке.

Дон Кихот, употребляя пословицу *¡Castígame mi madre, y yo trómpogelas!*, подчеркивает ею, что Санчо Панса злоупотребляет в своей речи пословицами и продолжает, несмотря на наставления Дон Кихота, поддаваться этой пагубной привычке: “don Quijote [...] insistiendo con esta última frase en que no persevera de su mala costumbre. De este modo, le recrimina una y otra vez por no seguir sus enseñanzas” (Prado Aragonés, эл. ресурс). Иными словами, пословица употребляется с тем, чтобы показать, что кто-то совершает действие абсолютно противоположное тому, что рекомендуется, и буквально может читаться следующим образом:

¡Castígame mi madre, y yo trómpogelas! = *¡Me riñe mi madre, y yo me burlo de ella!* (меня ругает мать, а я над ней смеюсь / посмеиваюсь); *me riñe mi madre, y no me importa nada* (меня ругает мать, а мне все равно).

Происхождение испанской пословицы точно не известно. Ее возникновение связывают с французским словом *tromper* (обманывать). В испанском языке французский глагол трансформировался в *trompar*, в пословице же этот глагол употребляется в форме настоящего времени с флексией *gela*, что является архаичной формой слияния местоимений *ge* 'se' и *la*. Интересно, что ещё в первом издании словаря испанского языка Испанской Королевской Академии 1739 года слово *trompar* в значении «обманывать» имело пометы «устаревшее» и «вышедшее из употребления». Таким образом, уже при жизни Сервантеса данное выражение было устаревшим. В современном разговорном испанском языке с похожим значением употребляются фразеологизмы: “*me la suda / pela*”; “*que si quieres arroz, Catalina*”; “*me la trae floja*”; “*me importa un comino / bleo*”; “*a mí plín*” и др. (*castígame mi madre y yo trómpogelas*, эл. ресурс).

Рассмотрим, что произошло с данной пословицей при переводе на русский язык. Мы анализируем только переводы с испанского языка на русский, поскольку при переводе с французского текст романа всегда сокращался и пословица исчезала. В нашем распоряжении пять переводов, выполненных переводчиками В. А. Карелиным, Л.А. Мурахиной, М.В. Ватсон, Н. М. Любимовым, а также перевод без указания авторства.

Перевод В. А. Карелина

1) «— Продолжай, продолжай, воскликнул Донъ-Кихоть; благо некому тебя остановить. *Меня съклетъ мать, а я съку палку*; вѣдь а только что просилъ тебя, Санчо, не говорить при каждомъ словѣ пословицъ; а ты въ ту же минуту, какъ изъ мѣшка посыпалъ ихъ; и главное такъ кста-

ти, точно онѣ упали съ луны» (Сервантес, 1873).

Пословица *¡Castígame mi madre, y yo trómpogelas!* трансформируется в «Меня сечёт мать, а я секу палку». Глагол *castigar* в современном значении означает “*ejecutar algún castigo en un culpado*” (накладывать наказание на виновного), т.е. «наказывать». Однако в прошлом у этого глагола было другое значение, ныне вышедшее из употребления: “*advertir, prevenir, enseñar*” (предупреждать, предостерегать, поучать). Как было сказано выше, в современном испанском языке первая часть данной пословицы воспринимается как *Me riñe mi madre*, т.е. «Мать меня бранит», а не наказывает физически, не бьёт и не сечёт палкой. Во второй половине пословицы, очевидно, переводчик не понял значения архаичного глагола, и поэтому воссоздавал смысл пословицы исходя из общего контекста. Хотя результирующий смысл получился ошибочный: субъект действия получает физическое наказание и одновременно производит действие, имитирующее получаемое наказание, над неживым объектом, который сам ассоциируется у нас с инструментом наказания. Воздействие на инструмент наказания или другой объект неживой природы с целью его наказания лишено смысла, это «пустое» действие. Эта фраза выражает нелепицу, бессмысленность. В то же время в исходной пословице выражается идея о том, что поучения и советы окружающих человек не принимает во внимание, продолжая делать все по-старому. Таким образом, в переводе В. А. Карелина смысл пословицы *Castígame mi madre, y yo trómpogelas* полностью утрачен, структура воспроизведенной пословицы искажена, от исходной структуры осталась только сема «меня наказывает мать». Переводчик избрал путь сохранения в переводе текста и структуры пословичного изречения, и не попытался передать его смысл.

2) «— Довольно, довольно, перебилъ Донъ-Кихоть; одной пословицей ты могъ

прекрасно выразить твою мысль. Сколько разъ совѣтываль я тебѣ, Санчо, не быть такимъ щедрымъ на пословицы, и не давать имъ воли, когда онѣ сорвутся у тебя съ языка, но видно говорить тебѣ объ этомъ значить стрѣлять горохомъ въ стѣну: *меня сѣчетъ матъ, а я сѣку палку*». (Сервантес, 1873).

Во втором отрывке пословица переведена точно так же, как в первом. Необходимо отметить, что сам контекст в этом отрывке раскрывает смысл переводимого высказывания. Этому, во-многом, способствует контекст высказывания и устойчивое сравнение: «делать что-то – значит стрелять горохом в стену». Исходя из них мы понимаем, что изречение «меня сечёт матъ, а я секу палку» означает «меня наказывают, а всё без толку / а мне всё равно».

Перевод Л. А. Мурахиной

1) «– Ну, пошелъ, поѣхаль! – перебилъ Донъ-Кихоть. – *Меня сѣчетъ матъ, а я сѣку плетку...*» (Сервантес, 1899).

Как и в переводе В. А. Карелина, смысл пословицы остался не понят переводчиком. Л. А. Мурахина воспроизводит текст пословичного изречения, в котором матъ оказывает физическое воздействие на субъект с целью его наказания, а он, в свою очередь, наказывает инструмент наказания. Правда, в данном случае инструментом наказания становится плётка, возможно потому, что слово «плётка» лучше сочетается с глаголом «сечь», чем «палка».

2) «– Довольно, довольно! – перебилъ Донъ-Кихоть. – Для выраженія твоей мысли совершенно достаточно и одной пословицы. Сколько разъ совѣтоваль я тебѣ, Санчо, не разбрасываться такъ пословицами и удерживать ихъ, когда онѣ просятъ тебѣ на языкъ! Но, что тебѣ говорить, что стрѣлять горохомъ въ стѣну – одно и то же!.. Видно, горбатого исправить одна могила...» (Сервантес, 1899).

Во втором отрывке пословица *Castígame mi madre, y yo trómpogelas* отсутствует. Вместо нее употреблена русская пословица «горбатого могила исправит»,

смысл которой близок смыслу исходной пословицы, поскольку в ней выражается идея о том, что ничего не меняет привычек, поведения или действий субъекта. Интересно отметить, что, как и в предыдущем переводе, здесь появляется сравнение «делать что-то – значит стрелять горохом в стену». Этот факт наталкивает на мысль о том, что эти два перевода связаны друг с другом, один из переводчиков, вероятно, опирался на перевод другого.

Перевод без авторства и с именем Л. Виардо на титуле

Данный перевод опубликован в 1895 г. К сожалению, мы не можем сказать, первое ли это издание данного перевода и кто являлся его автором, поскольку на титульной странице книги нет информации о переводчике, и лишь написано «Новый полный переводъ съ примѣчаніями и статьею Л. Виардо «Жизнь и произведенія Сервантеса». Луи Виардо – это знаменитый французский переводчик, который выполнил «классический» перевод «Дон Кихота» с испанского на французский. Вероятно, что кто бы ни выполнил данный перевод «Дон Кихота» на русский язык, он мог опираться на французский текст романа. Следует сказать, что данный перевод является полным, и он отличается от перевода В. А. Карелина, Л. А. Мурахиной и прочих.

1) «– Такъ, такъ, Санчо! – вскричалъ Донъ-Кихоть. – Сыпь, сыпь поговорками, пока некому тебя остановить. *Мать меня наказываетъ, а я стегаю волчокъ*» (Сервантес, 1895).

В данном переводе первая часть пословицы остаётся такой же, как и в более ранних переводах, она воспринимается переводчиком в современном значении, и переводится дословно. Вторая часть пословицы отличается от предыдущих вариантов перевода. Волчок – это детская игрушка, которую субъект действия наказывает, «стегают», т.е. бьёт розгами. Выясним, откуда возникло слово «волчок». Очевидно, что переводчик ошибочно принял архаическую форму глагола

trómpogelas за глагол trompar или trompear, который означает “jugar al trompo” (играть с юлой / с волчком). Современный глагол trompar (играть с волчком) непереходный, в то время как архаичный глагол trompar в значении «обманывать» – переходный. Смысл возникшей в переводе пословицы немногим отличается от предыдущих вариантов: субъект действия подвергается наказанию, и одновременно сам производит агрессивное действие, направленное на игрушку. Было бы логично предположить, что таким образом субъект действия проецирует свои чувства и ощущения на другой объект. В этом случае, смысл пословицы состоит в следующем: «меня наказывают, и я наказываю», «меня бьют, и я бью». Но этот смысл не равен исходному смыслу, о котором говорилось выше: «меня учат, а я делаю все по-своему».

Здесь также важно отметить, что в переводе первой части пословицы появляется слово «наказывать», которое в предыдущих переводах выражалось словом «сечь». Таким образом, предикат в пословице уже выражается глаголом более общей семантики, поскольку глагол «сечёт» называет конкретный вид наказания и даже косвенно указывает на инструмент, используемый для него.

2) «– Будетъ тебѣ сыпать пословицами, Санчо! – вскричалъ Донъ-Кихотъ. – Каждой изъ приведенныхъ тобою было бы достаточно для выражения твоей мысли. Сколько разъ я тебѣ совѣтовалъ не быть такимъ расточительнымъ на пословицы и не давать себѣ воли, когда ты ихъ говоришь. Но тебѣ говорить – кажется, все равно, что проповѣдовать въ пустынь и то же самое, что *мать бьетъ меня, а я стегаю свой волчокъ*» (Сервантес, 1895).

Во втором контексте переводчик несколько переиначивает пословицу, не соблюдая принцип единообразия перевода: вместо глагола «наказывать» употребляется глагол «бить», перед словом «волчок» добавляется притяжательное местоимение

«свой». В целом, это производит несколько отрицательное впечатление, поскольку не ясно, специально переводчик переиначивал пословицу, или позабыл, как уже однажды ее перевёл.

Перевод М. В. Ватсон

1) «– Так, Санчо, – сказал Дон Кихот, – сшивай на живую нитку, вдевай, вставляй, нанизывай поговорку за поговоркой; никто тебе не мешает: *мать меня наказывает, а я стегаю волчок свой*» (Сервантес, 2019: 802).

Перевод М. В. Ватсон рассматриваемой пословицы фактически идентичен предыдущему переводу, хотя он удлиняется на одно слово, очевидно для улучшения ритма и благозвучия. Мы затрудняемся сказать, который из этих двух переводов был выполнен раньше, и заимствовали ли переводчики друг у друга ошибку в интерпретации архаического слова, или совершили ее независимо друг от друга.

2) «– Довольно пословиц, Санчо, – сказал Дон Кихот, – так как каждой из тех, которые ты привёл, было бы достаточно, чтобы дать понять твою мысль; и много раз советовал я тебе не быть столь расточительным на пословицы и сдерживаться, когда ты их приводишь; но мне кажется, что это значит проповедовать в пустыне и *мать меня наказывает, а я бью волчок*» (Ватсон, 2019: 983)

Второе употребление пословицы в романе М. В. Ватсон, так же, как и предыдущий переводчик, переиначивает, заменяя глагол «стегаю» на «бью». Причины замены неясны, но смысл пословицы сильно не меняется, а не очень внимательный читатель вряд ли заметит изменения.

Перевод Н. М. Любимова

1) «– Правильно, Санчо! – воскликнул Дон Кихот. – Вплетай, нанизывай, накручивай пословицы – никто тебя за язык не держит! *Мать с кнутом, а я себе все с волчком!* Я тебе говорю, чтобы ты избегал пословиц, а ты в одну секунду насыпал их целый воз, хотя они и подхо-

дят к предмету нашего разговора, как ко-
рове седло» (Сервантес, 2014: 159).

Как мы видим, ошибку в «опознава-
нии» значения глагола *trompar* совершает и
Н. М. Любимов – игрушечный «волчок»
присутствует в переводе пословицы. Ис-
ходные семы «брань», «поучение», и даже
более поверхностное и современное «про-
чтение» слова *castigar* как «наказывать»,
заменяются у переводчика на сему «наме-
рение физического наказания»: мать дер-
жит в руках кнут, чтобы наказать субъект
речи, но ещё не наказывает его. Субъект
речи, тем временем, играет с волчком, а не
бьёт, стегает или наказывает его. Образ,
создаваемый в переводе (Мать с кнутом, а
я себе все с волчком!) становится, в сопо-
ставлении с предыдущими вариантами пе-
ревода, более ясным, логичным: мать гро-
зит / угрожает субъекту физическим нака-
занием, а он не обращает на неё внимания
и продолжает играть. Этот смысл гораздо
ближе к исходному смыслу пословицы.
Переводчик правильно интерпретировал
смысл пословицы в испанском тексте и
достаточно адекватно передал этот смысл
в переводе, но не избавился от закравшей-
ся в перевод ошибки в виде чуждого ори-
гиналу волчка.

2) «– Довольно пословиц, Санчо, –
сказал Дон Кихот, – любая из них доста-
точно изъясняет твою мысль. Сколько раз
я тебе говорил, чтобы ты не был так щедр
на пословицы и чтобы ты знал меру!
Впрочем, тебе говори не говори – как об
стенку горох: *мать с кнутом, а я себе все
с волчком*» (Сервантес, 2015: 1215)

Во втором отрывке текста пословица
переведена точно так же, как и в первом,
переводчик следует закону единообразия.

Интересно отметить, что в современ-
ном переводе данной пословицы на ан-
глийский язык также имеются ошибки.

1) “Go on, Sancho!” said Don Quixote.
“Force the proverbs in, string them together
one after another on a thread! No one will
stop you! My mother punishes me and I de-
ceive her!” (Cervantes, 2016: 734)

2) “No more proverbs, Sancho,” said
don Quixote, “for any one of those you have
said is enough to explain your thoughts; I
have often advised you not to be so prodigal
in your proverbs and to restrain yourself from
saying them, but it seems that is like preach-
ing in the desert, and ‘My mother punishes
me, and I deceive her.’ ” (Cervantes, 2016:
902)

Переводчик Э.Гроссман так же, как и
русские переводчики «Дон Кихота», вос-
принимает слово *castigar* в его современ-
ном значении (наказывать), поэтому в пе-
реводной пословице мы видим *my mother
punishes me*, а не *my mother scolds me*. Вто-
рая часть пословицы переведена без ошиб-
ки, связанной со смешением значений со-
временного и архаического глаголов, од-
нако, по нашему мнению, и здесь неточно-
сти избежать не удалось. Как уже отмеча-
лось, архаичный глагол *trompar* имеет зна-
чение “*burlar*” (насмехаться, смеяться, не
обращать внимания), а английский глагол
decieve, использованный в английском пе-
реводе, переводится однозначно – «обма-
нывать, вводить в заблуждение, сбить с
толку», т.е. намеренно привести субъект к
ложному знанию, пониманию, впечатле-
нию. В тексте оригинала отсутствует сема
злонамеренности субъекта.

Заключение (CONCLUSIONS)

Таким образом, перевод романа
М. Сервантеса на русский язык имеет до-
статочно длинную историю. Сложность
перевода обусловлена специфическим
языком, который автор использовал при
написании произведения, а также культур-
ными реалиями, трансляция которых пред-
ставляет достаточно серьёзную проблему.
Насыщенность романа паремиями являет-
ся неоспоримым достоинством, но в то же
время зачастую становится непреодолимой
сложностью для переводчиков. Незнание
архаичной лексики и грамматических осо-
бенностей архаичного языка приводит к
появлению переводческих ошибок в
трансляции паремий. Эти ошибки перехо-
дят из одного перевода в другой, несколь-

ко изменяясь с течением времени. Эта идея была подтверждена на примере перевода пословицы *Castígame mi madre, y yo trómpogelas*.

Список литературы

- Буранок О. М. Первый русский перевод Сервантеса // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». №5 2008 – Филология. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Buranok> (дата обращения: 10 апреля 2021).
- Дон Кихот – покоритель России. URL: http://www.spalex.narod.ru/rus_esp/esprus_Quijote.html (дата обращения: 10 апреля 2021).
- Донъ Кихотъ Ламанчскій. Разсказъ для дѣтей. Переводъ съ французскаго А. Греча. Съ 78 иллюстраціями Густава Доре. Изданіе Товарищества М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ. Гостиный дворъ, NoNo 17 и 18. Москва. Петровка, д. Михалкова, No 5. URL: http://az.lib.ru/s/serwantessaawedra_m_d/text_1868_don_qihot_alexey_grech-oldorfo.shtml (дата обращения: 10 апреля 2021).
- Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В двадцати томах Т. 9. Дон Кишот Ламанхскій. Сочинение Серванта. Переведено с Флорианова французскаго перевода В. Жуковским М., "Языки славянской культуры", 2012. URL: http://az.lib.ru/s/serwantessaawedra_m_d/text_1806_don-qishot-2-oldorfo.shtml (дата обращения: 10 апреля 2021).
- Корконосенко К.С. О коллективной работе над переводом «Дон Кихота» 1929–1932 гг. URL: http://legacy.inion.ru/files/File/Korkonosenko_LG_38.pdf (дата обращения: 10 апреля 2021).
- Корноносенко К.С. Об авторстве перевода «Дон Кихота» «под редакцией Б. А. Кржевскаго и А. А. Смирнова». URL: https://litinstitut.ru/sites/default/files/vestnik/2016_4/vestnik_li_2016_4_002_korkonosenko.pdf (дата обращения: 10 апреля 2021).
- Сервантес М. Дон Кихот Ламанчскій. Перев. с исп. М.В. Ватсон. Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2019. 1032 с.
- Сервантес М. Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Томъ II. Новый полный переводъ съ примѣчаніями и статьею Л. Віардо «Жизнь и произведенія Сервантеса» и 39-ю картинами Густава Доре. Москва. Изданіе книжнаго магазина Г. Кольчугина. 1895. URL: http://az.lib.ru/s/serwantessaawedra_m_d/text_text_1895_don-quihot-2_by_s-m-oldorfo.shtml (дата обращения: 10 апреля 2021).
- Сервантес Сааведра М. Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Въ двухъ частяхъ. Перевод с испанскаго В. Карелина. Изданіе второе. С.-Петербургъ. Изданіе Н. А. Шигина. 1873. URL: http://az.lib.ru/s/serwantessaawedra_m_d/text_0060oldorfo.shtml (дата обращения: 10 апреля 2021).
- Сервантес Сааведра, М. де. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчскій. Перевод с исп. Н. Любимова. Стихи в переводе Ю. Корнеева. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 1280 с.
- Сервантесъ М. Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Романъ въ двухъ частяхъ. Съ рисунками Густава Дорэ. Переводъ съ испанскаго Л. А. Мурахиной. Часть II. Москва. - Типографія т-в И. Д. Сытина, Валовая улица, свой домъ. 1899 г. URL: http://az.lib.ru/s/serwantessaawedra_m_d/text_1899_don-qihot_lamanchskiy-oldorfo.shtml (дата обращения: 10 апреля 2021).
- Arséntieva N. Reseña de “Vercher García, Enrique Javier (2011). Don Quijote entre las nieves. La transmisión al ruso de culturemas españoles en las traducciones de Don Quijote de K.P. Masalskij y N.M. Ljubimov. Madrid: Centro de Estudios Cervantinos, 243 pp.” Sendeban. 22 (2011), pp. 356 - 360.
- Cantera Ortiz J., Sevilla Muñoz J. «Refranes que dicen las viejas tras el fuego». Los refranes recopilados por el Marqués de Santillana. Электронный ресурс. URL: https://cvc.cervantes.es/lengua/biblioteca_fraseologica/r3_cantera/refranes_03.htm (дата обращения: 10 апреля 2021).
- Castígame mi madre, y yo trómpogelas*. URL: <http://desequilibros.blogspot.com/2015/03/castigame-mi-madre-y-yo-trompogelas.html#:~:text=Y%2C%20en%20concr,eto%2C%20utiliza%20dos,lo%20que%20se%20le%20aconseja> (дата обращения: 10 апреля 2021).
- Cervantes, Miguel de. Don Quijote de la Mancha. Mestas ediciones, S.L. Madrid, 2018. 735 pp.
- Cervantes, Miguel de. Don Quixote. Vintage. Transl. from the Spanish by Edith Grossman. London. 2005. 940 pp.

Diccionario de la lengua española. Actualización de 2020. URL: <https://dle.rae.es/contenido/actualizaci%C3%B3n-2020> (дата обращения: 10 апреля 2021).

García-Page M. Propiedades lingüísticas del refrán (II): el léxico // *Paremia*, 6: 1997. Madrid. P. 275. URL: https://cvc.cervantes.es/Lengua/paremia/pdf/006/040_garcia.pdf (дата обращения: 10 апреля 2021).

Mieder. W. "Stringing Proverbs Together". *The Proverbial Language in Miguel de Cervantes's Don Quixote*. Burlington, Vermont. 2016. 312 pp.

Nabokov V. *Lectures on Don Quixote*. Ed. by Fredson Bowers. HMH, 2016. 256 pp.

Prado Aragonés J. Cuestiones sobre didáctica de la lengua en El Quijote // *Actas cervantinas*. URL: https://cvc.cervantes.es/literatura/cervantistas/colokuos/cl_VIII/cl_VIII_38.pdf (дата обращения: 10 апреля 2021).

Tarnovska O. Supervivencia de los refranes del Quijote // *Actas IX - Asociación Cervantistas*. p. 378. URL: https://cvc.cervantes.es/literatura/cervantistas/colokuos/cl_xi/cl_xi_37.pdf (дата обращения: 10 апреля 2021).

References

Buranok, O. M. (2008). First translation of Cervantes into Russian, *Informatsionnii gumanitarnii portal Znanie. Ponimanie. Umenie, Philology*, 5, available at: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Buranok> ((Accessed 10 April 2021). (In Russian)

Don Quixote is a conqueror of Russia (2006), available at: http://www.spalex.narod.ru/rus_esp/esprus_Quijote.html (Accessed 10 April 2021). (In Russian)

Don Kihkot Lamancheski. Razskaz dlya detei [Don Quixote De La Mancha. A Story for Children] (1868). Isadanie Tovarischestva M. O. Volf. St. Petersburg. Gostiny Dvor No 17 and 18. Moscow, available at: http://az.lib.ru/s/serwantessaawedra_m_d/text_1868_don_qihot_alexey_grech-oldorfo.shtml (Accessed 10 April 2021). (In Russian)

Zhukovsky, V. A. (2012). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v dvadsati tomakh* [Complete collection of writings and letters in twenty volumes], Transl. from Florian's French translation by V. Zhukovsky, Moscow, Russia, available at:

http://az.lib.ru/s/serwantessaawedra_m_d/text_1806_don-qishot-2-oldorfo.shtml (Accessed 10 April 2021). (In Russian)

Korkonosenko, K. S. (2015). On collective translation of Don Quixote of 1929–1932, *Literary journal*, available at: http://legacy.inion.ru/files/File/Korkonosenko_LG_38.pdf (Accessed 10 April 2021). (In Russian)

Korkonosenko, K. S. (2016). *Ob avtorstve perevoda "Don Kihota" "pod redaktsiey B. A. Krzhevskogo i A. A. Smirnova"* [On the authorship of the translation of "Don Quixote" under the editorship of B. A. Krzhevsky and A. A. Smirnov], available at: https://litinstitut.ru/sites/default/files/vestnik/2016_4/vestnik_li_2016_4_002_korkonosenko.pdf (Accessed 10 April 2021). (In Russian)

Cervantes, M. (2019). *Don Quixote de la Mancha*, Transl. from Spanish by M. V. Watson, SZKEO, St. Petersburg, Russia. (In Russian)

Cervantes, M. (1895). *Slavny rytsar Don Kihot Lamanchesky. Tom II*. [Knight of the Rueful Countenance Don Quixote de la Mancha. Vol. II], Transl. by L. Viardot, Izdanie knizhnago magazina G. Kolchugina Moscow, Russia, available at:

http://az.lib.ru/s/serwantessaawedra_m_d/text_text_1895_don-quihot-2_by_s-m-oldorfo.shtml (Accessed 10 April 2021). (In Russian)

Cervantes Saavedra, M. (1873). *Don Kihkot Lamancheski. V dvukh chastyakh* [Don Quixote De La Mancha. In two parts], Transl. from Spanish by V. Karelin. Izdaniye N. A. Shishigin, St. Petersburg, available at: http://az.lib.ru/s/serwantessaawedra_m_d/text_0060oldorfo.shtml (Accessed 10 April 2021). (In Russian)

Cervantes Saavedra, M. de (2014). *Hitroumny idalgo Don Kihot Lamanchesky* [Ingenious hidalgo Don Quixote de la Mancha], Transl. from Spanish by N. Lyubimov, poems Transl. by Yu. Korneev, Azbuka-Attikus, St. Petersburg, Russia. (In Russian)

Cervantes, M. (1988). *Don Kihot Lamanchesky. Roman v dvukh chastyakh* [Don Quixote de La Mancha. A Novel in two parts], Transl. from Spanish by L. A. Murakhina, Tipografia I. D. Sytin, Moscow, Russia, available at: http://az.lib.ru/s/serwantessaawedra_m_d/text_1899_don-qihot_lamanchskiy-oldorfo.shtml (Accessed 10 April 2021). (In Russian)

Arséntieva, N. (2011). *Reseña de "Vercher García, Enrique Javier (2011). Don Quijote entre*

las nieves. La transmisión al ruso de culturemas españoles en las traducciones de Don Quijote de K.P. Masalskij y N.M. Ljubimov [Review of “Vercher García, Enrique Javier (2011). Don Quijote in the snow. The transfer of Spanish culturemes into Russian in the translation of Don Quixote by K.P. Masalskij y N.M. Ljubimov], Centro de Estudios Cervantinos, Madrid, 356 - 360. (In Spanish)

Cantera Ortiz, J., Sevilla Muñoz, J. (2021). *Proverbs collection of el Marqués de Santillana*, available at: https://cvc.cervantes.es/lengua/biblioteca_fraseologica/r3_cantera/refranes_03.htm (Accessed 10 April 2021). (In Spanish)

Castígame mi madre, y yo trómpogelas (2021), available at: <http://desequilibrios.blogspot.com/2015/03/castigame-mi-madre-y-yo-trompogelas.html#:~:text=Y%2C%20en%20concreto%2C%20utiliza%20dos,lo%20que%20se%20le%20aconseja> (Accessed 10 April 2021). (In Spanish)

Cervantes, M. de (2018). *Don Quijote de la Mancha*, Mestas ediciones, S.L. Madrid. (In Spanish)

Cervantes, M de. (2005). *Don Quixote*. Vintage, Transl. from the Spanish by Edith Grossman, London. (In English)

Diccionario de la lengua española (2020), available at: <https://dle.rae.es/contenido/actualizaci%C3%B3n-2020> (Accessed 10 April 2021). (In Spanish)

García-Page, M. (1997). Linguistic properties of proverb (II): vocabulary, *Paremia*, 6, Madrid, available at:

https://cvc.cervantes.es/Lengua/paremia/pdf/006/040_garcia.pdf (Accessed 10 April 2021). (In Spanish)

Mieder, W. (2016). “*Stringing Proverbs Together*”. *The Proverbial Language in Miguel de Cervantes’s Don Quixote*, Burlington, Vermont. (In English)

Nabokov, V. (2016). *Lectures on Don Quixote*, Fredson Bowers, HMH. (In English)

Prado Aragonés, J. Cuestiones sobre didáctica de la lengua en El Quijote, *Issues on didactics of the language in Don Quixote*, Actas cervantinas, available at: https://cvc.cervantes.es/literatura/cervantistas/colloquios/cl_VIII/cl_VIII_38.pdf (Accessed 10 April 2021). (In Spanish)

Tarnovska, O. *Supervivencia de los refranes del Quijote* [The survival of proverbs of Don Quixote], Actas IX - Asociación Cervantistas, available at: https://cvc.cervantes.es/literatura/cervantistas/colloquios/cl_xi/cl_xi_37.pdf (Accessed 10 April 2021). (In Spanish)

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Меньшакова Надежда Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Nadezhda Nikolaevna Menshakova, PhD in Philology, Associate Professor, Perm State University.

УДК 81'42

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-8

Огнева Е. А.

**Архитектоника научно-популярного концепта-доминанты
«Географические открытия» в свете интерпретативного
моделирования**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: ogneva@bsu.edu.ru
ORCID iD: 0000-0003-4961-0304

Статья поступила 24 мая 2021г.; принята 22 июня 2021г.; опубликована 30 июня 2021г.

Аннотация. В статье рассматривается архитектура концептосферы научно-популярного текста как совокупность научно-популярных концептов с целью выявления специфики построения этого исследовательского конструкта. Научно-популярный концепт понимается как исследовательский конструкт, имеющий ядерно-периферийное номинативное поле в виде совокупности маркеров научно-популярной репрезентации реальности. Моделируется и интерпретируется архитектура одного из научно-популярных концептов – цивилизационно ориентированного концепта-доминанты «Географические открытия». Обосновывается представление номинативного поля концепта-доминанты в виде графической диахронической семиярусной ядерно-периферийной модели. Исходя из того, что концепт-доминанта как исследовательский конструкт представляет собой совокупность субконцептов, научно-популярный концепт-доминанта «Географические открытия» рассматривается в виде совокупности четырёх субконцептов: субконцепт «Великие мореплаватели», субконцепт «Великие землепроходцы», субконцепт «Путешествия», субконцепт «Открытые географические объекты». Подчеркивается возможность расширения списка субконцептов в результате последующих исследований. На материале интернет-источников на английском языке анализируется номинативное поле субконцепта «Христофор Колумб – великий мореплаватель» и номинативное поле субконцепта «The First Voyage of Christopher Columbus / Первое путешествие Христофора Колумба». На материале книги на русском языке о великих русских мореплавателях, изданной в 1898 году, анализируется номинативное поле субконцепта «Витус Беринг – великий мореплаватель» и номинативное поле субконцепта «Путешествие Беринга». Посредством когнитивно-герменевтического анализа доказываем, что номинативные поля субконцепта «Христофор Колумб – великий мореплаватель» и субконцепта «Витус Беринг – великий мореплаватель» представляют собой синергию фрейма и когнитивного сценария. Устанавливается, что субконцепт «The First Voyage of Christopher Columbus / Первое путешествие Христофора Колумба» и субконцепт «Путешествие Беринга» реализованы в виде персонифицированных нелинейных когнитивных сценариев, в которых выявлены хронемы, маркеры поляризации, точки субтерминальности, экспедиционная лексика, указывающая на специфику экспедиции. В результате проведенного исследования получена интерпретативная модель

двух сегментов научно-популярного концепта-доминанты «Географические открытия». В научный тезаурус введены термины: информативная плотность номинативного поля концепта, графическая диахроническая модель концепта, социографический маркер, точка субтерминальности, фоновый сопряжённый терминал.

Ключевые слова: Концепт-доминанта; Субконцепт; Архитектоника; Моделирование; Фрейм; Персонифицированный нелинейный когнитивный сценарий; Маркеры поляризации; Хрономы

Информация для цитирования: Огнева Е. А. Архитектоника научно-популярного концепта-доминанты «Географические открытия» в свете интерпретативного моделирования // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т.7, N2. С. 78-94. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-8

УДК 81`42

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-8

Elena A. Ogneva

**Architectonics of the popular science concept-dominant
“Geographical Discoveries” in the light of interpretative modeling**

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015 Russia
E-mail: ogneva@bsu.edu.ru
ORCID iD: 0000-0003-4961-0304

Received 24 May 2021; accepted 22 June 2021; published 30 June 2021

Abstract. The article deals with the conceptual sphere architectonics of a popular science text as a set of popular science concepts in order to identify the construction specifics of this research construct. A popular science concept is understood as a research construct having a kernal-peripheral nominative field in the form of a set of markers for popular science representation of reality. The architectonics of one of the popular science concepts is modeled and interpreted. This concept is a civilisationally oriented concept-dominant “Geographical Discoveries”. The presentation of concept-dominant nominative field in the form of a graphical diachronic seven-tier kernal-peripheral model is substantiated. Based on the fact that the concept-dominant as a research construct is a unit of subconcepts, the popular science concept-dominant “Geographical Discoveries” is considered as a combination of four subconcepts: subconcept “Great Navigators”, subconcept “Great Land-Explorers”, subconcept “Expedition”, subconcept of “Open Geographical Features”. The possibility of expanding the subconcepts list as a result of subsequent studies is emphasized. Based on Internet sources in English, the nominative field of subconcept “Christopher Columbus is a great navigator” and the nominative field of subconcept “The First Voyage of Christopher Columbus” are analysed. On the material of the book in Russian about the Great Russian sailors, published in 1898, the nominative field of the subconcept “Vitus Bering is the Great Navigator” and the nominative field of the subconcept “Bering’s Expedition” are analysed. Through cognitive hermeneutic analysis, it is proved that the nominative fields of the subconcept “Christopher Columbus is the Great Navigator” and the subconcept

“Vitus Bering is the Great Navigator” represent the synergy of the frame and the cognitive script. It is established that the subconcept “The First Voyage of Christopher Columbus” and the subconcept “Bering’s expedition” are implemented in the form of personalised nonlinear cognitive script in which chronemes, polarisation markers, subterminal points, and expeditionary vocabulary indicating the specifics of the expedition are identified. As a result of the research, an interpretive model of two segments of the popular science concept-dominant “Geographical discoveries” was obtained. The following terms are introduced into the scientific thesaurus: informative density of the concept’s nominative field, graphic diachronic model of the concept, sociographic marker, subterminal point, background conjugate terminal.

Keywords: Concept-dominant; Subconcept; Architectonics; Modeling; Frame; Personalised nonlinear cognitive script; Polarisation markers; Chronemes

How to cite: Ogneva, E.A. (2021). Architectonics of the popular science concept-dominant “Geographical Discoveries” in the light of interpretative modeling. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.7 (2), 78-94, DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-8

Введение (Introduction)

В современной когнитивной лингвистике одним из актуальных направлений исследований предстаёт речевая реализация концепта, а именно изучение его архитектоники в текстах различных стилей и типов, поскольку «текст — это центральное средство порождения знания, как индивидуально-личностного, так и социального, как в конкретной повседневной протяжённости, так и в культурно-исторической перспективе» (Гаспарян, 2014: 44). Будучи одной из форм проекции знания текст предстаёт как «сложное устройство, хранящее многообразные коды, способные трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» (Лотман, 2010: 121).

В течение нескольких десятилетий текст находится в фокусе научных изысканий, чем обусловлено появление значительного количества различных определений того, что же собой представляет текст.

В отечественном языкознании наиболее полное определение тексту дано И.Р. Гальпериным, который рассматривает текст как «произведение речетворческого

процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» (Гальперин, 2007: 18), вследствие того, что в осмысление природы текста «активно вовлекаются понятия, реализующие идею субъекта, как то антропотекст, субъект и личность, интенциональность и интенция, понимание и интерпретация, интерпретативная программа и интерпретативная стратегия и пр.» (Щирова, 2013: 18-19).

В зарубежном языкознании проблема текстового построения видится в следующем ракурсе. Так, Ф. Крамер концентрирует внимание на взаимосвязи цифрового кода и структуры литературного текста (Cramer, 2001: 1-9); Ф. Мэчерей рассматривает в качестве значимых составляющих текста положительные и отрицательные суждения автора, импровизацию, структуру и закономерности построения текста, глубину и сложность построения текста (Macherey, 2006); М. Клэрер излагает

специфику текстуально ориентированных, авторско-ориентированных и читателе-ориентированных подходов к изучению текста (Klarer, 2011).

В нашем видении текст представляет собой формат знания, который может быть организован по принципу ядерно-периферийной концептосферы как совокупности концептов. Под форматом знания Н.Н. Болдырев понимает «определенную форму представления знания на мыслительном (концептуальном) или языковом уровнях» (Болдырев, 2009: 26), тогда как нами формат знания понимается как систематизированная семиотически оформленная проекция знания. В этом случае интенция автора текста, наряду со свойствами порождаемого автором типа и стиля текста, предопределяет архитектуру текстового формата знания.

Основная часть (Main Part)

Цель статьи заключается в изложении авторского алгоритма интерпретации и моделировании научно-популярного концепта как малоизученного типа концептов на примере выявления особенностей построения научно-популярного концепта «Географические открытия».

Материалы и методы исследования (Materials and methods)

Материалом для исследования послужили англоязычные научно-популярные тексты, представленные в Интернете, и русскоязычная научно-популярная литература конца 19 века.

Результаты исследования и их обсуждение (Result and Discussion)

Рассмотрение текста в виде ядерно-периферийной архитектуры концептосферы позволяет провести когнитивно-герменевтический анализ этого формата знания с целью типологизации составляющих её концептов. Так, было доказано существование в концептосфере художественного текста следующих типов художественных концептов: базовый

художественный концепт и культурный художественный концепт (Огнева, 2009: 59-60). Дальнейшие исследования художественных концептов показали, что по структуре концепты могут подразделяться на: 1) бинарный художественный концепт, биполярный художественный концепт, парный художественный концепт (Прохорова, 2018), 2) дуальный художественный концепт (Даниленко, 2019).

Другой формат текста, научный текст, представляет собой совокупность научных концептов. Архитектоника и художественного, и научного текстов перманентно находятся в фокусе научного исследования, в отличие от архитектуры научно-популярного текста.

Исследование научно-популярного текста привело к мысли о закономерности представления его концептосферы в виде научно-популярных концептов. Под **научно-популярным концептом** понимается исследовательский конструкт, имеющий ядерно-периферийное номинативное поле как совокупность маркеров научно-популярной репрезентации реальности.

Очевидно, что как в художественной литературе художественный концепт предстаёт форматом знания, в научной литературе научный концепт предстаёт форматом знания, так в научно-популярной литературе научно-популярный концепт также предстаёт форматом знания.

Наряду с общим признаком перечисленных типов концептов, представлением их в виде формата знания, другим обобщающим признаком видится наличие / отсутствие свойства доминантности, поскольку специфика архитектуры художественных, научных, научно-популярных текстов способствует тому, что среди концептов часть концептов приобретают статус концептов-доминант.

В авторской концепции когнитивно-герменевтического моделирования и

интерпретации концептосферы текста под концептами-доминантами понимаются те концепты ядерно-периферийной архитектуры концептосферы текста, которые в силу содержащейся в них информативной плотности данных и в силу высокой частотности их номинантов занимают доминирующее положение в текстовой концептосфере.

Примечательно, что как показывают исследования, концепт принимает статус концепта-доминанты при выполнении одного из следующих четырёх условий: 1) в случае высокой информативной плотности номинативного поля концепта; 2) в случае высокой частотности номинантов поля концепта; 3) в случае синергии высокой информативной плотности номинативного поля концепта и высокой частотности номинантов поля концепта; в этом случае концепт-доминанта становится абсолютным концептом-доминантой; 4) в случае общности концептуальной картины мира, отражённой в тексте и концептуальной картины мира читателя текста.

Рассматривая первое условие доминантности концепта, необходимо, прежде всего, дать определение информативной плотности номинативного поля. Как известно, составляющие номинативное поле концепта номинанты представляют собой речевые единицы, состоящие из содержательного, т.е. семантического, плана выражения и формального плана выражения. В этом случае, часть номинантов может выражать бóльший объём семантической информации, чем другие, малоинформативные, номинанты. Следовательно, под **информативной плотностью номинативного поля концепта** понимается ситуация, в которой при минимальном количестве речевых единиц выражается максимальный смысловой объём. Существует низкая информативная плотность номинативного поля концепта, средняя информативная плотность номинативного поля концепта, высокая

информативная плотность номинативного поля концепта. Только при высокой информативной плотности номинативного поля концепт приобретает статус концепта-доминанты.

Рассматривая второе условие доминантности концепта, необходимо принимать во внимание результаты квантитативного анализа номинантов поля концепта. Как правило, концепты-доминанты, соответствующие второму условию доминантности, располагаются в ближней периферии ядерно-периферийной структуры текстовой концептосферы.

Рассматривая третье условие доминантности концепта, необходимо акцентировать внимание на том, что синергия высокой информативной плотности номинативного поля концепта и высокой частотности номинантов поля концепта, приводящая к появлению статуса абсолютного концепта-доминанты, предопределяет нахождение такого концепта в приядерной зоне ядерно-периферийной архитектуры концептосферы текста.

Рассматривая четвёртое условие доминантности концепта, необходимо принимать во внимание наличие коммуникативной диады текст ↔ читатель, в которой существует общность концептуальной картины мира, отражённой в тексте, и концептуальной картины мира реципиента текста, поскольку, вне сомнения, «чтобы состоялось общение автора и адресата через текст, необходимы знание языка (кода) и действительности» (Болотнова, 2016: 113).

Концепты-доминанты конкретного текста или совокупности однотематических текстов являются теми единицами архитектуры концептосферы, которые привлекают и удерживают внимание читателей. Одним из таких концептов-доминант научно-популярных текстов, репрезентирующих события цивилизационного значения, видится концепт «Географические открытия». А.Г. Исаченко обосновал периодизацию

географических открытий следующим образом: I период – античная география, II период – география средневековья, «III период – эпоха Великих географических открытий и начало нового времени (XVв. – последняя треть XVIII в.), IV период – география нового времени (последняя треть XVIII в. – конец XIXв.), V период – зарождение современной географии (конец XIX в. – начало XXв.), VI период – география новейшего времени, VII период – современная география (с 1945 г. по настоящее время)» (Исаченко, 1971).

Существование периодизации географических открытий побудило к представлению научно-популярного концепта «Географические открытия» в виде графической диахронической семиярусной ядерно-периферийной модели. Под **графической диахронической моделью концепта** понимается схематическое, диахронически ориентированное изображение архитектуры номинативного поля концепта. Попытка решения

проблемы диахронического представления концепта без выхода на уровень моделирования была предпринята Л.П. Дроновой (см. Дронова, 2013, 2014а, 2014б).

В нашем понимании графическую диахроническую семиярусную ядерно-периферийную модель научно-популярного концепта-доминанты «Географические открытия», можно представить следующим образом, приняв условные обозначения:

○ – ядро концепта, идентичное во всех семи ярусах модели,

▬ – номинативное поле каждого из семи ярусов концепта,

стрелки по левую сторону от номинативных полей – диахрония перехода одного яруса в другой,

выноски по правую сторону от номинативных полей – указание на номер яруса в модели.

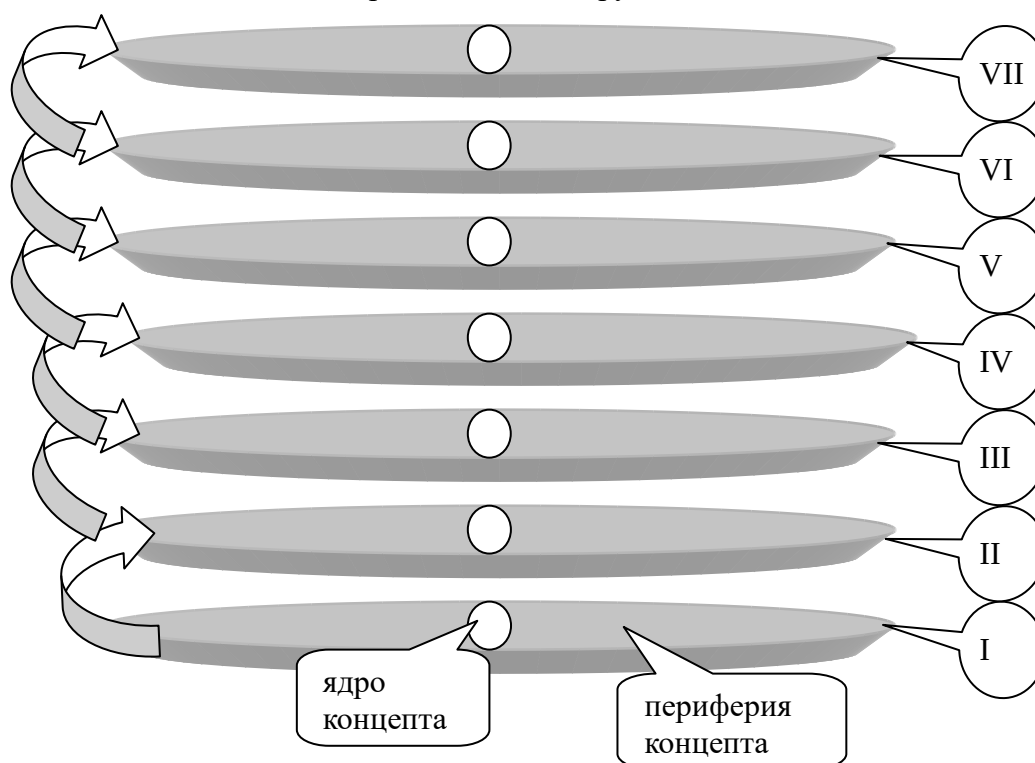

Рис. Диахроническая семиярусная ядерно-периферийная модель научно-популярного концепта «Географические открытия»

Fig. A diachronic seven-tiered nuclear-peripheral model of the popular science concept "Geographical Discoveries"

На представленной модели очевидна преемственность от предыдущего яруса к последующему ярусу при идентичности ядерного номинанта поля, дающего имя всему концепту.

Дальнейшее рассмотрение архитектуры научно-популярного концепта-доминанты «Географические открытия» установило, что концепт представляет собой совокупность субконцептов: субконцепт «Великие мореплаватели», субконцепт «Великие землепроходцы», субконцепт «Путешествия», субконцепт «Открытые географические объекты». Список субконцептов не закрыт и может быть продолжен. Примечательно, что перечисленные субконцепты входят в состав номинативных полей всех семи ярусов модели.

Экстраполируем ранее доказанное существование в концептосфере художественного текста «статичных, динамичных, статично-динамичных когнитивных структур» (Огнева, 2009: 240-241) на модель научно-популярного концепта-доминанты «Географические открытия». Очевидно, 1) субконцепт «открытые географические объекты» репрезентируется в виде статичной когнитивной структуры – фрейма; 2) субконцепт «великие мореплаватели» равно как и субконцепт «великие землепроходцы» могут быть репрезентированы как в виде фрейма, так и в виде сопряжения фрейма и когнитивного сценария; 3) субконцепт «Путешествия» репрезентируется посредством динамичной когнитивной структуры, т.е. когнитивного сценария как совокупности *n*-количества следующих друг за другом терминалов, отражающих действия или события.

Когнитивная структура, состоящая из статичных и динамичных компонентов, представляет собой когнитивную карту как статично-динамичную когнитивную структуру.

Таким образом, научно-популярный концепт-доминанта «Географические

открытия» представляет собой когнитивную карту.

Далее, рассмотрим номинативное поле, одного из ярусов, а именно третьего яруса диахронической семиярусной ядерно-периферийной модели научно-популярного концепта-доминанты «Географические открытия», т.е. яруса, репрезентирующего эпоху Великих географических открытий и начало нового времени (XV в. – последняя треть XVIII в.). Выбор третьего яруса модели концепта-доминанты «Географические открытия» обусловлен тем, что эпоха Великих географических открытий стала прологом развития европейского модерна, т.е. основой интерпретации цивилизационной значимости последующих географических открытий.

В статье рассмотрены четыре субконцепта; два субконцепта на английском языке: субконцепт «Христофор Колумб – великий мореплаватель», субконцепт «The First Voyage of Christopher Columbus / Первое путешествие Христофора Колумба» и два субконцепта на русском языке: субконцепт «Витус Беринг – великий мореплаватель», субконцепт «Путешествие Беринга».

Проанализируем субконцепт «Христофор Колумб – великий мореплаватель» в следующем контексте: «Christopher Colombus (before 31 October 1451 - 20 May 1506) was an Italian explorer and colonizer who completed four voyages across the Atlantic Ocean that opened the New World for conquest and permanent European colonization of the America. Columbus had embarked with intent to find and develop a westward route to the Far East, but instead discovered a route to the America which were then unknown to the Old World. Columbus's voyages were the first European expeditions to the Caribbien, Central America, and South America» (Christopher Columbus: <http://>).

В рассматриваемом контексте, прежде всего, выявлены две хрономы: предельная трёхядерная хронема *before 31*

October 1451 и точечная трёхядерная хронема *20 may 1506*. Подчеркнём, что **ядерность хронем** определяется по количеству терминальных аспектов хронемы. Например, в хронеме *31 October 1451* указан год, месяц и число – значит хронема трёхядерная.

Во-вторых, указана национальность мореплавателя – *an Italian explorer / итальянский исследователь*. В-третьих, указано количество путешествий и место их проведения *four voyages across the Atlantic Ocean / четыре путешествия через Атлантический океан*. В номинанте выявлен океаноним *the Atlantic Ocean*.

В-четвертых, выявлено противопоставление Нового и Старого света в номинантах *the New World ↔ the Old World*, которые являются маркерами контекстной поляризации. Под **маркерами контекстной поляризации** нами понимаются языковые единицы, репрезентирующие противоположные смысловые явления, в рамках отдельно взятого контекста или совокупности контекстов одного и того же произведения.

В-пятых, указано название материка *the America*. В-шестых, указано противопоставление между целями путешествий и результатом *to find and develop a westward route to the Far East ↔ instead discovered a route to the America / найти и развить западный путь на Дальний Восток ↔ в действительность открыл путь в Америку*.

В-седьмых, в контексте выявлено, что Христофор Колумб впервые открыл три географических объекта, а именно следующие проксемы: инсулоним *the Caribbien / Карибские острова*, хоронимы *Central America / Центральная Америка, South America / Южная Америка*. Именно этот перечень географических объектов в сочетании с лексемой «открыл» свидетельствует о том, что архитектоника субконцепта представляет собой сопряжение фрейма и когнитивного сценария.

Далее, рассмотрим субконцепт «Беринг – великий мореплаватель» в следующем контексте: «Если весь свѣтъ воздаёт хвалу Колумбу и Куку, то русскіе люди обязаны чтить память своего мореплавателя, Беринга, которому принадлежит честь открытія пролива, раздѣляющаго два свѣта: Старый и Новый. Кромѣ того, Беринг был первым мореплавателем, посеѣтившим моря Камчатское и Бобровое, названное потомъ его именемъ. Онъ же открылъ Алеутскіе острова, острова Шумагинскіе, Туманные, сѣверо-западную часть Америки и гору Св. Іліи» (Лялина, 1898. 6).

Итак, контекст, описывающий Витуса Беринга, представляет собой синергию двух когнитивных структур: 1) фрейма – непосредственное описание личности великого мореплавателя и 2) когнитивного сценария – перечень открытых им территорий в сочетании с лексемой «открыл».

Когнитивно-герменевтический анализ материала показывает, во-первых, лексема свѣтъ имеет два значения: (1) *весь свѣтъ* – люди; (2) *два свѣта: Старый и Новый* – социогеографические маркеры. Под **социогеографическими маркерами** понимаются языковые единицы, в семантике которых заложена синергия двух компонентов реального мира, а именно синергия социумной информации и информации о географическом объекте.

Во-вторых, номинанты *весь свѣтъ* и *русскіе люди* контекстуально противопоставлены, т.е. являются маркерами контекстной поляризации. Номинанты *весь свѣтъ* и *русскіе люди* относятся к номинантам «социумной мировоззренческой поляризации» (Гламазда, 2019: 29).

Словосочетание «весь свѣтъ» полярно словосочетанию «русскіе люди», которое контекстно коррелирует с фамилией русского мореплавателя Беринга, совершавшего морские путешествия и открытия новых земель вдоль восточного

побережья своей страны, тогда как словосочетание «весь свѣтъ» коррелирует с двумя известными мореплавателями, Колумбом и Куком, совершавшими путешествия в другие страны к западу и югу, юго-востоку от их стран, т.е. выявлена тройная контекстная поляризация: 1) плавание вдоль берега ↔ плавание от берега в другие страны, 2) плавание на восточном побережье своей страны ↔ плавание к западу и юго-востоку от собственной страны, 3) плавание около побережья своей страны ↔ плавание к берегам других стран. Кроме того, выявлена поляризация в количестве известных мореплавателей: один мореплаватель ↔ два мореплавателя.

В качестве экстралингвистических данных, не указанных в рассматриваемом контексте, следует упомянуть факт, как ответ на прозвучавший в конце XIX века призыв о памятовании подвига, факт того, что в память о мореплавателе Витусе Беринге в Советском Союзе выпускались монеты и почтовые марки в 1957, 1966, 1981, 1991 и даже в 1943 г.

В рассматриваемом контексте также выявлен перечень географических мест, где «Беринг был первым мореплавателем». Этот перечень географических мест на восточном побережье Российской империи в сочетании с причастием «посѣтившимъ» представляет собой сценарий путешествий, репрезентированный такими номинантами как: (1) пелагонимы: Камчатское море и Бобровое (Берингово) море, (2) инсулонимы: Алеутские острова, острова Шумагинские, Туманные, 3) номинант сѣверо-западная часть Америки, 4) ороним: гора Св. Іліи.

Таким образом, очевидна схожесть в номинативных полях двух рассмотренных научно-популярных субконцептов «великий мореплаватель».

Далее, рассмотрим субконцепт «Путешествия». Как сказано выше, субконцепт «Путешествия» репрезентируется посредством когнитивного сценария как динамичной когнитивной

структуры концептосферы текста. Прежде всего, отметим, что в соответствии с теорией моделирования и интерпретации текстового когнитивного сценария (Огнева 2014) архитектоника сценария состоит из трёх взаимосвязанных и взаимообусловленных смыслообразующих сегментов: 1) агенс-информант, 2) терминалопоток, 3) фоновый информант.

Под **агенс-информантом** понимается совокупность номинантов (агентов), репрезентирующих информацию о действующем участнике или участниках ситуации, реализуемой в результате развёртывания когнитивного сценария, следовательно, агенс-информант – это совокупность актантов-агентов как вербализованных, так и невербализованных (нулевых знаков) в структуре номинативного поля когнитивного сценария.

Терминалопоток как базовый сегмент текстового когнитивного сценария рассматривается как совокупность *n*-количества терминалов; каждый из терминалов включает в свой состав сказуемое (предикат), репрезентирующее действие как одно из звеньев в цепи последовательных действий, режы событий. Терминалопоток может быть **линейным**, т.е. репрезентировать линейную последовательность действий или событий, и **нелинейным**, репрезентирующим многовекторную совокупность действий или событий.

Фоновый информант понимается как совокупность фоновых терминалов, номинанты которых репрезентируют различную информацию: поясняющую, уточняющую, предваряющую или подводящую некий итог развёртыванию когнитивного сценария.

В процессе моделирования субконцепта «Путешествия» приняты следующие условные обозначения: **А** – агенс, **ОА** – нулевой агенс, для обозначения номера агенса в агенс-информанте сценария применяются цифры, **Т** – терминал, для обозначения номера

терминала в терминалопотоке применяются цифры; **ФТ** – фоновый терминал, для обозначения номера фонового терминала применяются цифры; **СА** – субсценарный агенс, **ОСА** – нулевой субсценарный агенс, **СТ** – субсценарный терминал.

Подчеркнём тот факт, что ведётся внутрисегментная нумерация в каждом из смысловобозначающих сегментов когнитивного сценария. Условные обозначения в рассматриваемом контексте предшествуют исследуемому компоненту сценария.

Итак, проведём когнитивно-герменевтический анализ контекста, репрезентирующего субконцепт «The First Voyage of Christopher Columbus / Первое путешествие Христофора Колумба» и выявим специфику его построения. Подчеркнём тот факт, что существует множество контекстов, репрезентирующие этот субконцепт, которые остаются за рамками излагаемого в статье материала, но не за рамками проводимого исследования.

«**(Т-1)** Having convinced the King and Queen of Spain to finance his voyage, **(А-1)** Christopher Columbus **(Т-1)** departed mainland Spain on August 3, 1492. **(А-2)** He **(Т-2)** quickly made port in the Canary Islands for a final restocking and **(ОА-3)** **(Т-3)** left there on September 6. **(ФТ-1-3)** He was in command of three ships: the Pinta, the Niña, and the Santa María. Although Columbus was in overall command, the Pinta was captained by Martín Alonso Pinzón and the Niña by Vicente Yañez Pinzón. **(Т-4)** On October 12, **(А-4)** Rodrigo de Triana, **(ФТ-4)** a sailor aboard the Pinta, **(Т-4)** first sighted land. **(СА-4.1.)** Columbus himself **(СТ-4.1.)** later claimed that **(СА-4.2.)** he **(СТ-4.2.)** had seen a sort of light or aura before **(СА-4.3.)** Triana **(СТ-4.3.)** did, **(СТ-4.4.)** allowing him to keep the reward **(СА-4.4.)** he **(СТ-4.4.)** had promised to give whomever spotted land first. **(ФТ-4)** The land turned out to be a small island in the present-day Bahamas. **(А-**

5) Columbus (Т-5) named the island San Salvador, **(ФТ-5)** although he remarked in his journal that the natives referred to it as Guanahani. There is some debate over which island was Columbus' first stop; most experts believe it to be San Salvador, Samana Cay, Plana Cays or Grand Turk Island» (The first voyage ... [http](http://)).

Итак, охарактеризуем специфику рассматриваемого когнитивного сценария. Прежде всего, отметим, что когнитивный сценарий, репрезентирующий первое путешествие Колумба – это персонифицированный когнитивный сценарий. Под **персонифицированным когнитивным сценарием** понимается динамичная когнитивная структура, в которой агенс-информант номинирует действующее лицо, реализующее сценарий.

Рассматриваемый когнитивный сценарий – это нелинейный когнитивный сценарий. Под **нелинейным когнитивным сценарием** понимается динамичная когнитивная структура, репрезентирующая многовекторность действий или событий в виде нескольких терминалопотоков как совокупности терминалов, сопряженных с двумя и более агенсами, количество которых увеличивается или уменьшается на протяжении всего развёртывания сценария

Под **линейным когнитивным сценарием** понимается «динамичная когнитивная структура, репрезентирующая последовательность действий, реже событий, в виде терминалопотока как совокупности терминалов, сопряженных с одним или несколькими агенсами, неизменными на протяжении всего развёртывания сценария» (Огнева, 2014: 78).

Установлено, что когнитивный сценарий «The First Voyage of Christopher Columbus / Первое путешествие Христофора Колумба» состоит из пяти терминалов, сопряженных с агенс-информантом, включающим в себя четыре агенса, нулевой агенс, сочетающийся с 3-м

терминалом, четыре субагенса, сопряженных с четвёртым агенсом. Четвёртый терминал имеет субтерминальный поток, состоящий из четырёх субтерминалов, следовательно, четвёртый терминал является точкой субтерминальности. Под **точкой субтерминальности** в архитектонике когнитивного сценария понимается тот терминал, информация которого разворачивается в виде субтерминального потока.

Рассмотрение архитектоники агенса-информанта показало, что среди агенсов присутствуют имена собственные, а именно: *Christopher Columbus*, двойной повтор фамилии *Columbus* в субагенсах - 4.1 и агенсе-5, а также собственное имя моряка *Rodrigo de Triana* и его повтор в лексеме *Triana*; местоимение *He*, упомянутое трижды, относится два раза к Христофору Колумбу и один раз к моряку.

Примечательно, что в архитектонике сценария фоновый терминал **ФТ-1-3** сопряжён с тремя терминалами сценария, что, как правило, низкочастотно, но является характерной чертой для когнитивного сценария научно-популярного субконцепта «Путешествия». Такой тип фонового терминала рассматривается в качестве фонового сопряжённого терминала. Под **фоновым сопряжённым терминалом** понимается фоновый терминал, сопряжённый с двумя и более терминалами когнитивного сценария.

В фоновом терминале-5 рассматриваемого сценария выявлены: инсулонимы, а именно новое название острова, данное ему Христофором Колумбом – *San Salvador*, и прежнее название этого острова – *Guanahani*. Эти инсулонимы могут рассматриваться в качестве лексических таймеров, поскольку до прибытия Колумба остров имел одно название, а после прибытия – другое название. Под **лексическими таймерами** понимаются «слова или словосочетания, семантика которых косвенно

репрезентирует темпоральный аспект в номинативном поле художественного концепта «Время»» (Бузина, 2019: 175).

Также, в рассматриваемом фоновом терминале выявлено ещё три инсулонима: *Samana Cay, Plana Cays or Grand Turk Island*. Два последних инсулонима номинируют один и тот же остров.

Также было определено две корреляции проксема и хронемы: в первом терминале проксема *Spain* сочетается с точечной трёхядерной хронемой *on August 3, 1492* в рамках одного терминала; во втором случае, в терминале-2 указан инсулоним *the Canary Islands*, острова, на которые прибыли путешественники, а в третьем терминале указана дата отплытия – двухядерная хронема *on September 6*, т.е. выявлена корреляция проксема и хронемы на фоне противоположных действий во время путешествия: прибытия и отплытия.

Также выявлены три карабонима, т.е. названия кораблей: *the Pinta, the Niña, and the Santa María*.

Таким образом, рассмотренный когнитивный сценарий, репрезентирующий субконцепт «The First Voyage of Christopher Columbus / Первое путешествие Христофора Колумба», будучи нелинейной моделью, отразил специфику построения номинативного поля субконцепта, а именно, употребление карабонимов, инсулонимов и хронем, как необходимых атрибутов путешествия, нацеленной на новые географические открытия. Нелинейность архитектоники когнитивного сценария свидетельствует о непросто́м характере путешествия, иначе архитектоника была бы линейной, т.е. иначе отражала бы ход событий.

Для выявления специфики описания одного из путешествий известного отечественного мореплавателя Витуса Беринга был взят материал из книги М.А. Лялиной «Русские мореплаватели арктические и кругосветные. Путешествия В. Беринга, Г. Сарычева, Ф.П. ф.-Врангеля, гр. Ф.П. Литке, Пахтусова, А.Э. Норденшельда, И.Ф. Крузенштерна и

Ф.Ф. Беллинсгаузена, опубликованной в 1898 году в С-Петербурге: «(Т-1) Января 24-го 1725 г. (А-1) экспедиция покинула Петербургъ и, (ОА-2) (Т-2) приѣхавъ в Вологду, узнала о смерти императора. (Т-3) 16 Февраля (А-3) всѣ члены экспедиции выѣхали из Вологды и (ОА-4) (Т-4) ровно черезъ мѣсяцъ благополучно прибыли въ Тобольскъ. (ФТ-1-4) При отсутствіи рельсовыхъ путей и парашодовъ, путешествіе было крайне затруднительно; приходилось ѣхать сухимъ путемъ по ужаснымъ дорогамъ или тянуться по рекамъ бичевою. (Т-5) Только въ Юнѣ слѣдующаго 1726 года (А-5) экспедиция (Т-5) добралась до Якутска. Тотчасъ по прибитіи (А-5.1.) Берингъ (СТ-5.1.а) послалъ водою в Охотскъ лейтенанта Шпанберга и съ нимъ 204 чѣловека команды; (СТ-5.2а.) тяжести отправилъ на лошадахъ, (СТ-5.3а.) а самъ с Чаплинымъ поѣхалъ верхомъ. (СТ-5.3б.) Пробывъ в дорогѣ 45 дней, (СА-5.3б.) онъ благополучно добрался до Охотска. (СТ-5.1б.) Не такъ удачно было путешествие Шпанберга. Застигнутый зимою на полпути, (СА-5.1б.) онъ долженъ былъ бросить суда и (ОСА-5.1в.) (СТ-5.1в.) со всею командою ѣхать сухимъ путемъ, (ОСА-5.1г.) (СТ-5.1г.) съ трудомъ добывая лошадей. (ФТ-5.1б-г.) Продовольствія не хватало и путники чуть не умерли съ голоду. (ОСА-5.2б.) (СТ-5.2б.) Но самыя ужасныя испытанія выпали на долю тяжелого транспорта; изъ 500 лошадей пало отъ истощенія 267; (СА-5.2в.) люди (СТ-5.2в.) же принуждены были ѣсть ремни, кожи, кожаные штаны и подошвы. (СТ-5.2г.) Добравшись до Охотска, (СА-5.2г.) несчастные походили на выходцевъ съ того свѣта; (ОСА-5.2д.) (СТ-5.2д.) изъ уцѣлѣвшихъ лошадей пало еще 121; изъ 11 быковъ дошелъ одинъ» (Лялина, 1898: 6-7).

Прежде всего, было выявлено, что описание экспедиции репрезентировано в формате нелинейного когнитивного сценария, состоящего из пяти терминалов, где пятый терминал представляет собой

совокупность трёх субтерминалов, т.е. является точкой субтерминальности в модели когнитивного сценария. Также было выявлено пять темпоральных маркеров, а именно четыре хронемы и один лексический таймер, тесно взаимосвязанных с проксемами: в первом терминале - точечная трёхядерная хронема *Января 24-го 1725 г.* взаимосвязана с проксемой – астионимом *Петербургъ*, во втором терминале – лексический таймер *смерть императора* связан с проксемой – астионимом *Вологда*, в третьем терминале точечная двужадерная хронема *16 Февраля* связана с проксемой – астионимом *Вологда*, в четвёртом терминале – точечная одноядерная хронема *ровно черезъ мѣсяцъ* связана с проксемой – астионимом *Тобольскъ*; и в последнем, пятом, терминале обобщающая трёхядерная хронема: *только въ Юнѣ слѣдующаго 1726 года* связана с проксемой – астионимом *Якутск*.

Примечательно, в архитектонике рассматриваемого когнитивного сценария фоновый терминал **ФЕ-1-4** относится одновременно к четырём первым терминалам сценария, что в целом в художественных и научных текстах, низкочастотно, однако, характерно для научно-популярных текстов. Как правило, фоновый терминал может соотноситься с одним или двумя терминалами. Содержание фонового терминала **ФЕ-1-4** представляет собой совокупность четырёх исторических лингвокультурем: отсутствіе рельсовыхъ путей, (отсутствіе) парашодовъ, ѣхать сухимъ путемъ по ужаснымъ дорогамъ, тянуться по рекамъ бичевою.

Рассматриваемый когнитивный сценарий примечателен не только взаимосвязью фонового терминала с четырьмя терминалами, но и построением субтерминального потока, который представляет собой совокупность трёх субтерминальных потоков, исходящих из точки субтерминальности, из пятого субтерминала.

Первый субтерминальный поток состоит из четырёх субтерминалов и фонового терминала: (СТ-5.1.а) послалъ водою в Охотскъ лейтенанта Шпанберга и съ ним 204 чѣловека команды (СТ-5.1б.) Не такъ удачно было путешествие Шпанберга. Застигнутый зимою на полпути, онъ долженъ былъ бросить суда и (СТ-5.1в.) со всею командою ѣхать сухимъ путемъ. (СТ-5.1г.) съ трудомъ добывая лошадей. (ФТ-5.1б-г.) Продовольствія не хватало и путники чуть не умерли съ голоду.

В архитектонике субтерминального потока, в первом субтерминале, выявлена проксема-астионим *Охотскъ*, обозначающая конечный пункт назначения этой части экспедиции. В оставшихся трёх субтерминалах описаны сложности пути, состоящего из перемещения по рекам и по суше.

Второй субтерминальный поток состоит из пяти субтерминалов (СТ-5.2б.) Но самыя ужасныя испытанія выпали на долю тяжелого транспорта; изъ 500 лошадей пало отъ истощенія 267; (СТ-5.2в.) люди же принуждены были ѣсть ремни, кожи, кожаные штаны и подошвы. (СТ-5.2г.) Добравшись до Охотска, несчастные походили на выходцевъ съ того свѣта; (СТ-5.2д.) изъ уцѣлѣвшихъ лошадей пало еще 121; изъ 11 быковъ дошелъ одинъ».

В архитектонике субтерминального потока, в четвертом субтерминале, выявлена проксема-астионим *Охотскъ*, обозначающая конечный пункт назначения этой части экспедиции. В других четырёх субтерминалах также описаны сложности сухопутного пути. Представлены количественные данные имевшегося и утерянного имущества экспедиции в результате падежа лошадей и быков.

Третий субтерминальный поток состоит из двух субтерминалов (СТ-5.3а.) а самъ с Чаплинымъ поѣхалъ верхомъ. (СТ-5.3б.) Пробывъ в дорогѣ 45 дней, он благополучно добрался до Охотска.

Архитектоника третьего субтерминального потока отличается от первых двух, прежде всего, по объёму – всего два субтерминала, в отличие от 4 и 5 субтерминалов в предыдущих субтерминальных потоках. Во-вторых, указана продолжительность пути – пролонгированная хронема 45 дней. И, как и в предыдущих двух субтерминалах, выявлена проксема-астионим *Охотскъ*.

Примечательно, что пункт назначения в первом субтерминальном потоке указан в первом субтерминале, во втором субтерминальном потоке он указан в предпоследнем субтерминале и в третьем субтерминальном потоке он указан в последнем субтерминале, что создаёт ощущение приближения к конечному пункту пути.

В целом в архитектонике когнитивного сценария «Путешествие Беринга» выявлено пять проксем-астионимов: *Петербург, Вологда, Тобольск, Якутск, Охотск*, маркирующих путь экспедиции из столицы империи к её восточному побережью.

Таким образом, развёрнутая архитектура рассматриваемого когнитивного сценария «Путешествие Беринга» подчеркивает сложность проделанного экспедицией пути.

Отразим основные особенности построения на английском языке когнитивного сценария «The First Voyage of Christopher Columbus / Первое путешествие Христофора Колумба» и на русском языке когнитивного сценария «Путешествие Беринга» в таблице.

Первые пять пунктов (табл.) наглядно иллюстрирую особенности построения архитектуры моделей когнитивных сценариев, репрезентирующих путешествие, тогда как шестой пункт, экспедиционная лексика, указывает на тип путешествия: морское путешествие Христофора Колумба или сухопутное путешествие Витуса Беринга.

Таблица

Сравнительные параметры архитектуры когнитивных сценариев

Table

Comparative parameters for the architectonics of cognitive scenarios

№ п/п	параметры архитектуры сценария	Первое путешествие Христофора Колумба	Путешествие Беринга
1.	формат репрезентации	нелинейный когнитивный сценарий	нелинейный когнитивный сценарий
2.	количество терминалов	5+1 субтерминальный поток	5+3 субтерминальных потока
3.	количество агентов	4 агента, нулевой агент, 4 субагента	3 агента, 2 нулевых агента, 4 субагента, 4 нулевых субагента
4.	количество фоновых терминалов	1 сопряжённый, 1 обычный	1 сопряжённый, 1 обычный
5.	точка субтерминальности	4 терминал, предпоследний	5 терминал, последний
6.	экспедиционная лексика	карабонимы инсулонимы хронемы	лингвокультуранимы астионимы хронемы

Заключение (Conclusion)

Предложенный алгоритм моделирования и интерпретации архитектуры научно-популярного концепта-доминанты «Географические открытия» наряду с алгоритмом построения модели, содержащей в себе семь компонентов: «(1) вид транспорта в России 17 века, (2) время открытий, (3) территория открытий, (4) взаимодействие землепроходца и государства, (5) опасность путешествия, (6) быт великого путешественника, (7) организация экспедиций» (Огнева 2017: 32), способствует созданию комплексной интерпретативной модели такого цивилизационного явления как «Географические открытия», рассматриваемого нами в виде научно-популярного концепта-доминанты.

Проведённый когнитивно-герменевтический анализ архитектуры номинативных полей двух научно-популярных субконцептов «Великий мореплаватель» и «Путешествия»,

реализованных в текстах на английском и русском языках, показал как наличие общих черт построения архитектуры номинативных полей, что предопределено общностью в стилевом оформлении исследуемого материала, т.е. текстов, написанных научно-популярным стилем, так и различных черт, среди которых - большая разветвлённость архитектуры модели субконцепта «Путешествия» на русском языке, что подчеркивает её большую сложность.

Однако, отметим, что схожесть черт превалирует, поскольку оба субконцепта, субконцепт «The First Voyage of Christopher Columbus / Первое путешествие Христофора Колумба» и субконцепт «Путешествие Беринга», представляют собой когнитивные сценарии, состоящие из пяти терминалов, т.е. прослеживается закономерность смысловой достаточности при схожести смыслового оформления. Более того, оба когнитивные сценария – это персонифицированные нелинейные сценарии, в которых выявлены хронемы,

маркеры поляризации, точки субтерминальности.

Проведённое исследование способствует моделированию и интерпретации архитектоники научно-популярного концепта-доминанты «Географические открытия» как многогранного исследовательского конструкта.

Список литературы

- Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. М.: ИЯ РАН; Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 25-78.
- Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. 5-е изд. М.: Флинта, 2016. 521 с.
- Бузина Е.И. Детерминация лексических таймеров в темпоральной структуре художественного текста // Иностранные языки: лингвистические и методологические аспекты: Межвуз. сборник науч. трудов. Вып. 44. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2019. С. 174-178.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. 5-е изд., стер. М.: Наука, 2007. 139 с.
- Гаспарян Г.Р. Текст как дискурсивное событие / Г.Р. Гаспарян, В.Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 4. С. 44-51.
- Гламазда С.Н. Специфика интерпретации маркеров социумной контекстной поляризации // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т.5. № 3. С. 23-32.
- Даниленко И.А. Дуальный концепт как разновидность двухъядерного художественного концепта // Иностранные языки: лингвистические и методологические аспекты. 2019. № 44. С. 183-189.
- Дронова Л.П. Методика диахронического исследования и когнитивный подход к языку // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 2 (22). С. 22-39.
- Дронова Л.П. Методика диахронического исследования и когнитивный подход к языку. Ч. II // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014а. № 2 (28). С. 16-24.
- Дронова Л.П. Диахроническое представление концепта: к методике анализа // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014б. № 3 (040). С. 59-65.
- Исаченко А.Г. Развитие географических идей. М.: Мысль, 1971. 416 с.
- Лотман Ю.М. Чему учатся люди (статьи и заметки). М.: Рудомино, 2010. 416 с.
- Лялина М.А. Русские мореплаватели арктические и кругосветные. Путешествия В. Беринга, Г. Сарычева, Ф.П. ф.-Врангеля, гр. Ф.П. Литке, Пахтусова, А.Э. Норденшельда, И.Ф. Крузенштерна и Ф.Ф. Беллинсгаузена. С-Петербург: издание А.Ф. Девриена, 1898. 445 с.
- Огнева Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. 280 с.
- Огнева Е.А. Концепция интерпретации архитектоники текстового когнитивного сценария. Научный результат. Том 1. № 2 (2). 2014. С. 75-87. URL:<http://www.belsu-research-result.ru/images/stories/nom2/lingvistika.pdf> (дата обращения: 17.09.2014)
- Огнева Е.А. Научно-популярный концепт: моделирование и интерпретация // Текст. Язык. Человек: сб. науч. тр. В 2 ч. Ч. 1 / УО МГПУ им. И. П. Шамякина; редкол.: С.Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. Мозырь, МПГУ им. И. П. Шамякина, 2017. С. 31-33.
- Прохорова А.В. Речевая репрезентация биполярности художественной картины мира (на материале оппозитивного дискурса прозы Л. Андреева). АКД дисс... канд. филол. н. по специальности 10.02.01 – русский язык. Елец, 2018. 25 с.
- Щирова И.А. Текст сквозь призму сложного. СПб.: Политехника-сервис, 2013. 216 с.
- Cramer F. Digital code and literary text // Beehive Hypertext / Hypermedia Literary Journal. 2001. Pp. 1-9. URL: http://www.p0es1s.net/poetics/symposion2001/a_cayley.html (Accessed 06.10.2008)
- Christopher Columbus. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Christopher_Columbus (Accessed 10.12.2019)
- Klarer M. An introduction to literary studies. 3d edition. London and New York: Routledge, 2011. 226 p.
- Macherey P. A. Theory of Literary production. London: Routledge, 2006. 400 p.
- The First Voyage of Christopher Columbus. URL: <http://latinamericanhistory.about.com/od/latiname ricatheconquest/p/Columbusfirst.htm> (Accessed 16.11.2019)

References

- Boldirev, N. N. (2009). Conceptual base of language. *Cognitive studies of language*, 4, 25-78. (In Russian)
- Bolotnova, N. S. (2016). *Philologicheskij analiz teksta* [Philological analysis of text], Phlinta, Moscow, Russia. (In Russian)
- Buzina, E. I. (2019). Lexical timers' determination in temporal literary structure, *Foreign languages: linguistic and methodological aspects*, 44, 174-178. (In Russian)
- Glamazda, S. N. (2019). Specific features of interpretation of social contextpolarisation markers, *Research Result. Theoretical and applied linguistics*, 5 (3), 23-32. (In Russian)
- Danilenko, I. A. (2019). Dual concept as variety of a dual kernel literary concept, *Foreign languages: linguistic and methodological aspect*, 44, 183-189. (In Russian)
- Dronova, L. P. (2013). Methodology of a diachronic research and a cognitive approach to language, *Bulletin of Tomsk state university. Philology*, 2 (22), 22-39. (In Russian)
- Dronova, L. P. (2014a). Methodology of a diachronic research and a cognitive approach to language, *Bulletin of Tomsk state university. Philology*, 2 (28), 16-24. (In Russian)
- Dronova, L. P. (2014b). Diachronic presentation of concept: to methodology of analysis, *Issues of cognitive linguistics*, 3 (040), 59-65. (In Russian)
- Galperin, I. R. (2007). *Tekst kak ob`ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as a linguistic research object], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)
- Gasparyan, G. R. (2014). Text as a discursive event / G.R. Gasparyan, and V.E. Chernyavskaya. *Issues of cognitive linguistics*, 4, 44-51. (In Russian)
- Isachenko, A. G. (1971). *Razvitie geographicheskikh idej* [Development of geographigal ideas], Mysl', Moscow, Russia. (In Russian)
- Lotman, Yu. M. (2010). *Chemu uchansya ludi (stat'i i zametki)* [What do people study (articles and notes)], Rudomino, Moscow, Russia. (In Russian)
- Ljalina, M. A. (1898). *Russkie moreplavately arcticheskie i krugosvetnie. Puteshestvie V. Beringa, G. Saricheva, Ph.P. f-Vrangelja, Ph.P. Litke, A.E. Nordenshel'da, I. Ph. Kruzenshterna i Ph. Ph. Bellinsgausena* [Russian navigators artic and round the world. Travellings of V. Bering, G. Sarichev, Ph.P. f-Vrangel Ph.P. Litke, A.E. Nordenshel'd, I. Ph. Kruzenshtern, and Ph. Ph. Bellinsgausen], izdanie A. Ph. Devriena, S-Peterburg, Russia. (In Russian)
- Ogneva, E. A. (2009). *Kognitivnoe modelirovanie konceptosferi hudogestvennogo teksta* [Cognitive modeling of the literary conceptual sphere], BelGU, Belgorod, Russia. (In Russian)
- Ogneva, E. A. (2014). Interpolative concept of text cognitive script architectonics, *Research Result. Theoretical and applied linguistics*, 1, 2 (2), 75-87. [Online] Available in: <http://www.belsu-research-result.ru/images/stories/nom2/lingvistika.pdf> (Accessed 17 September 2014). (In Russian)
- Ogneva, E. A. (2017). Popular science concept: concept and interpretation, *Text. Language. Person*, Mozir', MPGU im. I.P. Shamjakina, 31-33. (In Russian)
- Prokhorova, A. V. (2018). Speech representation of bipolarity in literary world view (based on the oppositional discourse of L. Andreev's prose), Abstract of Ph.D. dissertation, 10.02.01 – Russian language, Elec, Russia. (In Russian)
- Schirova, I. A. (2013). *Tekst skvoz` prizmu slovnogo* [Text through a prism of complicated things], Politehnika-servis, S-Peterburg, Russia. (In Russian)
- Christopher Columbus. [Online], available in: https://en.wikipedia.org/wiki/Christopher_Columbus (Accessed 10 December 2019). (In English)
- Cramer, F. (2001). Digital code and literary text, *Beehive Hypertext Hypermedia Literary Journal*, 1-9. [Online], available in: http://www.p0es1s.net/poetics/symposion2001/a_cayley.html (Accessed 06 October 2008) (In English)
- Klarer, M. (2011). *An introduction to literary studies*, Routledge, London and New York. (In English)
- Macherey, P. (2006) *A Theory of Literary production*, Routledge, London. (In English)
- The First Voyage of Christopher Columbus. [Online], available in: <http://latinamericanhistory.about.com/od/latinamericatheconquest/p/Columbusfirst.htm> (Accessed 16.11.2019). (In English)

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Огнева Елена Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой

иностранных языков, Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет.

Ogneva Elena Anatolievna, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages, Belgorod State National Research University.

УДК 811.161.1

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-9

Шустова С. В.¹
Яхьяпур М.²

Актуализация категории инструментальности

¹Пермский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Букирева, д. 15, Пермь, 614990, Россия
E-mail: lanaschust@mail.ru
ORCID iD: 0000-0002-8318-7864

²Тегеранский университет,
ул. Каргар, Тегеран, 161439813164, Иран
E-mail: myahya@ut.ac.ir
ORCID iD: 0000-0001-8195-6909

Статья поступила 06 мая 2021 г.; принята 01 июня 2021 г.; опубликована 30 июня 2021 г.

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются средства реализации значения инструментальности в ситуации с эмотивными каузативами *восхищаться* / *восторгаться* в русском языке, которые не исследовались в аспекте функционирования в каузативной ситуации. Эмотивные каузативы – это глаголы, реализующие при функционировании модификацию эмоционального состояния объекта каузации. Объект каузации является лицом, подвергающимся этому воздействию. Содержательные аспекты инструментальности отражают явления, ситуации, события, которые имеют особую релевантность для каузатора. Эмотивный компонент каузативной ситуации тесно связан с инструментальной составляющей. В работах исследователей инструментальность в каузативной ситуации не нашла должного рассмотрения, хотя это направление представляется перспективным в аспекте выявления и описания статуса категории инструментальности как семантической категории.

Ключевые слова: Эмотивный каузатив; Инструментальность; Эмотивность; Русский язык; Каузативная ситуация; Вариантность; Семантическая категория

Информация для цитирования: Шустова С. В., Яхьяпур М. Актуализация категории инструментальности // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т.7, №2. С. 95-103. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-9

УДК 811.161.1

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-9

Svetlana V.Shustova¹
Marzieh Yahyapour²

Actualization of the category of instrumentality

¹Perm State University
15 Bukirev St., Perm, 614990, Russia
E-mail: lanaschust@mail.ru

ORCID iD: 0000-0002-8318-7864

²University of Tehran,
16 North Kargar St., 1439813164, Teheran, Iran
E-mail: myahya@ut.ac.ir
ORCID iD: 0000-0001-8195-6909

Received 06 May 2021; accepted 01 June 2021; published 30 June 2021

Abstract. This article discusses the means of realizing the meaning of instrumentality in a situation with emotive causatives *восхищаться* / *восторгаться* (to admire) in the Russian language, which have not been investigated in terms of functioning in a causative situation. Emotive causatives are verbs that implement during functioning a modification of the emotional state of the causation object. The causation object is the person exposed to this influence. The substantive aspects of instrumentality reflect the phenomena, situations, events that are of particular relevance for the causator. The emotive component of the causative situation is closely related to the instrumental component. In the works of researchers, instrumentality in the causative situation has not found proper consideration, although this direction seems promising in terms of identifying and describing the status of the category of instrumentalities as a semantic category.

Keywords: Emotive causative; Instrumentality; Emotiveness; Russian; Causative situation; Variance; Semantic category

How to cite: Shustova S. V., Yahyapour M. (2021). Actualization of the category of instrumentality. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.7 (2), 95-103, DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-9

Введение (INTRODUCTION)

Анализ функционального потенциала глаголов находится в фокусе внимания многих лингвистов как в аспекте выявления общих синтактико-семантических свойств, классификационных особенностей глаголов с учетом их эмотивного компонента, так и проявления синтактико-семантических особенностей глаголов в условиях автоматической обработки в том числе актуализации эмотивной семантики (Сюткина 2019; Kenetova, Abregova a.s. 2017: 250–259; Kipperk, Korhonen, Ryant 2008, p. 21–40; Mejewska, Vulić, McCarthy a.s. 2018: 771–799).

В настоящей статье исследуется категоризация в рамках семантической категории инструментальности. На примере функционирования эмотивных каузативов *восхищаться* / *восторгаться* выявляются семантические варианты

актуализации инструментального значения. Инвариант остается «неизменным при всех преобразованиях, обусловленных взаимодействием исходной системы с окружающей средой» (Бондарко, 2004: 103). Именно среда способствует актуализации вариантов в сфере той или иной семантической категории. «В ситуации с эмотивными каузативами роль среды выполняют адвербиальные единицы, модальные слова, дискурсивные маркеры и междометия. Они относятся к элементам категориальных семантических субкомплексов, реализуя аспектуальные, таксисные, итеративные, темпоральные значения, значения временной локализованности» (Сюткина 2019: 204–206). В данном ряду не представлена категория инструментальности, которая рассматривается как семантическая категория (Бондарко, 2013; 2004; Ямшанова, 1991).

Основная часть (MAIN PART)

Семантические категории выделяются на основе их регулярной представленности в структурах конкретных языков. Они рассматриваются как понятийные (мыслительные, когнитивные) сущности, так как фиксируют единство мира и единство его восприятия. Актуализация категории инструментальности имеет важное значение для каузативной ситуации в аспекте реализации инструментального компонента для достижения результата воздействия. В ситуации с эмотивными каузативами инструментальность имеет свою специфику, которая проявляется в неопределенности «инструмента». Это может быть речь, поведение, отношение, реакция и т.д.

Под эмотивными каузативами мы понимаем глаголы, «фиксирующие интерперсональное взаимодействие, в результате которого наблюдается модификация эмоционально-психического состояния объекта» (Сюткина 2019: 204–206). «Эмоции пронизывают все человеческое существование, кроме того, они обобщены национальным опытом конкретного народа, и отражаются в языковой картине мира данного народа» (Шаховский 2008: 5). С лингвистической точки зрения мы говорим об эмотивности – «свойстве языка выражать психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека через особые единицы речи – эмотивы» (Там же).

Структурное ядро класса эмотивных глаголов составляют каузативы, которые «обозначают не психическое состояние, а психическое воздействие» (Словарь Л. С. Выготского эл.р.: 276). Категория каузативности представляет собой семантическую категорию, обладает определенной степенью абстракции, обязательно и последовательно оформляется определенными языковыми средствами. Каузативность представляет собой интерперсональное взаимодействие, в результате которого наблюдается модификация различных сфер антропо-

нимического характера: физической, перцептивной, психической и информативной сфер. Эмотивные каузативы рассматриваются как эмоционально-модифицирующие глаголы, которые содержат в своем семантическом потенциале значение модификации психического (эмоционального) состояния. Выделяются каузативы, актуализирующие положительное, отрицательное и нейтральное (диффузное) состояние (Шустова, 2020).

Материал и методы (Materials and Methods)

В качестве материала исследования выступают контексты из Национального корпуса русского языка, демонстрирующие функционирование эмотивных каузативов общим количеством 200 единиц анализа. Для уточнения семантического потенциала эмотивных каузативов используются синонимические словари, словари сочетаемости русского языка. В числе основных методов исследования выступают описательно-аналитический, состоящий в классификации и систематизации средств инструментальности, метод контекстуального анализа, предусматривающий анализ контекста.

Результаты исследования и дискуссия (Results and Discussion)

Значение глагола «фиксирует процедурные форматы знания: знания человека о действиях, процессах, событиях, происходящих в действительности. В значении глагола фиксируются событийные пропозиции, упорядоченные при помощи логических пропозиций времени, цели, причины, следствия. Данные пропозиции существуют в сознании человека в виде логически упорядоченной последовательности действий и образуют когнитивный сценарий» (см. Плотникова 2006, 2008). Когнитивный сценарий психического

воздействия, воздействия на эмоционально-волевую сферу включает следующие «сцены»: 1) объект каузации находится в положительном, отрицательном, нейтральном эмоциональном состоянии, данное состояние может быть обусловлено моральным, нравственным, душевным, материальным положением дел; 2) каузатор обладает необходимыми средствами, возможностями, желанием, стремлением для оказания помощи, поддержки объекта каузации, с одной стороны, с другой — интенция каузатора может быть связана со стремлением вызвать у объекта каузации состояние агрессии, фрустрации (комплекс отрицательных эмоций: гнев, отчаяние, тревога, раздражение, разочарование и др.); 3) каузатор предпринимает какие-либо действия, прилагает усилия с целью изменения эмоционального состояния объекта каузации.

Эмотивные каузативы *восхищаться* / *восторгаться* имеют следующее значение: *испытывать или выражать словесно сильное чувство, какое бывает, когда человек воспринимает что-то исключительно хорошее, намного превосходящее обычный уровень или его собственные возможности.*

— *Вы восхищались им, я знаю, — резко прервала она его. — Все им восхищались, но только некоторые знали, насколько сильно он заслуживает восхищение* (Якобсон Н. Ангел рассвета, 2018. Ngram).

О находке столько толковали, на нее глядели с такой жадностью и так громко восхищались ею, что многие граждане прямо-таки спятили от потрясений (Лучшее из Марка Твена, 2013, Ngram).

Поучительная эта редкостная способность великого мастера забывать о себе и как бы отрешаясь от своей биографии, восхищаться чужим творчеством, чужими талантами (Чуковский К.И. Репин — писатель (1930–1950), НКРЯ).

Он мог сколько угодно восторгаться преувеличенной лихости Мамочкина, но образцом для него был этот замкнутый, юный и немножко непонятный лейтенант (Казакевич Э.Г. Звезда (1946), НКРЯ).

Восхищаться и *восторгаться* соприкасаются с рядом синонимов, в значении которых входит указание на сильную положительную эмоцию или высокую оценку объекта: *наслаждаться, упиваться, любоваться, заглядеться, любить, обожать, уважать, чтить, почитать, ценить, дорожить.*

Глагол *восторгаться* представлен следующим синонимическим рядом: *радоваться, наслаждаться, восхищаться, праздновать, веселиться, тащить, ликовать, упиваться, торжествовать, торчать, плыть, отрываться, улетать, нежиться, обмирать, очумевать, чуметь, блаженствовать, балдеть, оттягиваться, дуреть, кайфовать, столбенеть, таять, обезумевать, ошалевать, кейфовать, благодушествовать* (Синонимический словарь русского языка).

Эмоциональная модификация может быть представлена функциональными структурами: *быть в восхищении (в восторге, в упоении), возносить до небес, таять от восторга (от восхищения), приходить в восторг (в восхищение), испытывать восторг (восхищение, упоение, наслаждение), сходить с ума, обмирать от восторга (от восхищения), быть без памяти, внушать блаженство, чувствовать себя на седьмом небе, улетать в космос, быть наверху блаженства, чувствовать себя наверху блаженства, получать удовольствие* (Там же).

Восхищаться: приходить в восхищение, выражать восхищение, восторгаться, уноситься вверх, пленяться, обвораживаться, прельщаться, очаровываться (Там же).

Восхищать: радоваться, любоваться, таять от восторга, обмирать от восторга, приходить в восторг, пищать от восторга, не сводить глаз, глаз не

жюри вызвали импровизированные сценки из свадебного обряда (Роща из ... теста // Народное творчество. 2003. НКРЯ); *Такие ресницы, тени – все это приводило меня в бешеный восторг ...* (Варденга М., Тюнина Г. Фрагменты белого стиха // Домовой. 2002. НКРЯ).

Восторгаться и восхищаться обозначают определенные эмоции, состояния, обусловленные и стимулированные определенными ситуациями, положениями дел, обстоятельствами: *Нельзя было не восторгаться таким успехом, если принять во внимание, что отряд состоял из двух старых кораблей, «Николая I» и «Владимира Мономаха» и трех броненосцев береговой обороны, совершенно не приспособленных к дальним плаваниям* (Новиков-Прибой А.С. Цусима (1932-1935). НКРЯ); *«А по правде говоря «красотой жить» невозможно: создавать, рождать в мучениях красоту и восторгаться от этого новым встречам с миром – это да!»* (Пришвин М.М. Дневники (1921). НКРЯ).

В качестве инструментального компонента в ситуации положительной эмоциональной модификации выступают следующие.

Ситуация: *Ритуал потребления учит человека изображать восторг от того, что по сути является навязанной ему суетой и мукой* (Пелевин Виктор. Бэтман Аполло. (2013). НКРЯ); *Он пришел в восторг от того, что Сашенька его узнала* (Михальский Вацлав. Весна в Карфагене. (2001). НКРЯ).

Поведение: *Все это меня страшно рассмешило и, представь – я взял и сказал ей это, похлопал ее по плечу, назвал авантюристской и сообщил о том, что я прихожу в восторг от ее ... глупости* (Крышук Н. «Да» и «нет» Николая Пунина // Звезда. 2002. НКРЯ).

События, деятельность, способности: *«Восхищались мы его смелостью заменить рутинный, обычный текст либретто дивными стихами Пушкина»* (Самые знаменитые композиторы России,

2003, Ngram); *Восхищались богатством, красотой и оригинальностью музыкальных мыслей* (Самые знаменитые композиторы России, 2003, Ngram); *В глубине души они восхищались его мужественным поступком* (Ngram).

Вербальные действия: *возбужденная речь, от обсуждения, от идей, от высказываний, от рассказа: Ведь некоторые из них могут не прийти в восторг от обсуждения их проблем в столь широкой аудитории* (Наши дети. Подростки. 2004. НКРЯ); *Посетители стенда, сумевшие прочесть зашифрованные на нем надписи, приходили в восторг* (Хроника. Наука и жизнь. 2006. НКРЯ); *В твоём письме меня привела в восторг одна фраза ...* (Вертинская Л. Синяя птица любви. 2004. НКРЯ).

Невербальные средства: *оживленная жестикация, выражение лица, от всего виденного, от цветов, от красоты, от вояжа, от выкопанного, от ее появления, от вида и вкуса торта, от представления, от увиденного* (НКРЯ); *Создавая рекламу, я не требую от потребителя, чтобы он пришел в восторг от необычайного творческого изыска* (Ляпоров В. Новые имена. Бизнес-журнал. 2004. НКРЯ); **Природные объекты:** *от метели, от первого снега, от врывающегося в рот обжигающего ветра* (НКРЯ); *Они поднялись на эти горы и восхищались садами, цветниками и виноградниками, которые там были в изобилии* (Баньян Д. Путешествие пилигрима в Небесную страну, 2015, Ngram); *Туристы восхищались открывшимся перед ними видом* (Ngram).

Культура, произведения искусства: *от музыки, от живописи, от спектаклей, от молодежной поп-культуры* (НКРЯ); *А между тем Авторы восхищались своими творениями...* (Добролюбов Н. Журналы, газеты и публика, 2017. Ngram); *Русские мыслители восхищались культурой Берлина* (Хрусталева Н. Эмиграция и эмигранты, 1999, Ngram).

Между *восхищаться* и *восторгаться* существует различие в степени актуализации интенсивности и глубины: восхищение глубже, а восторг интенсивнее. Восхищение: *сердечное, неподдельное, всенародное, настоящее, жаркое, неописанное, безмолвное, неослабевающее, понятное, искреннее, всеобщее, безграничное, мучительное, молчаливое* (НКРЯ); Классики Бах, Гендель, Рамо, Скарлати вызывают в Толстом безграничное восхищение своим вдохновением (Музыка в Ясной поляне, 1908, НКРЯ). Восторг: *настоящий, бешеный, неопиcуемый, искренний, девический, юношеский, кипучий, звенящий, первобытный, неистовый, головокружительный, дикий* (НКРЯ); Признаться, совсем про него забыл. Изображаю на лице дикий восторг (Башкуев Г. Маленькая война // Сибирские огни, 2013, НКРЯ); И какой неопиcуемый восторг вызывает ледоход на Ловате ... (Селезнева А. Ровесник века, 2012, НКРЯ).

Отмечены случаи обозначения степени интенсивности в рассматриваемых ситуациях: *какой-то восторг, почти восторг: Какой-то восторг невольнo переполняет тебя и эти минуты* (Кабо Л.Р. Повесть о Борисе Беклешове. 1962. НКРЯ); *Это ли или другая причина привела его в какой-то восторг* (Давыдова Н.Л. Полгода в заключении. 1920–1921. НКРЯ); *«Начиналось обыкновенно тем, что моя бабушка – она ведь была мне бабушка – погружалась в необыкновенное уныние, ждала разрушения мира и всего своего хозяйства, предчувствовала впереди нищету и всевозможное горе, вдохновлялась сама своими предчувствиями, начинала по пальцам перечислять будущие бедствия и даже приходила при этом счете в какой-то восторг, в какой-то азарт»* (Достоевский Ф.М. Село Степанчиково и его обитатели. 1859. НКРЯ); *Откуда, в самом деле, из каких глубин психики вырастает эта*

радость, почти восторг? (Зощенко М.М. Возвращенная молодость. 1933. НКРЯ).

Инвариантным значением глаголов *восторгаться* и *восхищаться* является указание на эмоцию. Глагол *восхищаться* предполагает не только непосредственное физическое или зрительное восприятие объекта (*он её видел, восхищался; восхищался ее лицом, открытыми плечами; восхищался постановкой рук Спивакова*): *Море бушевало. Кипренский восхищался. Ему казалось, что корабль несет его в туманные страны галактики, взлелеянные в мечтах еще с детства* (Паустовский К.Г. Орест Кипренский, 1936, НКРЯ), но и умственное (*восхищался техников поляка Бартоша Кизиеровски; восхищался его талантом; восхищался привычками; восхищался языком Гоголя*): *Я восхищался темным смыслом его красноречивого синтаксиса, украшенного изысканной звукописью* (Катаев В.П. Алмазный мой венец (1975–1977), НКРЯ).

Заключение (CONCLUSIONS)

Таким образом, анализ функционирования эмотивных каузативов *восхищаться / восторгаться* в аспекте актуализации инструментального компонента демонстрирует расширение семантического потенциала глаголов и представляет более глубокую семантическую категоризацию в рамках каузативной ситуации путем включения в сценарий функционирования эмотивных каузативов инструментального компонента. Представленные в статье варианты реализации инструментального значения позволяют определить содержательные зоны, выявить характер отношений, которые связывают семантическую категорию инструментальности с другими подобными категориями, например, интенсивности. Данные категории не имеют морфологического ядра, поэтому особую значимость приобретает анализ каждой конкретной семантической категории изнутри,

выявление подходов к изучению содержательной вариативности той или иной семантической категории, установление ее семантической субкатегоризации.

Список литературы

Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I. Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.

Бондарко А. В. Теоретические проблемы русской грамматики. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 208 с.

Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. М.: Либроком, 2013. С. 5–39.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.12. 2020).

Плотникова А. М. Многозначность русского глагола: когнитивное моделирование (на материале глаголов социальных действий и отношений). Монография. Екатеринбург: Изд-во «Уральский университет», 2006. 226 с.

Плотникова А. М. Когнитивная семантика. Екатеринбург: Изд-во «Ур. ун-т», 2008. 160 С.

Синонимический словарь русского языка. URL: <https://sinonim.org> (дата обращения: 18.11. 2019).

Словарь сочетаемости слов русского языка. Ок. 2500 словар. ст. / Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. 3-е изд. исправл. Москва: Издательство Астрель, Издательство АСТ, 2002. 816 с.

Словарь Л. С. Выготского. Электронный ресурс. URL: www.vygotsky.academic.ru (дата обращения: 10.03. 2021).

Сюткина Н. П. Функционирование эмотивных каузативов в категориальном семантическом комплексе. Монография. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. 176 с.

Шаховский В. В. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис. 2008. 416 с.

Шустова С.В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход. Изд. 3-е. М.: ЛЕНАНД, 2020. 248 с.

Ямшанова В.А. Категория инструментальности в немецком языке. Л.: Ленинградский финансово-экономический институт. 1991. 159 с.

Kenetova R.B., Abregova A.V., Khamurzova A.G., Khutova E.R. The Cognitive comparative analysis of some verbs of motion in the Russian and English languages // *Xlinguae*, 2017. Issue 4. Pp. 250–259.

Kipperk K., Korhonen A., Ryant N. A large scale classification of English verbs // *Language Resources and Evaluation*, 2008. Issue 42. Pp. 21–40.

Majewska O., Vulić I., McCarthy D., Huang Y., Murakami A., Laipalla V., Laipalla A. Investigating the cross-lingual translatability of VerbNet-style clasification // *Language Resources and Evaluation*, 2018. Issue 42. Pp. 771–799.

References

Apresyan, Yu. D. (2009). *Issledovaniya po semantike i leksikografii. T. I. Paradigmatika* [Studies in semantics and lexicography. T. I. Paradigmatics], Yazyki slavyanskih kul'tur, Moscow, Russia. (In Russian)

Bondarko, A. V. (2004). *Teoreticheskie problemy russkoj grammatiki* [Theoretical problems of Russian grammar], Izd-vo SPbGU, SPb., Russia. (In Russian)

Bondarko, A. V. (2013). *Teoriya funktsional'noj grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis* [Theory of functional grammar: Introduction, aspectuality, temporal localization, taxis], Librokom, Moscow, Russia. (In Russian)

National corpus of the Russian language (2021). Available at: <https://ruscorpora.ru/> (Accessed 15 December 2020). (In Russian)

Plotnikova, A. M. (2006). *Mnogoznachnost' russkogo glagola: kognitivnoe modelirovanie (na materiale glagolov sotsial'nyh dejstvij i otnoshenij)* [The polysemy of the Russian verb: cognitive modeling (based on the verbs of social actions and relationships)], Izd-vo Ural'skij universitet, Ekaterinburg, Russia. (In Russian)

Plotnikova, A. M. (2008). *Kognitivnaya semantika* [Cognitive semantics], Izd-vo Ur. un-t, Ekaterinburg, Russia. (In Russian)

Synonymous dictionary of the Russian language (2021). Available at: <https://sinonim.org> (Accessed 18 November 2019). (In Russian)

Slovar' sochetaemosti slov russkogo yazyka [Dictionary of combinability of words in the

Russian language] (2002), in P. N. Denisova, V. V. Morkovkina (eds.), Izdatel'stvo Astrel', Izdatel'stvo AST, Moscow, Russia. (In Russian)

Dictionary of L. S. Vygotsky (2021). Available at: <https://vygotsky.academic.ru> (Accessed 10 March 2021). (In Russian)

Syutkina, N. P. (2020). *Funktsionirovanie emotivnyh kauzativov v kategorial'nom semanticheskom komplekse* [Functioning of emotive causatives in a categorical semantic complex], Permskij gosudarstvennyj natsional'nyj issledovatel'skij universitet, Perm, Russia. (In Russian)

Shakhovskij, V. V. (2008). *Lingvisticheskaya teoriya emotsij* [Linguistic theory of emotions], Gnozis, Moscow, Russia. (In Russian)

Shustova, S.V. (2020). *Funktsional'nye svojstva kauzativnyh glagolov: dinamicheskij podkhod* [Functional properties of causative verbs: a dynamic approach], Lenand, Moscow, Russia. (In Russian)

Yamshanova, V.A. (1991). *Kategoriya instrumental'nosti v nemeckom yazyke* [The category of instrumentalities in German], Leningradskij finansovo-ekonomicheskij institut. (In Russian)

Kenetova, R.B., Abregova, A.V., Khamurzova, A.G., Khutova, E.R. (2017). The Cognitive comparative analysis of some verbs of motion in the Russian and English languages, *Xlinguae*, 4, 250–259. (In English)

Kipperk, K., Korhonen, A., Ryant, N. A. (2008). Large scale classification of English verbs,

Language Resources and Evaluation, 42, 21–40. (In English)

Majewska, O., Vulić, I., McCarthy, D., Huang, Y., Murakami, A., Laipalla, V., Laipalla, A. (2018). Investigating the cross-lingual translatability of VerbNet-style classification, *Language Resources and Evaluation*, 42, 771–799. (In English)

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Шустова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и перевода Пермского государственного национального исследовательского университета.

Яхьяпур Марзие, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы факультета иностранных языков и литературы Тегеранского университета.

Shustova Svetlana Viktorovna, Grand PhD in Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Linguistics and Translation, Perm State National Research University.

Yahyapour Marzieh, Professor of the Russian Language and Literature, Faculty of Foreign Languages and Literature, University of Teheran, Teheran, Iran.

РАЗДЕЛ II. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ SECTION II. COMPARATIVE LINGUISTICS

УДК 81'25

10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-10

Irina G. Zhirova¹
Xingkai Sun²

Adaptive Translation of Phraseological Units in Nikolai Ostrovsky's
"How the Steel was Tempered" into Chinese and English

¹ Moscow Region State University
14 Vera Voloshina St., Mytishi, Moscow Region, 141014, Russia
E-mail: zhirova557@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0001-5684-3005

² Moscow Region State University
14 Vera Voloshina St., Mytishi, Moscow Region, 141014, Russia
E-mail: 281050438@qq.com
ORCID iD: 0000-0002-4780-292X

Received 20 May 2021; accepted 19 June 2021; published 30 June 2021

Abstract. The article considers the peculiarities of adaptive translation of phraseological units from Russian into Chinese and English based on the material of the literary text «Kak zakalyalas' stal'» (Eng. 'How the Steel was Tempered' / 'The Making of a Hero') by Nikolay Ostrovsky (Eng. Nikolai Ostrovsky / Nicholas Ostrovski). The scientific novelty of the article is obvious since it concisely presents a comparative analysis of the phraseological systems in three languages: Russian, Chinese, and English. The methodological basis for the study of the phraseological map of the literary text "How the Steel was Tempered" by Nikolai Ostrovsky is a comparative analysis and study of two variants of translation into Chinese and two variants of translation into English. The authors also actively use such methods as an interpretive and descriptive analysis and some others. The main criteria of phraseology – stability and semantic uniqueness – of the compared phraseological units with the description of their national identity are presented. The phraseological system of any language has the necessary expression for the emotional impact on the recipient. The article consistently demonstrates the possibilities of transferring the nationally marked phraseological corpus of the Russian language to Chinese and English. In the end of the paper, it is concluded that the difficulties of adaptive translation of phraseological units met in the literary text "How the Steel was Tempered" by Nikolai Ostrovsky are due to the fact that most of them relate to the colloquial style, which imposes additional requirements on the translator associated with the need for a deep understanding of Russian culture and language traditions.

Keywords: Literary translation; Phraseological units; Methods of translation; Phraseological equivalent; Phraseological analogue; Tracing

How to cite: Zhirova, I. G., Sun, X. (2021). Adaptive Translation of Phraseological Units in Nikolai Ostrovsky's "How the Steel was Tempered" into Chinese and English. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.7 (2), 104-113, DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-10

УДК 81'25

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-10

Жирова И. Г.¹
Сунь Синкай²

Адаптивный перевод фразем романа Николая Островского
«Как закалялась сталь» на китайский и английский языки

¹ Московский государственный областной университет
ул. Веры Волошиной, д. 14, Московская обл., г. Мытищи, 141014, Россия
E-mail: zhirova557@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0001-5684-3005

² Московский государственный областной университет
ул. Веры Волошиной, д. 14, Московская обл., г. Мытищи, 141014, Россия
E-mail: 281050438@qq.com
ORCID iD: 0000-0002-4780-292X

Статья поступила 20 мая 2021г.; принята 19 июня 2021г.; опубликована 30 июня 2021г.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности адаптивного перевода фразеологических единиц с русского языка на китайский и английский на материале художественного произведения Николая Островского «Как закалялась сталь». Научная новизна статьи очевидна, поскольку в ней впервые кратко представлен сопоставительный анализ фразеологических систем трех языков: русского, китайского и английского. Методологической основой исследования фразеологической «карты» художественного произведения Николая Островского «Как закалялась сталь» является сопоставительный анализ двух вариантов перевода на китайский язык и двух вариантов перевода на английский язык. Авторы также активно используют общенаучные методы анализа, описания, сравнения, обобщения, интерпретации и некоторые другие. Представлены основные критерии идиоматичности – устойчивость и семантическая уникальность – сравниваемых фразеологических единиц с описанием их национальной идентичности. Фразеологическая система любого языка обладает необходимым выражением для эмоционального воздействия на реципиента. В статье последовательно демонстрируются возможности перевода национально маркированного фразеологического корпуса русского языка на китайский и английский языки. В конце статьи делается вывод о том, что трудности адаптивного перевода фразеологических единиц, встречающихся в романе Николая Островского «Как закалялась сталь», обусловлены тем, что большинство из них относятся к разговорному стилю, что предъявляет к переводчику дополнительные требования, связанные с необходимостью глубокого понимания русской культуры и языковых традиций.

Ключевые слова: Художественный перевод; Фразеологические единицы; Способы перевода; Фразеологический эквивалент; Фразеологический аналог; Трассирование (отслеживание)

Информация для цитирования: Жирова И. Г., Сунь С. Адаптивный перевод фразем романа Николая Островского «Как закалялась сталь» на китайский и английский языки // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т.7, №2. С. 104-113. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-10

Introduction

Phraseological units presented in the literary works of writers can rightfully be attributed to as the most active artistic expressive elements. These elements reveal artistic images and play a significant role in the emotional impact on the reader. Phraseological units, as a rule, represent the rich historical and cultural experience of the people, their national culture and authenticity, and the national identity of a person through his/her language. The phraseological corpus of any language is nationally and culturally marked and accordingly reflects its national 'flavour': originality and uniqueness. The main difficulty in translating phraseological units from one language into the other is that even at first glance similar phraseological units do not have complete correspondences in two languages: semantically as well as structurally they are different in many aspects. Phraseological units do not refer to extensionally open signs in a literary text, they are characterized by a minimal subject-logical information load and a maximum emotional-expressive load. Thus, "the informational heterogeneity of signs in a literary text is always intuitively felt by translators" (Kazakova, 2006: 36).

As is known, the novel of Nikolai Ostrovsky «Kak zakalyalas' stal'» (Ostrovsky, 2018) is one of the most – if not the most – ideologically influential works of world literature in China, which in many respects forms the value paradigm of the Chinese culture in modern world. There are over a hundred different versions of the translation of the novel into Chinese in the country.

In English-speaking countries, Nikolay Ostrovsky's literary work is only widely studied as the most vivid example of the revolution events which took place in Russia at the beginning of the 20th century. However, in these countries, there are only two translations of this novel into English. The first one (the short version) – 'The Making of a Hero' by Nicholas Ostrovsky – was

translated from the Japanese language by Alec Brown in 1937 and the second version of translation – 'How the Steel was Tempered' by Nikolai Ostrovsky – was made by Raisa Prokofieva in 1952.

The novel contains many phraseological units (idiomatic and non-idiomatic set-phrases) – those special stable figurative turns that allow the writer to create his unique style. In this research report, we – the authors – aim to analyze the features of the adaptive translation of phraseological units from Russian to Chinese and English based on the novel 'How the Steel was Tempered' / 'The Making of a Hero' («Kak zakalyalas' stal'») by Nikolai Ostrovsky. One cannot help marking in this instance that 'interpreters in general, and simultaneous interpreters in particular, use, in the process of translation, *blocks of equivalents*. The more equivalents in a block, the more elbow room an interpreter has for tackling different contexts' (Kuz'min, 2001: V-VI). The language cultural and national space represented in a particular literary work is characterized by a complex semantic relationship of lexeme complexes, including phraseological ones, presented in the literary text. We emphasize that 'a systematic approach to the analysis of the methods of transcoding linguoculturologically determined vocabulary involves an integrative vision of culture as a whole by the translator, as well as the ability to distinguish its individual parts' (Moiseeva, Ogneva, 2013: 24).

Following this goal, we stated the specific tasks, the solution of which will contribute to complete disclosure of the particular linguistic style of the Soviet writer Nikolai Ostrovsky, who is still so much popular in China. The said tasks are:

- to make a summary of the phraseological theory presented in modern linguistics;
- to establish a research of the peculiarities of translation of phraseological units in a literary text;

▪ to compare lexical-semantic and stylistic features of the translation of phraseological units presented in the novel «How the Steel was Tempered» by Nikolai Ostrovsky into Chinese and English.

Theoretical summary

Phraseological semantics attracts many linguists around the world. The national mentality reflected in various phraseological units is one of the most relevant research objects at present. In Russia, many scientific works have been published on the study of the phraseological system and its translation into other languages. These are the works of (Alekseeva, 2008; Amosova, 1963; Vinogradov, 1972; Kuz'min, 2001, 2007; Kunin, 2005; Ogneva, 2012, and many other). In English-speaking countries, the most famous scientific works on phraseology are monographs and articles by: Burger, 2007; Cowie, 1998; Dixon, 1951; van Dijk, 2009 and many other famous scientists).

It is obvious that in theoretical works on phraseology, many definitions of this linguistic phenomenon are presented. So, phraseological units certainly represent:

- a) complex and largely contradictory stable formations;
- b) semantically transformed word combinations with a generalized integral meaning;
- c) figurative phrases;
- d) semantically independent formations.

Thus, in Russian linguistics, idiomaticity «is interpreted as the non-derivability of the general meaning of a stable combination of words from the sum of the meanings of lexical components (semantic integrity, unity of the meanings of lexemes); as the globality of the nomination, which is related to the idiomatic combination of words with a single word, as literal non-translatability into other languages» (Savickij, 2006: 11). As a rule, literary works present a specific idiomatic form of expression of thought, determined by the ethno-cultural and

ethno-linguistic characteristics of a person. The active use of stable speech acts, including phraseological units, increases the automatism of human speech activity, thereby greatly facilitating the generation and understanding of speech in the native language environment.

Many phraseological units at first seem completely meaningless, and only due to the context they acquire meaning. For translators, it is important to recognize interlanguage phraseology / idiomaticity as a relationship between multilingual counterparts. Anisomorphism (structural and semantic difference) indicates, first of all, the exceptional originality of the phraseological corpus of the compared languages. At the same time, it is recognized that the idiomaticity of a language unit depends on its structural and semantic modeling: the higher the structural and semantic modeling, the lower the idiomaticity and vice versa. The structural and semantic uniqueness of a phraseological unit leads to serious translation problems. Thus, E. A. Ogneva, while considering the key problems of adaptive translation, rightly states that 'consideration of the regularities of the process of transferring the components of the translation code on the basis of structural and functional analysis both at a single level and within the text structure as a whole helps to identify the optimal ways of transcoding characters in the process of adaptation' (Ogneva, 2012: 208).

Phraseological units differ from free word combinations in the following characteristic features:

- “...1) the reproducibility (a phraseological unit is not created, but is present in the language in a finished form);
- 2) the semantic integrity (the meaning of a phraseological unit does not coincide with the meaning of each of its constitutive elements);
- 3) the separate formulation (the constitutive elements of a phraseological unit

are words whose meaning is obscured or lost to one degree or another);

4) the stability (the possibility or impossibility to make any changes in the phraseological unit)" (Shanskij, 1985: 86).

In the phraseological system of any language are, as a rule, distinguished four groups of phraseological units:

1) phraseological combinations: where one word is included in the combination in its associated meaning, while the meaning of the second is metaphorical;

2) phraseological unity: fully metaphorical, motivated (the motivation of the phraseological meaning as its synchronous connection with the literal meanings of the components) units with a single integral meaning arising from the fusion of the meanings of lexical components, phraseological unity is semantically motivated, has imagery;

3) phraseological adhesions/idioms: unmotivated units whose meaning is in no way connected with the values of the components and is not derived from them;

4) phraseological expressions: stable combinations of words, quotations, sayings, or proverbs fixed in the vocabulary of the language (Shanskij, 1985: 45).

The article will consider examples of translating idiomatic expressions from Russian into Chinese and English.

Methods and Materials

The first version of the translation of the novel «Kak zakalyalas' stal'» into Chinese was made by the translator Mei Yi in 1942. However, Mei Yi translated this novel into Chinese from English text performed by the American translator Alec Brown in 1937. The first complete translation of this novel from Russian into Chinese was done by Huang Shunan. It was first published in China in 1994.

Note that there are only two versions of the translation of N. Ostrovsky's literary work «Kak zakalyalas' stal'» into English: Alec Brown's translation "The Making of a Hero" (Alec Brown, 1937) and Raisa Prokofieva's translation "How the Steel was Tempered" (Prokofieva, 1952).

This research is carried out on the material of the fiction novel «Kak zakalyalas' stal'» by Nikolai Ostrovsky and its translations into Chinese and English. In the report, we consider only a few examples of possible translations of text fragments in which two phraseological units are encountered from Russian into Chinese and English. We (the authors) also present our interpretive analysis of the translations.

The examples below present the original text extract and translation options into Chinese and English.

The report presents a number of research methods and specific techniques that allow us to streamline and systematize the results of the analysis of the phraseological units we have identified: descriptive-analytical (observation of phraseological units in the text with their further description) and comparative (systemic comparison with options for translating a phrase into other languages and definition of interlingual correspondences) methods. We also used the method of phraseological analysis (phraseological identification, which allows establishing the degree of rethinking of lexemes included in the phraseological unit) and an interpretive and descriptive analysis.

The listed methods of the linguistic research of phraseological units contribute to a more complete understanding of linguistic patterns.

Table

The author's original text and its translation versions in Chinese and English

Таблица

Авторский оригинальный текст и варианты его перевода на китайский и английский языки

The original text (Russian)	Translated text (Chinese)	
N. Ostrovski	Huang Shunan	Mei Yi
«Жухрай, которого молодой Литке перебросил в мгновение ока из одного конца города в другой, не мог не выразить своего одобрения» (Ostrovskij, 2018: 120). // «ZHuhraj, ktorogo molodoj Litke perebrosil v mgnoven'e oka iz odnogo konca goroda v drugoj, ne mog ne vyrazit' svoego odobreniya»	“小李特克一转眼功夫就把朱赫来从城市的这一头送到另一头。朱赫来不禁满意地说” (黄树南, 2012: 194).	“转眼间, 他就把朱赫来从城市的一头送到了另一头。朱赫来不禁夸奖他说” (梅益, 2004: 265).
	Translated text (English)	
	R. Prokofieva	A. Brown
	“Zhukhrai, whom young Litke drove from one end of town to the other <i>in the twinkling of an eye</i> , was moved to voice his approval” (Prokofieva, 2002: 27).	“Zhoukhrai - he it was Litke was driving <i>in a few short moments</i> from one end of the town to another - could not but express his apporoval” (Brown, 1937: 239).
The original text (Russian)	Translated text (Chinese)	
N. Ostrovski	Huang Shunan	Mei Yi
«...«Жаль только, что я по-немецки ни в зуб ногой» – подумал он» (Ostrovskij, 2018: 205). // «...«ZHal' tol'ko, chto ya po-nemecki ni v zub nogoj» podumal on»	“...“可惜我对德语一点也不懂” 保尔暗想” (黄树南, 2012: 341).	“... “可惜的是我对德语一窍不通” 保尔这样想” (梅益, 2004: 472).
	Translated text (English)	
	R. Prokofieva	A. Brown
	“...“Too bad I <i>don't know any German</i> , though,” Pavel thought ruefully”...” (Prokofieva, 2002: 202).	“...“Only,” Paul said to himself, “what a pity I <i>don't know a scrap of German</i> ”...” (Brown, 1937: 398).

Results and Discussion

The study of the peculiarities of the adaptive translation of phraseological units in the novel «Kak zakalyalas' stal'» into Chinese and English made it possible to obtain the significant results.

Those results listed below, indicate a high level of figurative thinking of both Nikolai Ostrovsky and the translators of his novel into Chinese and English:

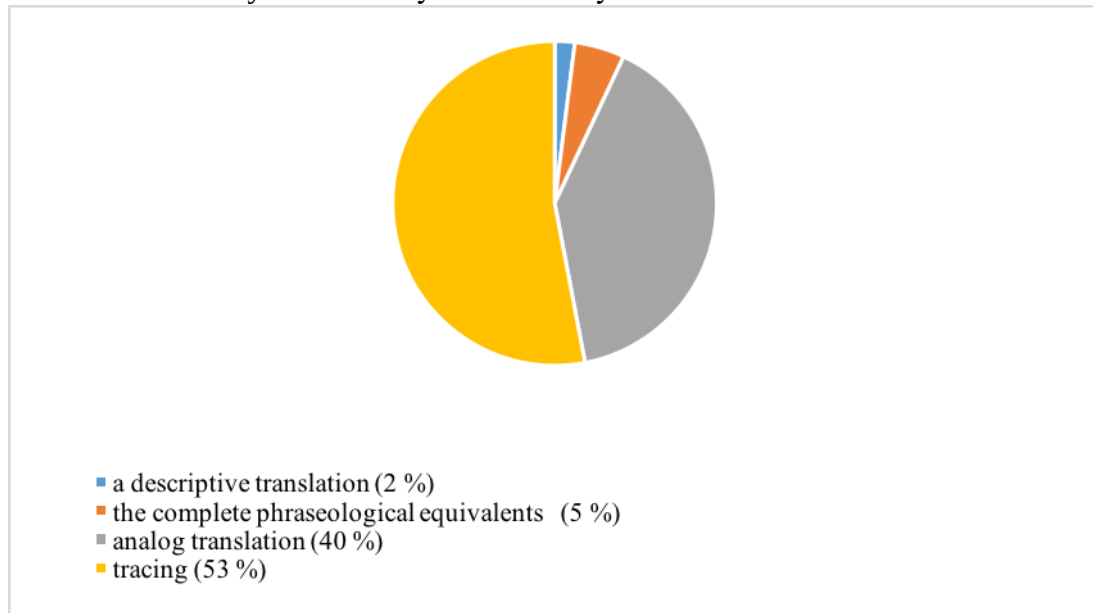
▪ Translators quite successfully conveyed or interpreted the semantic and stylistic meanings of phraseological units of the original text;

▪ The complete phraseological equivalents are the rarest tool of translation. Most often the translators use tracing (to preserve the cultural flavor of the original language) or analog translation. The least productive tool of translation (when it is impossible to find an

equivalent or analog) is a descriptive translation. The quantitative (percentage) ratio of translation tools/transformations of phraseo-

logical units in the novel is presented in Diagram.

Diagram Quantitative (percentage) ratio of translation transformations of phraseological units in the novel «Kak zakalyalas' stal'» by N. Ostrovsky

■ Of great importance for the successful translation of phraseological units from Russian into Chinese and English in the novel «Kak zakalyalas' stal'» is the translator's knowledge of the natural language metaphysics, the realia of both the original and the translation languages and cultures.

When translating phraseological units, it is important to consider four types of correspondences to phraseological units of the original text:

- 1) a full phraseological equivalent:
- 2) the phraseological analogs
- 3) tracing, and
- 4) the descriptive translation of the phraseological unit (analog translation).

The group of phraseological units translated using equivalents includes, first of all, the so-called international expressions, which are biblical-mythological or literary in nature. Phraseological equivalents for almost all indicators are equivalent to the unit being translated: regardless of the context, it has a similar denotative and connotative meaning.

Phraseological analogs coincide in meaning, but they are based on a different image.

From time to time, translators of fictional literature resort to verbatim transfer (tracing). At the same time, this method of translating phraseological units contributes to the preservation of the figurativeness of the original. That transformation is used for the units that have neither an equivalent nor an analog in the accepted language culture.

The descriptive translation is used only when there is no equivalent, analog in the accepted culture, and tracing can lead to incomprehensible literalism.

As an example, consider the two text extracts and their translations presented in Table.

In the first statement, the author used such phraseological units as «v mgnoven'e oka (в мгновение ока)». In this phraseological unit, the logical and semantic compatibility of the elements included in it is obvious and allows one to predict an approximate situation of use. So, in the

Russian language this phraseological unit means “to happen immediately, instantly”. The meaning of this phraseological unit is due to the internal form of the semantics of both constitutive components – “too fast to notice or be noticed”. The context usually dictates the use of set expressions. So, in the Russian context, «слишком быстро, чтобы заметить либо быть замеченным» (слишком быстро, чтобы заметить либо быть замеченным)» the meaning “quickly” is presented. The phraseological unit form is laconic, which allows it to easily interblend the context of the entire utterance. In Chinese, this definition corresponds to: “非常快, 瞬间的”.

Chinese translations provide the following options: “转眼间” and “一转眼的功夫”. Both translators conveyed the main meaning of this phraseme. However, in the Chinese versions, transfer of the phrases “转眼间” and “一转眼的功夫” do not belong to the Chinese phraseological fund of the language. In the Chinese language, there is an idiomatic expression of four characters 转瞬之间. In our opinion, the proposed translation option can be attributed to almost complete phraseological equivalents.

In English, the concept «srazu zhe, momental'no (сразу же, моментально)» is performed in such phrases, as: *in no time, in a flash, in a heartbeat, in an instant, in a twinkling*. When comparing Russian phraseological unit «v mgnoven'e oka (в мгновение ока)» and English variants of possible translations, a communicative-syntactic, lexical-grammatical difference is well seen.

Structurally, the Russian and English versions are different. However, the version of the translation of the Russian phraseme «v mgnoven'e oka (в мгновение ока)» proposed by R. Prokofieva – “in the twinkling of an eye” – can be considered as a complete phraseological equivalent. In the second translation, this phraseological unit is conveyed descriptively “in a few short moments”. The phraseological structure of the

original unit has been lost, although semantically both variants (Russian and English) are comparable. So we may state that an intercultural adaptation of the original text has been made.

Consider the second example. It contains a phraseological unit – «ni v zub no goj (ни в зуб ногой)».

According to the “Big Phraseological Dictionary of the Russian Language”, this idiom means “(informal; spoken with disapproval) that a person or a group of people are completely unprepared, do not understand a question or business” (Teliya, 2006). The interesting fact is that in the Russian language it also corresponds to such a phraseological unit as “Chinese grammar” – “phenomena in which there is no hope of ever understanding” (Teliya, 2006). The translator Mei Yi translated it as 一点也不懂 (understands nothing). In the proposed Chinese version, we see a complete loss of idiomatic characteristics. In the second version, Huang Shunan used the Chinese analog of this idiom 一窍不通 (literal translation: not a single hole in the heart goes through). In our opinion, the translator has retained the main meaning of the statement, although the lexical components of the Russian and Chinese idioms are different.

The translation of this idiom into English is presented in the first version as “*don't know any German*”, and in the second – “*don't know a scrap of German*”.

Both translations hold almost the same meaning. However, in our opinion, the English versions are also devoid of the necessary idiomatic specification. The version “don't know a scrap of German” is more expressive since the translator used the phrase “*a scrap of*”, which gives the idiom both more imagery and symbolism and some negligence inherent in the colloquial style. In the English language, several phraseological units express “ignorance”. They are: *left in the dark; batting a whopping zero in; not to know a scrap of sth; not to know a hawk from a handsaw; it's absolutely Greek to me, etc.*

Analog translation of phraseological units, idioms, in particular, allows us to state that translators while maintaining the meaning of the phraseological unit, find a substitute in the translated language. That substitute/analog, however, is based on a different image of natural language metaphysics.

Conclusion

The process of involving phraseological units into the language is determined by the interaction of units of different linguistic levels. This happens due to the figurative thinking inherent in humans. Usually, phraseological units are characterized by laconicism, vivid images, and national colors. People live on the same land, and due to common thinking and emotions, different cultures and languages become similar and compatible. The novel "How the Steel Was Tempered" by N. Ostrovsky contains a significant number of various phraseological units, in particular, colloquial, vernacular. The translated text must not only correspond to the original but also be adapted to the culture of the target language. A translator, faced with the need to transfer phraseological units from one language to another, must comprehend both his own and the other linguistic culture and traditions. Thus he has to find ways to convey the information contained in one or another phraseological unit.

References

- Alekseeva, I.S. (2008). *Tekst i perevod. Voprosy teorii* [Text and translation. Issues of Theory], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia. (In Russian)
- Amosova, N.N. (1963). *Osnovy anglijskoj frazeologii* [Fundamentals of English phraseology], Izd-vo LGU, SPb., Russia. (In Russian)
- Vinogradov, V.V. (1972). *Russkij yazyk* [Russian language], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)
- Kazakova, T.A. (2006). *Hudozhestvennyj perevod: v poiskah istiny* [Artistic translation: In search of truth], Izd-vo SPbGU, SPb., Russia. (In Russian)
- Kuz'min, S.S. (2001). *Russko-anglijskij frazeologicheskij slovar' perevodchika* [Russian-English Phraseological Translator's Dictionary], Flinta, Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)
- Kuz'min, S.S. (2007). *Idiomaticheskij perevod s russkogo yazyka na anglijskij (Teoriya i praktika)* [Idiomatic translation from Russian to English (Theory and Practice)], Flinta, Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)
- Kunin, A.V. (2005). *Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo yazyka* [Course of phraseology of modern English], Izdatel'skij centr Feniks+, Dubna, Russia. (In Russian)
- Moiseeva, S.A., Ogneva, E.A. (2013). *Hudozhestvennyj tekst kak ob'ekt mezhkul'turnoj adaptacii* [Art text as an object of intercultural adaptation], Editus, Moscow, Russia. (In Russian)
- Ogneva, E.A. (2012). *Hudozhestvennyj perevod: problemy peredachi komponentov perevodcheskogo koda* [Artistic translation: Problems of transferring components of the translation code], Editus, Moscow, Russia. (In Russian)
- Ostrovskij, N.A. (2018). *Kak zakalyalas' stal'* [How Steel Was Tempered], Izdatel'stvo AST Moscow, Russia. (In Russian)
- Savickij, V.M. (2006). *Osnovy obshchej teorii idiomatiki* [Fundamentals of the general theory of idiomatics], Gnozis, Moscow, Russia. (In Russian)
- Teliya, E.N. (2006). *Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Big phraseological dictionary of the Russian language], AST-Press, Moscow, Russia, available at: https://phrase_dictionary.academic.ru/160/ (Accessed 20 November 2020). (In Russian)
- Shanskij, N.M. (1985). *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseology of the Modern Russian Language], Vysshaya shkola, Moscow, Russia. (In Russian)
- Brown, A. (1937). *The making of a hero*, E. P. Dutton, New York. (In English)
- Burger, H. (2007). *Phraseology: an international handbook of contemporary research*, Braunschweig, Germany. (In English)
- Cowie, A.P. (1998). *Phraseology: Theory, Analysis, and Applications*, Clarendon Press, UK. (In English)
- Dijk Teun, A. van (2009). *Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk*, Cambridge University Press, Cambridge, UK. (In English)

Dixon, R. (1951). *Essential Idioms in English*, Berghahn Books, New York, USA. (In English)

Prokofieva, R. (2002). *How the Steel Was Tempered*, Communist Party of Australia, Sydney. (In English)

黄树南. 钢铁是怎样炼成的. 桂林:漓江出版社 (2012). (In Chinese)

梅益. 钢铁是怎样炼成的. 北京:人民文学出版社 (2004). (In Chinese)

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Irina Grigorievna Zhirona, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of

Translation Studies and Cognitive Linguistics, Moscow Region State University.

Xingkai Sun, Post Graduate Student, Department of Translation Studies and Cognitive Linguistics, Moscow Region State University

Жирова Ирина Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой переводоведения и когнитивной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета.

Сунь Синкай, аспирант кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета.

УДК 811.111:81'373.72

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-11

Федуленкова Т. Н. Субстантивные ФЕ-термины двухкомпонентной структуры

Владимирский государственный университет,
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
ул. Горького, 87, г. Владимир, 600000, Россия
E-mail: fedulenkova@list.ru
ORCID iD: 0000-0002-5039-5827

Статья поступила 30 апреля 2021 г.; принята 20 мая 2021 г.; опубликована 30 июня 2021 г.

Аннотация. Работа посвящена изучению семантики составных языковых единиц из сферы деловой фразеологии, которые, с одной стороны, являются терминами и, с другой стороны, единицами фразеологического уровня языка. Объект исследования составлен из двух с половиной сотен двухкомпонентных субстантивных терминологических единиц фразеологического свойства, отбор которых был осуществлен методом сплошной выборки из нового толкового англоязычного словаря деловой терминологии, изданного под редакцией М. Мерфи. Для уточнения лингвистического статуса устойчивого словосочетания-термина и отождествления его как фразеологической единицы применялся метод фразеологической идентификации А. В. Кунина. В процессе исследования применялись и другие методы фразеологического анализа и описания: для выяснения значения ФЕ-термина применялись методики анализа словарных дефиниций, для уточнения значения ФЕ-термина применялся метод контекстуального анализа. Предмет данного исследования – характер переосмысления прототипного словосочетания, которое положено в основу терминологического фразеологизма и наличие парадигматических связей ФЕ-терминов изучаемой микросистемы языка. Цель исследования – определение соотношения фразеологизмов-терминов с полным и частичным переосмыслением компонентов прототипного словосочетания и определение соотношения видов системных парадигматических связей ФЕ-терминов и их описание. В результате исследования были выявлены две группы ФЕ-терминов с полным и частичным переосмыслением компонентов прототипного словосочетания и определено процентное соотношение между ними. Семантический анализ выявил также наличие парадигматических связей и таких их разновидностей, как полисемия, идеографическая синонимия и вариантность.

Ключевые слова: Терминология; Фразеология; ФЕ-термины; Полное/частичное переосмысление; Фразеологическая идентификация

Информация для цитирования: Федуленкова Т. Н. Субстантивные ФЕ-термины двухкомпонентной структуры // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т.7, N2. С. 114-127. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-11

УДК 811.111:81'373.72

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-11

Tatiana N.
Fedulenkova

Substantive phraseological terms of a two-component structure

A.G. and N.G. Stoletovs Vladimir State University
87 Gorky St., Vladimir, 600000, Russian Federation
E-mail: fedulenkova@list.ru
ORCID iD: 0000-0002-5039-5827

Received 30 April 2021; accepted 20 May 2021; published 30 June 2021

Abstract. The work is devoted to the study of the semantics of compound linguistic units from the sphere of business phraseology, which, on the one hand, are terms and, on the other hand, are units of the phraseological level of the language. The object of the research is composed of two and a half hundred two-component substantive terminological units of phraseological properties, the selection of which was carried out by the method of continuous sampling from the new explanatory English-language dictionary of business terminology, published under the editorship of M. Murphy. To clarify the linguistic status of a stable phrase-term and identify it as a phraseological unit, the method of phraseological identification by A.V. Kunin was used. In the course of the research, some other methods of phraseological analysis and description were used: to find out the meaning of a phraseological unit, the methods of analyzing dictionary definitions were used, to clarify the meaning of a phraseological unit, the method of contextual analysis was used. The subject of this research is the nature of the semantic transfer of the prototypical phrase, which is the basis of the terminological phraseological unit and the presence of paradigmatic connections of phraseological units of the studied microsystem of the language. The purpose of the study is to determine the ratio of phraseological units-terms with a complete and partial semantic transfer of the components of the prototypical phrase and to determine the ratio of the types of systemic paradigmatic connections of phraseological units and their description. As a result of the study, two groups of phraseological units were identified with complete and partial semantic transfer of the components in the prototypical phrase and the percentage ratio between them was determined. Semantic analysis also revealed the presence of paradigmatic connections and their varieties such as polysemy, ideographic synonymy and variability.

Keywords: Terminology; Phraseology; PU-terms; Full / partial semantic transfer; Phraseological identification

How to cite: Fedulenkova, T. N. (2021). Substantive phraseological terms of a two-component structure. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.7 (2), 114-127, DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-11

Введение

Первая волна интенсивности изучения деловой фразеологии приходится на конец XX в. (Gläser, 1995: 33), вторая волна

охватывает современный период исследований, когда внимание лингвистов обращается на когнитивный аспект научного анализа объекта изучения (Piirainen, 2004: 46).

Актуальность изучения деловой фразеологии непреходяща, так как поддерживается необходимостью теоретических изысканий в области терминологии (Федуленкова, 2018: 94; Yakushenko, 2018: 65) и прагматической востребованностью, интенсивностью практического использования терминов фразеологического свойства в современном дискурсе различного вида (Fedulenkova, 2015: 181).

Несмотря на то, что отношения между терминологией и фразеологией впервые серьезно заинтересовали специалистов по фразеологии еще в конце прошлого века, но до сего времени в этих отношениях отмечается наличие многочисленных лакун, вызывающих острые дискуссии в лингвистической среде (Федуленкова, 2019: 292). Цель данного исследования состоит в: а) выявлении терминов-фразеологизмов с полным переосмыслением компонентов и терминов-фразеологизмов с частичным переосмыслением компонентов и определение их количественного соотношения в современном фразеоконе, в) выявлении наличия парадигматических отношений в изучаемой языковой подгруппе.

Для формирования объекта исследования избираем один из наиболее авторитетных академических словарей делового английского языка под редакцией М. Мерфи *Longman Business English Dictionary* (Murthy, 2007), который, включая лексикографическое описание около тридцати тысяч современных деловых терминов, вместе с тем, успешно удовлетворяет прагматический спрос переводчиков-практиков в сфере делового общения (Тарнаева, 2009: 108).

В целях отождествления деловых терминов как фразеологических единиц используется метод фразеологической идентификации, предложенный выдающимся российским лингвистом А. В. Куниным и успешно апробированный последователями ученого в исследовании фразеологии различных языков (Кунин, 1996: 38–43).

В качестве вспомогательных методов исследования «применяется ряд макропарадигмальных и частнопарадигмальных методов и методик лингвистики» (Комарова, 2018: 381) и, в первую очередь, методы фразеологического анализа и описания и методики анализа дефиниций.

Важнейшая сопутствующая задача работы заключается в поиске единиц для сопоставительно-типологического анализа языков, инициированного В. Д. Аракиным (Аракин, 1983: 5–38).

В качестве иллюстраций в работе используются наиболее релевантные контексты из Британского национального корпуса (BNC).

Исследовательская часть

Семантический анализ объекта исследования позволяет выяснить, что ФЕ-термины рассматриваемой структуры характеризуются как полным переосмыслением словосочетания-прототипа, так и частичным его переосмыслением.

Термины-фразеологизмы с полным переосмыслением прототипного словосочетания. Полное переосмысление компонентного состава прототипного словосочетания, которое представляет собой основу термина фразеологического свойства, характерно для 35,9% анализируемых языковых единиц. В таком случае ни один из компонентов ФЕ-термина не сохраняет свое первоначальное значение:

(а) *problem child* (букв. проблемный/трудный ребенок) COMMERCE – a product or business that has financial problems, often one that its makers or owners do not know what to do with: *The troubled company is widely regarded as the problem child in the group's portfolio* (с. 417) — КОММЕРЦИЯ продукт или бизнес, у которого есть финансовые проблемы, часто такие сложные, что их производители или владельцы не знают, как с ними справиться: *Эта проблемная компания по праву считается трудным ребенком в группе компаний*;

(б) **salami slicing** (букв. нарезка салями) – the illegal act of stealing money from an organization by using a computer to remove extremely small amounts from its financial accounts over a period of time: *A number of corporations have been subjected to salami slicing fraud* (с. 476) – незаконный акт кражи денежных средств у организации с использованием компьютера для снятия очень небольших сумм с ее финансовых счетов в течение определенного периода времени: *Ряд корпораций подверглись мошенничеству под названием «нарезка салями»;*

(в) **nest egg** (букв. яйцо из гнезда) – *informal* an amount of money that you save to use later, especially when you have stopped working: *Life insurance endowment policies are a great way to build up a family nest egg for the future* (с. 347) — *разг.* сбережения (на чёрный день); денежный фонд; заначка; денежная сумма, которую откладывают, чтобы использовать позже, особенно после прекращения работы, ухода на пенсию: *Полисы, включающие страхование жизни, считаются для семей отличным вариантом сбережений на будущее;*

(г) **pork barrel** *AmE informal disapproving* (букв. бочка с салом) – a government plan to increase the amount of money spent in a particular area in order to gain a political advantage: *One person's pork barrel is another's local courthouse or dam* (с. 401) — «казённый пирог» *амер. англ. разг. неодобр.* план правительства по увеличению денежных сумм, расходуемых в определенной области, для получения политического преимущества: *Что для одного – «бочка с салом», для другого дорога в суд;*

(д) **ambulance chaser** (букв. преследователь неотложки) – *informal* a lawyer who hurries to the scene of an accident to try to get business from injured persons: *The insurance companies are cracking down on ambulance chasers* (с. 10) — юрист, который спешит на место происшествия, чтобы попытаться уладить дела с

пострадавшими: *Страховые компании расправляются с преследователями скорой помощи.*

Приведем иллюстрации использования рассматриваемых ФЕ-терминов, которые имеют полное переосмысление компонентов, с помощью контекстов из Британского национального корпуса:

(a) *Another advantage Granada has over the competition, he says, is that unlike the big vendors now scurrying onto the marketplace to boost revenues, Granada <...> has been in the game for years and knows its strengths and weaknesses. This, he believes, has taught the group to be flexible: after 15 years of looking after multivendor systems, it doesn't simply have to rely on managing subcontractors unlike many of its rivals. Long a **problem child**, Granada Computer Services is now thriving and as of April 15, it restructured its customer support functions into two separate divisions with the aim of providing a more focused and efficient service <...>.* (BNC) — Еще одно преимущество Гранады над конкурентами, по его словам, заключается в том, что в отличие от крупных поставщиков, которые сейчас спешат на рынок, чтобы увеличить доходы, Гранада <...> была в игре годами и знает свои сильные и слабые стороны. По его мнению, это научило группу проявлять гибкость: после 15 лет работы с системами с несколькими поставщиками ей не нужно просто полагаться на управление субподрядчиками, в отличие от многих ее конкурентов. Компания «Гранада Компьютер Сервисис», долгое время являвшаяся «проблемным ребенком», сейчас процветает, и с 15 апреля она реструктурировала свои функции поддержки клиентов в два отдельных подразделения с целью предоставления более целенаправленных и эффективных услуг <...>.

(б) *The RAF's aircraft replacement programmes tend to be more expensive than warship construction, but they have greater flexibility since the number of aircraft ordered*

in any one year can be varied without throwing the Air Department's costings off balance. By way of contrast, the Army's re-equipment has the greatest flexibility in that it consists of many smallish programmes, each involving the production of large numbers of relatively low-cost weapons or equipments. However, herein lies the Army's greatest weakness in the bargaining process. Its programmes are much the most susceptible to 'salami slicing', since it is difficult to claim that the end of the world will come if the Army receives, say, ninety instead of a hundred tank replacements in a particular year. (BNC) – Программы замены самолетов Королевских ВВС, как правило, дороже, чем строительство военных кораблей, но они обладают большей гибкостью, поскольку количество самолетов, заказываемых в течение одного года, можно варьировать, не нарушая баланса затрат Департамента авиации. Напротив, переоснащение армии обладает наибольшей гибкостью, поскольку оно состоит из множества небольших программ, каждая из которых предполагает производство большого количества относительно недорогого оружия или оборудования. Однако в этом заключается самая большая слабость армии в переговорном процессе. Ее программы наиболее подвержены «нарезке салями», поскольку трудно утверждать, что конец света наступит, если армия получит, скажем, девяносто, а не сотню танков на замену в конкретный год.

(в) *Company relocation policies seldom make any special provision for employees moving out of high-cost housing areas to areas where house prices are low, except to review any special allowances which had been paid to ease hardship resulting from living in an expensive area. But one problem which employers may face is employees' reluctance to move to a cheaper area as they can foresee the difficulty of moving back into a high-priced housing area later on. Employees may regard their property in a high-priced area as a 'nest egg' for their*

retirement (as they may plan to retire to a cheaper area of housing and fund their retirement with the sale proceeds) or <...>. (BNC) — Политика компании по переезду редко предусматривает какие-либо специальные положения для сотрудников, переезжающих из районов с дорогостоящим жильем в районы с низкими ценами на жилье, за исключением пересмотра каких-либо особых пособий, которые выплачивались для облегчения лишений, вызванных проживанием в дорогом районе. Но одна проблема, с которой могут столкнуться работодатели, – это нежелание сотрудников переезжать в более дешевый район, поскольку они могут предвидеть трудности с возвращением в более дорогой район позже. Сотрудники могут рассматривать свою собственность в дорогостоящем районе как «сбережение на черный день» для выхода на пенсию (поскольку они могут планировать уйти на пенсию в более дешевый район жилья и финансировать свой выход на пенсию за счет выручки от продажи) или <...>.

(г) *<...> same time the representatives of the organized working class are either being excluded from such bodies or rendered impotent in influencing their operations. An example of the latter is provided by developments in training and of the former by the Urban Development Corporations. This 'authoritarian corporatism' is clearly much removed from Scandinavian corporatism proposed as part of reformist political objectives by Mishra (1984). There are interesting contrasts here. In the Health Service, authoritarian corporatist administration is a way of responding to system pressures for restricted public expenditure. With the UDCs we find a very straightforward **pork barrel** subsidizing of particular development capital interests through the use of public resources. (BNC) – <...> в то же время представители организованного рабочего класса либо исключаются из таких органов, либо лишаются возможности влиять на их*

деятельность. Примером последнего являются разработки в области обучения, а первого – Корпорации городского развития. Этот «авторитарный корпоративизм» явно далек от скандинавского корпоративизма, предложенного Мишрой (1984) как часть реформистских политических целей. Здесь есть интересные контрасты. В Службе здравоохранения авторитарная корпоративная администрация – это способ ответить на давление системы с целью ограничения государственных расходов. С КГР мы находим очень простое *субсидирование «казенным пирогом»* определенных интересов капитала развития за счет использования государственных ресурсов.

(д) *When the elderly victims of Opren and women injured by the Dalkon Shield IUD wanted advice, they went to Pannone. Similarly, when the victims of the Manchester Airport, King's Cross and Zeebrugge disasters sought compensation, they turned to Pannone. His enemies call him an 'ambulance chaser'. His admirers applaud him as the 'people's lawyer', the first solicitor in Britain to realize that victims of disasters have more chance of success if they stand and fight collectively. Other firms may be bigger and more prestigious, but their clients are terrified of Pannone.* (BNC) — Когда пожилые жертвы Опрена и женщины, пострадавшие от ВМС Далкон Шилд, попросили совета, они обратились к Панноне. Точно так же, когда жертвы бедствий в аэропорту Манчестера, Кингс-Кросс и Зебрюгге требовали компенсации, они обратились к Панноне. Его враги называют его «преследователем скорой помощи». Поклонники аплодируют ему как «народному адвокату», первому солиситору в Великобритании, который осознал, что жертвы бедствий имеют больше шансов на успех, если они встанут и будут сражаться сообща. Другие фирмы могут быть крупнее и престижнее, но их клиенты боятся Панноне.

Термины-фразеологизмы с частичным переосмыслением прототипного словосочетания. Частичное переосмысление компонентного состава прототипного словосочетания, которое представляет собой основу термина фразеологического свойства, характерно для 63,7% анализируемых языковых единиц. В таком случае хотя бы один компонент ФЕ-термина сохраняет свое первоначальное значение:

(а) **debt exposure** (букв. долговая экспозиция, долговая незащищенность) – *when a company's or country's financial situation is at risk because it is owed a lot of money that may not be repaid: The bank made provisions against just over 50 percent of its South American debt exposure, in line with Bank of England guidelines* (с. 194) — [долговые обязательства, ситуация] когда финансовое положение компании или страны находится под угрозой из-за того, что ей причитается большая сумма денег, которая не может быть возвращена: *Банк создал резервы на покрытие чуть более 50 процентов своего долга в Южной Америке в соответствии с руководящими принципами Банка Англии.*

(б) **focus group** (букв. фокусная группа) **MARKETING** – *a group of consumers brought together by a company to help it do market research. The consumers are asked to discuss their feelings and opinions about products, advertisements, companies, etc.: Consumers in focus groups told us they felt too pressured in carpet stores* (с. 241) — группа потребителей, собранная компанией для проведения маркетинговых исследований. Потребителей просят обсудить их чувства и мнения о продуктах, рекламе, компаниях и т. д.: *Потребители в фокус-группах сказали нам, что они чувствовали себя слишком подавленными в магазинах ковров.*

(в) **niche market** (букв. нишевый/ сегментный рынок) **MARKETING** – *a market for a product or service, perhaps an expensive or unusual one, that does not have*

many buyers, but that may make good profits for companies that sell it: *This small pharmaceuticals company has targeted specialty cancer treatments as its niche market* (с. 325) – рынок продукта или услуги, возможно, дорогой или необычный, на котором не так много покупателей, но который может приносить хорошую прибыль компаниям, которые их продают: *Эта небольшая фармацевтическая компания нацелена на специализированные методы лечения рака в качестве своего сегментного рынка.*

(г) **credit repair** (букв. ремонт кредитов) *AmE FINANCE* – a service by which people or companies are helped to make arrangements to pay off their debts over a period of time, or helped to improve their credit rating: *20 states have enacted legislation to regulate credit repair* (с. 456) – оздоровление кредитов, услуга, помогающая людям или компаниям выплачивать долги в течение определенного периода времени или улучшить их кредитный рейтинг: *20 штатов приняли законы, регулирующие сферу услуг по оздоровлению кредитов.*

(д) **idle money** (букв. ленивые деньги) *BrE FINANCE* – money that is not earning interest: *Speculators prefer to hold idle money in the knowledge that, if they wait, the rate of interest will go up again* (с. 340) — мертвые деньги, свободные денежные остатки, деньги, которые не приносят процентов: *Спекулянты предпочитают сохранять мертвые деньги, зная, что если они подождут, то процентная ставка снова поднимется.*

Приведем иллюстрации использования рассматриваемых ФЕ-терминов, которые имеют частичное переосмысление компонентов, с помощью контекстов из Британского национального корпуса:

(a) *Midland has already swapped a substantial part of its Chilean **debt exposure** for equity and has also been involved in similar, private sector, schemes in Argentina. However, this is the first scheme in Argentina which involves equity stakes in privatisations.*

*Though debt-for-equity swaps represent one way for banks to recover part of their developing country **debt exposure**, they still stand to lose money and look likely to have to wait for some years before they can cash in their equity stakes.* (BNC) – Мидланд уже обменяла значительную часть своих *долговых обязательств* в Чили на акции, а также участвовала в аналогичных схемах частного сектора в Аргентине. Тем не менее, это первая схема в Аргентине, которая предполагает участие в приватизации. Хотя свопы долга на акции представляют собой один из способов возмещения банками части *долговых обязательств* развивающихся стран, они по-прежнему могут потерять деньги и, похоже, им придется ждать несколько лет, прежде чем они смогут обналичить свои доли в капитале.

(б) <...> *The magazine is a team effort consisting of a core of people at Craigforth who ensure that the magazine is produced. Besides that there is a network of regular contributors from head offices and branches, also occasional contributions from members of staff or pensioners. A small **focus group** of Human Resources staff meet occasionally to discuss new ideas, production issues, budget etc. Besides the editor, the editorial team consists of Angela Harrold (admin assistant), Raj Jamieson (proofreading), Lynne Marshall, Yvonne Ferry and Gillian Cook (typing). This team is responsible for all text and graphic material as received from contributors or written in-house.* <...> (BNC) — <...> Журнал – это коллективная работа, состоящая из ядра сотрудников в Крейгфорте, которые обеспечивают выпуск журнала. Кроме того, существует сеть постоянных корреспондентов из головных офисов и филиалов, а также периодические заметки поступают от сотрудников или пенсионеров. Небольшая *рабочая группа* сотрудников отдела кадров встречается время от времени для обсуждения новых идей, производственных вопросов, бюджета и т. д. Помимо редактора, редакционная

группа состоит из Анжелы Харролд (помощник администратора), Раджа Джеймисона (корректора), Линн Маршалл, Ивонн Ферри и Джиллиан Кук (перепечатка). Эта команда несет ответственность за все текстовые и графические материалы, полученные от участников или написанные внутри компании. <...>.

(в) <...> *ROVER today launches a new 200 series model, backed by a 400m investment and vital to the company's attempt to maintain its resurgence as a profitable manufacturer of **niche market** cars. The new five-door car, which is aimed at a middle sector of the market dominated by the VW Golf, Vauxhall Astra and Fiat Tipo, is one of Rover's most important launches this decade. The 400m investment in the new Longbridge-built car represents one of the biggest single spending programmes in Rover's history,* <...>. (BNC) — <...> РОВЕР сегодня запускает новую модель 200-й серии, подкрепленную 400-миллионными инвестициями и жизненно важными для попытки компании сохранить свое возрождение в качестве прибыльного производителя на сегментном рынке легковых автомобилей. Новый пятидверный автомобиль, ориентированный на средний сектор рынка, где доминируют ФВ Гольф, Воксхолл Астра и Фиат Типо, является одним из самых важных запусков компании Ровер в этом десятилетии. Инвестиции в 400 млн долларов в новый автомобиль, построенный в Лонгбридже, представляют собой одну из самых крупных разовых программ в истории Ровера, <...>.

(г) *Sir Gordon Borrie, Director General of Fair Trading, has advised consumers to beware of advertisements by 'certain so-called **credit repair** companies which have recently appeared in some newspapers'. The Office of Fair Trading says that these advertisements purport to offer help in removing adverse credit history information from credit reference agency files, and to give*

guidance on how to make a successful credit application. Often they give a 'premium rate' telephone number to call for further information. Sir Gordon said: '<...>, consumers could be committing fraud if they provide false information on a credit'. (BNC) — Сэр Гордон Борри, гендиректор Фейр Трейдинг, посоветовал потребителям остерегаться рекламы «некоторых так называемых компаний по оздоровлению кредитов, которая недавно появилась в некоторых газетах». Управление добросовестной торговли заявляет, что эти рекламные объявления предназначены для того, чтобы предложить помощь в удалении неблагоприятной информации о кредитной истории из файлов кредитных справочных агентств, а также дать рекомендации о том, как подать успешную кредитную заявку. Часто они дают номер телефона с повышенным тарифом, по которому можно позвонить для получения дополнительной информации. Сэр Гордон сказал: «<...>, потребители могут совершать мошенничество, если они предоставляют ложную информацию о кредите».

(д) *Keynes recognized the possibility of a minimum below which the rate of interest would not fall, since below such levels the rate of interest on securities would not cover the costs and risks of holding them. If the rate of interest approached this <...> minimum level, no speculators would wish to buy securities. Instead they would prefer to hold **idle money** balances in the knowledge that, if they wait, the rate of interest will go up again. The speculative demand becomes virtually infinite at this minimum rate of interest. According to Keynesian theory, any extra money people have at this interest rate will simply go into idle balances. This is known as the liquidity trap.* (BNC) — Кейнс признал возможность минимума, ниже которого процентная ставка не упадет, поскольку ниже таких уровней процентная ставка по ценным бумагам не покрывает затраты и риски, связанные с их хранением. Если

процентная ставка приблизится к этому <...> минимальному уровню, спекулянты не захотят покупать ценные бумаги. Вместо этого они предпочли бы держать свободные денежные остатки, зная, что, если они подождут, процентная ставка снова вырастет. Спекулятивный спрос становится практически бесконечным при этой минимальной процентной ставке. Согласно кейнсианской теории, любые лишние деньги, которые есть у людей при такой процентной ставке, просто уйдут на неиспользуемые остатки. Это известно как ловушка ликвидности.

Парадигматические отношения ФЕ-терминов.

Парадигматические отношения изучаемых ФЕ-терминов выражаются в полисемии, синонимии и вариантности.

Рассматриваемый языковой материал обнаруживает явление полисемии, которая традиционно считается нехарактерной для деловой терминологии. В анализируемом объеме терминологической фразеологии современного английского языка многозначные ФЕ-термины составляют 4,1%. Это, например, такая языковая единица, как **loss leader**, которая, согласно словарной дефиниции, имеет два значения:

(а) значение 1: **MARKETING** – a product or service that is sold at a loss, but that is intended to encourage people to buy other, profitable products or services: *Supermarkets sometimes sell bread as a loss leader to bring in customers for other, more expensive goods* (с. 314) — продукт или услуга, которые продаются с убытком, но предназначены для того, чтобы побудить людей покупать другие, прибыльные продукты или услуги: *Супермаркеты иногда продают хлеб как убыточный, чтобы привлечь покупателей для других, более дорогих товаров*;

(б) значение 2: **COMMERCE** – an activity that loses money but that is hoped to make a profit later: *Most law firms view Moscow offices as loss leaders that will eventually bring great profits* (с. 314) — деятельность, которая приносит убытки,

но есть надежда, что принесет прибыль позже: *Большинство юридических фирм рассматривают московские офисы как лидеров убытков, которые в конечном итоге принесут большую прибыль.*

Проиллюстрируем явление полисемии терминологической фразеологии контекстами из Британского национального корпуса:

Контекстуальная иллюстрация значения 1:

Families were better off, more mobile. They had fridges at home so didn't need to shop every day on the corner. Few homes as yet had freezers, but shops did. 'Frozen Food Sold Here' said the signs and a new generation was born – the first to be raised on fish fingers and beefburgers. In the great store wars to get customers in, supermarkets invented the 'loss leader' – lines such as bread on which they were prepared to make a small loss if it lured people in. But customers were no longer quite as wide-eyed as they had been when first faced by all this merchandise <...>. (BNC) — Семьи стали более обеспеченными, более мобильными. У них дома были холодильники, поэтому им не приходилось каждый день делать покупки на углу. В немногих домах еще есть морозильные камеры, но в магазинах есть. «Замороженные продукты продаются здесь», — гласили вывески, и родилось новое поколение – первое, которое выросло на рыбных палочках и бифбургерах. В больших войнах магазинов за привлечение покупателей супермаркеты изобрели «лидера убытков» – такие линии, как хлеб, на котором они были готовы понести небольшие убытки, если они соблазнят людей [дешевым хлебом]. Но покупатели уже не были такими доверчивыми, как они были, когда впервые столкнулись со всем этим товаром <...>.

Контекстуальная иллюстрация значения 2:

Akzo, the Dutch multinational chemical company, was found to have abused its dominant position in a particular chemical market by reducing its prices with the

objective of driving out of business a competitor in the market in which Akzo held a dominant position. The Commission emphasised in its decision that the selective nature of the price cuts, and the circumstances in which they were made, amounted 'loss leader' tactics making it impossible for the much smaller competitor in the market place to stay in business. The Court upheld the Commission's decision, setting criteria to identify predatory pricing. (BNC) – Акзо, голландская транснациональная химическая компания, как выяснилось, злоупотребила своим доминирующим положением на определенном химическом рынке, снизив цены с целью вытеснить из бизнеса конкурента на рынке, на котором Акзо занимала доминирующее положение. Комиссия подчеркнула в своем решении, что избирательный характер снижения цен и обстоятельства, в которых они были сделаны, сводились к тактике «лидера убытков», которая не позволяла более мелкому конкуренту на рынке оставаться в бизнесе. Суд поддержал решение комиссии, установив критерии для выявления хищнического ценообразования.

В рассматриваемом языковом материале встречаются такие термины фразеологического свойства, которые находятся в синонимических отношениях. Эти ФЕ-термины являются, главным образом, идеографическими синонимами (Кунин, 1996: 127) и объединяют 2,7% языковых единиц в анализируемом объеме терминологической фразеологии современного английского языка, например:

(a) *profit margin* (букв. поле выгоды) – the difference between the price of a product or service and the cost of producing it, or between the cost of producing all of a company's products and services and the total sum they are sold for: *Slow sales have cut profit margins in the industry* (с. 323) – разница между ценой продукта или услуги и стоимостью их производства или между стоимостью производства всех продуктов

и услуг компании и общей суммой, за которую они продаются: *Медленные продажи снизили маржу прибыли в отрасли;*

(б) *gross margin* (букв. большое поле) – the difference between the price that a product or service is sold and the cost of producing it, without including overheads (=general costs not related to particular products or services): *The company needed a gross margin of around 40% to make a reasonable profit* (с. 323) – разница между ценой продажи продукта или услуги и стоимостью их производства без учета накладных расходов (= общие затраты, не связанные с конкретными продуктами или услугами): *Компании требовалась валовая прибыль около 40% для получения разумной прибыли.*

Проиллюстрируем явление идеографической синонимии деловой терминологической фразеологии контекстами из Британского национального корпуса:

(a) *There is some irony in the fact that many schools are on the one hand educating children about healthy eating and on the other selling at break time nothing less than junk foods such as crisps, chewy fruit sweets and chocolate bars. The attractions of these products are that they store well, are easily obtained and offer a high profit margin. Fresh fruit and raw carrots are an alternative and represent healthier eating but they are perishable, less profitable and need some preparation before sale.* (BNC) – Есть некоторая ирония в том, что многие школы, с одной стороны, обучают детей здоровому питанию, а с другой – продают во время перерывов не что иное, как нездоровую пищу, такую как чипсы, жевательные фруктовые сладости и плитки шоколада. Преимущества этих продуктов в том, что они хорошо хранятся, их легко достать и они предлагают *высокую прибыль*. Свежие фрукты и сырая морковь являются альтернативой и представляют собой более здоровую пищу, но они скоропортящиеся,

менее прибыльные и требуют некоторой подготовки перед продажей.

(6) *Another new technique which, according to Mr Botham, was likely to become more popular is tissue testing of plant material. He said: 'By testing an apparently healthy plant and applying the suitable remedies before symptoms of crop disease actually appear, the farmer can be well into pocket.' From the farmers' viewpoint, set aside will have many implications. One which worried an Aberdeenshire farmer, John French, <...>, was the dependence on subsidies and support. 'Fifty per cent of my gross margin for cereals will come from area compensatory payments and set aside.'* (BNC) – Еще один новый метод, который, по словам г-на Ботэма, вероятно, станет более популярным, – это тестирование тканей растительного материала. Он сказал: «Проверяя внешне здоровое растение и применяя подходящие средства до того, как симптомы болезни сельскохозяйственных культур действительно проявятся, фермер может оказаться в прибыли». С точки зрения фермеров, откладывание этого дела будет иметь множество последствий. Фермера из Абердиншира Джона Френча, <...>, беспокоила зависимость от субсидий и поддержки. «Пятьдесят процентов моей валовой прибыли от зерновых будет приходиться на компенсационные выплаты с территории и откладываться».

Среди парадигматических отношений исследуемых ФЕ-терминов наиболее распространенными являются варианты их отношения которые представлены разного рода фразеологическими вариантами: орфографическими, морфологическими, лексическими и др. (Поцелуева, 2017: 122). Под вариантом понимаем такое формальное изменение ФЕ-термина, которое не влияет на его значение, т.е. сохраняет тождество языковой единицы (Федуленкова, 2014: 140):

(a) **cash market** (букв. денежный рынок) FINANCE – a market where commodities (=oil, metals, farm products etc)

are bought for immediate delivery, rather than a futures market; =**SPOT MARKET**: *He specializes in trading financial instruments in both futures and cash markets* (с. 324) – рынок, на котором товары (=нефть, металлы, сельскохозяйственные продукты и т.д.) покупаются для немедленной доставки, а не фьючерсный рынок; =СПОТ-РЫНОК: *Он специализируется на торговле финансовыми инструментами как на фьючерсных, так и на денежных рынках*;

(б) **spot market** (букв. точечный рынок) – another name for CASH MARKET: *Buyers are choosing the stability of long-term contracts for oil over purchases from the spot market* (с. 326) — другое название для НАЛИЧНЫЙ РЫНОК: *Покупатели предпочитают стабильность долгосрочных контрактов на нефть покупкам на спотовом рынке*.

Проиллюстрируем явление лексической вариантности деловой терминологической фразеологии контекстами из Британского национального корпуса:

(a) <...> *but also dealers in sterling eurobonds, are continually buying and selling large volumes of bonds and their risk exposure is continually changing. And at times of new issues, they will often be committed to purchasing very large amounts of stock which they can only expect to sell over a period of weeks; during which period they are exposed to the risk of capital loss if prices fall. The use of futures and/or options offers a quick way of hedging this and other risks by creating future positions which offset those in the cash market. The large institutional investors may also choose to hedge positions.* (BNC) — <...> но также и дилеры стерлинговых еврооблигаций, постоянно покупают и продают большие объемы облигаций, и их подверженность риску постоянно меняется. И во время новых выпусков они часто будут стремиться покупать очень большие объемы акций, которые они могут рассчитывать продать только в течение нескольких недель; в течение этого

периода они подвергаются риску потери капитала в случае падения цен. Использование фьючерсов и/или опционов предлагает быстрый способ хеджирования этого и других рисков путем создания будущих позиций, которые компенсируют позиции на *денежном рынке*. Крупные институциональные инвесторы также могут выбрать хеджирование позиций.

(6) *Individual banks and discount houses can alleviate liquidity shortages through these markets without the Bank having an opportunity to influence rates. <...> Furthermore, in a period of a domestic monetary squeeze, it will be possible, and may be cheaper, to borrow in Eurocurrency markets. With a well-developed sterling **spot market** and no exchange control, it is then a simple and cheap operation to swap foreign currency for sterling from the Exchange Equalisation Account. Unless the authorities react by selling government debt to the non-bank private sector on a sufficient scale (with whatever interest rate consequences may follow), the money supply will increase.* (BNC)

– Отдельные банки и дисконтные дома могут уменьшить нехватку ликвидности через эти рынки, не имея возможности влиять на ставки. <...> Кроме того, в период внутреннего денежно-кредитного кризиса будет возможно и, возможно, будет дешевле брать займы на евровалютных рынках. При хорошо развитом *спотовом рынке фунта стерлингов* и отсутствии валютного контроля обмен иностранной валюты на фунт стерлингов со Счета выравнивания обменного курса является простой и дешевой операцией. Если власти не отреагируют продажей государственного долга небанковскому частному сектору в достаточном объеме (с любыми последствиями для процентной ставки), денежная масса увеличится.

Результаты и выводы

Данная работа представляет результат изучения деловой терминологии фразеологического свойства, выборка

которой была произведена из современного словаря делового английского языка под редакцией проф. М. Мерфи. На основе метода фразеологической идентификации из тридцати тысяч словарных статей названного словаря было извлечено двести тридцать языковых единиц, отвечающих требованиям ФЕ-термина и имеющих двухкомпонентную структуру, включающую два субстантивных компонента.

Посредством семантического анализа полученной выборки установлено следующее:

а) полное переосмысление компонентного состава прототипного словосочетания, которое представляет собой основу термина фразеологического свойства, характерно для 35,9% анализируемых языковых единиц;

б) частичное переосмысление компонентного состава прототипного словосочетания, которое представляет собой основу термина фразеологического свойства, характерно для 63,7% анализируемых языковых единиц;

в) в анализируемом объеме терминологической фразеологии современного английского языка многозначные ФЕ-термины составляют 4,1%; идеографические синонимы составляют 2,7% и фразеологические варианты составляют 3,9%.

Полученные результаты приводят к выводу о том, что ФЕ-термины – есть преимущественно результат частичного переосмысления компонентов. Среди парадигматических отношений наиболее развита полисемия.

Перспектива работы состоит в дальнейшем изучении парадигматических связей внутри изучаемой фразеологической подсистемы языка.

Список литературы

Аракин В. Д. Структурная типология русского и некоторых германских языков (единицы сопоставительно-типологического

анализа языков): автореф. дис. ...д-ра филол. наук в форме науч. докл. М., 1983. 38 с.

Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. М.: ФЛИНТА, Наука, 2018. 820 с.

Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк., Дубна: Феникс, 1996. 381 с.

Почелуева Н. В., Федуленкова Т. Н. Универсальное и особенное в морфологической вариантности зооморфных фразеологизмов в неродственных языках // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2017. № 5. С. 122–129.

Тарнаева Л. П. Передача идиоматичности делового дискурса при переводе (лингво-методический аспект проблемы) // Фразеология и терминология: Грани пересечения: Монография / Т. Н. Федуленкова, А. В. Иванов, Т. В. Куприна. Архангельск: Поморский ун-т, 2009. С. 108–127.

Федуленкова Т. Н. Вариантность редуцированного деривата коммуникативной фразеологической единицы как показатель тождества ФЕ (на материале совр. англ. яз.) // European Social Science Journal. 2014. № 9(2). С. 140–144.

Федуленкова Т. Н. Дифференциация фразеологии и фразеоматики в англо-русском экономическом словаре: критические заметки // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 4. С. 94–101. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.4.

Федуленкова Т. Н. Рецензия на монографию М. Ю. Авдониной, Н. И. Жабо, С. Ю. Тереховой, Н. Г. Валеевой «Терминосистемы экологического дискурса в английском, французском и русском языках: полипарадигмальный подход к исследованию, переводу и обучению» // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. № 5(3). С. 292–296. DOI: 10.22250/24107190_2019_5_3_292_296.

BNC = British National Corpus, URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 15.03.2021).

Gläser R. Relations between Phraseology and Terminology in English for Special Purposes

// Linguistic Features and Genre Profiles of Scientific English / Rosemarie Gläser (Ed.). Frankfurt-am-Mein, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Peter Lang GmbH, 1995. Pp. 33–57.

Fedulenkova T. Terms of Phraseological Character in Specific Domains // LSP Teaching and Specialized Translation Skills Training in Higher Education Institutions (LSP & STST): Proceeding of International Conference, Moscow, April 15–17th, 2015. Moscow: RUDN, 2015. Pp. 181–184.

Murthy M. (Ed.) Longman Business English Dictionary. Harlow: Pearson Education Limited, 2007. 596 p.

Piirainen E. Cognitive, Cultural and Pragmatic Aspects of Dialectal Phraseology // Dialectologia et Geolinguistica. Berlin: De Gruyter Mouton, 2004, 12. Pp. 46–47.

Yakushenko M. A. English for Management: Innovation Life Cycle // Actual Problems of Germanic, Romanic and Russian Studies: Proceedings of the Annual International Conf. February 2, 2018. Yekaterinburg, 2018. Part I. Pp. 65–66.

References

Arakin, V. D. (1983). Structural typology of Russian and some Germanic languages (units of comparative typological analysis of languages), Abstract of D. Sc. Dissertation, Moscow, Russia. (In Russian)

Komarova, Z. I. (2018). *Metodologiya, metod, metodika i tehnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike* [Methodology, method, technique and technology of scientific research in linguistics]. FLINTA, Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)

Kunin, A. V. (1996). *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo jazyka* [A course on phraseology of Modern English]. Feniks, Dubna; Vysshaya Shkola, Moscow, Russia. (In Russian)

Pocelueva, N. V., Fedulenkova, T. N. (2017). Universal and special in the morphological variability of zoomorphic phraseological units in unrelated languages, *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University*, 5, 122–129. (In Russian)

Tarnaeva, L. P. (2009). Transfer of the idiomaticity of business discourse in translation (linguo-methodological aspect of the problem), in T. N. Fedulenkova, A. V. Ivanov, T. V. Kuprina (eds.) *Frazeologiya i terminologiya: Grani perecheniya: Monografiya* [Phraseology and

terminology: Faces of intersection: Monograph]. Pomorskiy un-t, Arhangel'sk, Russia, 108–127. (In Russian)

Fedulenkova, T. N. (2014). Variation of the reduced derivative of a communicative phraseological unit as an indicator of PU identity (based on modern English language), *European Social Science Journal*, 9(2), 140–144. (In Russian)

Fedulenkova, T. N. (2018). Differentiation of phraseology and phraseomatics in the English-Russian economic dictionary: critical notes, *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Ser.: Humanities and social sciences*, 4, 94–101. (In Russian)

Fedulenkova, T. N. (2019). Review of the monograph by M. Yu. Avdonina, N. I. Zhabo, S. Yu. Terekhova, N. G. Valeeva “Terminological systems of ecological discourse in English, French and Russian: a polyparadigmatic approach to research, translation and learning”, *Theoretical and Applied Linguistics*, 5(3), 292–296. (In Russian)

BNC = *British National Corpus*, Available at <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (Accessed 15 March 2021). (In English)

Gläser, R. (1995). Relations between Phraseology and Terminology in English for Special Purposes, in Rosemarie Gläser (ed.) *Linguistic Features and Genre Profiles of Scientific English*, Peter Lang GmbH, Frankfurt-am-Mein, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien, 33–57. (In English)

Fedulenkova, T. (2015). Terms of Phraseological Character in Specific Domains, *LSP Teaching and Specialized Translation Skills Training in Higher Education Institutions (LSP & STST): Proceeding of International Conference, Moscow, April 15-17th, 2015*, RUDN, Moscow, Russia, 181–184. (In English)

Murthy, M. (Ed.) (2007). *Longman Business English Dictionary*, Pearson Education Limited, Harlow, UK. (In English)

Piirainen, E. (2004). Cognitive, Cultural and Pragmatic Aspects of Dialectal Phraseology, *Dialectologia et Geolinguistica*, De Gruyter Mouton, Berlin, Germany, 12, 46–47. (In English)

Yakushenko, M. A. (2018). English for Management: Innovation Life Cycle, *Actual Problems of Germanic, Romanic and Russian Studies: Proceedings of the Annual International Conf. February 2, 2018*. Yekaterinburg, Part I, 65–66. (In English)

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Федуленкова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, член Российского Профессорского Собрания.

Tatiana Nikolaevna Fedulenkova, Doctor of Philological Sciences, Professor, Correspondent Member of RAN, Member of Russian Professorial Board.

РАЗДЕЛ III. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ SECTION III. FOREIGN LITERATURE

УДК [821.111–1(411):(73)] “18”

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-12

Lilia R. Velilaeva | Women in the 19th century Scottish emigration poetry of the USA

Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University
8 Uchebnaya St., Simferopol, Republic of Crimea, 295015, Russia
E-mail: lilivelilaeva@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-6491-8633

Received 17 May 2021; accepted 7 June 2021; published 30 June 2021

Abstract. The article analyzes the poetic texts of 19th-century Scottish immigrant poets in the United States, in which women were the protagonists. The Scottish poetic emigration discourse is presented by poets-men, but women occupy a special place among the characters: mothers, brides, wives, girls. The analysis of poetic texts is aimed at identifying the main types of female characters and determining artistic techniques and genre-stylistic features of poetic texts, which are relevant for integral poetological analysis of the Scottish poetic emigration discourse. The methods of genre analysis, comparative analysis, historical and biographical methods are used to analyze feminine discourse. Feminine discourse is analyzed in the following aspects: character (dominant types of female heroines) and genre-stylistic (the main artistic techniques and genres that poets prefer). It is revealed that among the Scottish heroines the greatest preference is given to women from the close (family) circle: mothers, brides, wives, etc., but they rarely become the main heroines of poems. There are practically no heroines-Americans. This absence explains the biographical context of Scottish emigration poets: emigration for many of them occurred in adolescence and adulthood. Among the dominant artistic techniques, idealization stands out and plays a significant role in the transformation of the female image of a mother, bride, girl, wife into the image of the Motherland-Scotland. The absence of heroines-Americans suggests that the United States is still a new country for expatriate poets. Elegy and epitaph became the basic genres.

Keywords: Feminist discourse; Emigration poetry; Emigration discourse; Women-heroines; Idealization

How to cite: Velilaeva, L. R. (2021). Women in the 19th century Scottish emigration poetry of the USA. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.7 (2), 128-134, DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-12

УДК [821.111–1(411):(73)] “18”

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-12

Велилаева Л. Р. Женщины в шотландской эмиграционной поэзии США XIX в.

Крымский инженерно-педагогический университет
пер. Учебный, 8, г. Симферополь, Республика Крым, 295015, Россия
E-mail: lilivelilaeva@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-6491-8633

Статья поступила 17 мая 2021 г.; принята 7 июня 2021 г.; опубликована 30 июня 2021 г.

Аннотация. Объектом анализа данной статьи послужили поэтические тексты шотландских поэтов эмигрантов США XIX века, в которых действующими лицами были женщины. **Актуальность.** Шотландский поэтический эмиграционный дискурс представлен поэтами-мужчинами, однако среди персонажей особе место занимают женщины: матери, невесты, жены, девушки. Анализ поэтических текстов направлен на выявление основных типажей персонажей-женщин и определения художественных приемов и жанрово-стилистических особенностей поэтических текстов, что является актуальным для целостного поэтологического анализа шотландского поэтического эмиграционного дискурса. **Методы исследования.** Для анализа феминистического дискурса использованы методы жанрологического анализа, компаративного анализа, историко-биографический метод. **Результаты исследования.** Феминистический дискурс проанализирован в следующих аспектах: персонажном (доминантные типы героинь-женщин) и жанрово-стилистическом (проанализированы основные художественные приемы и жанры, которым поэты отдают предпочтение). Выявлено, что среди героинь-шотландок наибольшее предпочтение отдается женщинам из ближнего (семейного) круга: матерям, невестам, женам, но главными героинями стихотворений они становятся редко. Героини-американки практически отсутствуют. Это отсутствие объясняет биографический контекст шотландских поэтов-эмигрантов: эмиграция для многих произошла в подростковом и зрелом возрасте. **Выводы.** Среди доминантных художественных приемов выделяется идеализация, которая играет существенную роль в трансформации женского образа матери, невесты, девушки, жены в образ Родины-Шотландии. Отсутствие женщин-американок свидетельствует о том, что США все еще новая страна для поэтов-эмигрантов. Базовыми жанрами стали элегия и эпитафия.

Ключевые слова. Феминистический дискурс; Эмиграционная поэзия; Эмиграционный дискурс; Героини-женщины; Идеализация

Информация для цитирования: Велилаева Л. Р. Женщины в шотландской эмиграционной поэзии США XIX в. // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т.7, N2. С. 128-134. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-12

Introduction. The Scottish emigration of the 19th century was an ambiguous and complex phenomenon, which had both a

voluntary and a forced character. The Scots left abroad voluntarily, however, their departure was explained by reasons both

economic (the policy of the Highland clearances), religious, and cultural.

The 19th-century Scottish emigration poetry of the USA cannot be fully studied without researching its feminine aspect. The main components of any feminist discourse are works about women and works written by women. This article is devoted to the research of literary works written by Scottish émigré poets about women.

Main part. The aim of this article is to analyze poetical works about women, which was carried out to implement the following **tasks**: to identify 1) the main types of female heroines of the Scottish emigration discourse, 2) basic artistic techniques used by the authors to describe their heroines, 3) genre features of the texts involved in the analysis. All this determines the novelty and relevance of this work.

Materials and research methods. The corpus of texts by 28 authors has been analyzed, consisting of 110 works. When conducting the study, methods of comparative analysis, genre analysis, comparative typological and historical-biographical methods were used.

Results and discussion. The image of woman in imaginative literature was profoundly researched both by foreign and Russian scholars. Many of them analyzed the image of woman in poetry, or the role of particular woman in literary works of a certain author (Ignatyeva A. V., Kaplan G., Shofakirova R.M., Yu L., etc.) or of certain literature (Karginova S.N., Sivova O.V., Khayrullina D.M., etc.). General tendencies of the researches are to analyze the image of the woman in correlation with specific author's creative works, national literature, literary tendencies, gender stereotypes. None of them is related to the image of woman in emigration discourse.

In the poetic texts of Scottish émigré poets, descriptions of Scottish women are most common. American women did not become heroines of their poetic texts to the same extent. There are several reasons for this. Émigré poets left for the United States when

they were not so young, and therefore it can be assumed that they experienced falling in love while they were still in Scotland. That is why the image of their beloved was often associated with a Scottish girl, about whom they kept memory, received news and dreamt of meeting.

So, for example, D.K. McCallum, in his poem "Bessie dear", shares his memories of a welcome meeting and feelings that are stronger than any distance: "O Bessie dear, I ne'er can tell / The love I have for thee; / O meet me in yon fairy dell, / Down by the hawthorne tree <...> / <...> As magnet to the pole, my dear, / Sae true's my love for thee - / Where I roam, be't far or near - / On land or raging sea <...>" (McCallum, 1870: 55).

A bouquet of a special kind of daisies (gowan) and a branch of heather (a sprig o' heather), widespread in Scotland and Northern England, become the subject of admiration for D.M. Henderson in the poem "Flow'rs frae hame". This is a gift from his girlfriend from Scotland, which for the author is a symbol of his love of Scotland and the love that awaits him in Scotland. The image of the girl in the text is transformed into the image of Scotland: a distant but dearly beloved homeland. For the author, they are one: "<...> My Scotland, 'tis thine, the bonnie us rowin' / An' by a 'the waters between us rowin' / I'll aye be true to my lassie an' 'thee" (Henderson, 1888: 14).

The transformation of the image occurs not with the help of hyperbolization, but with the help of idealization. Almost all female images that come from Scotland are idealized. For example, in J. Crichton's poem "The Emigrant Shepherd's Lament" Mary, the friend of an emigrant shepherd, is described as follows: "<...> How sweet at morn to see the mist / Roll aff the peaks the sunlight kiss'd / How saft at eve the dew-drops fell / When Marry met me in the dell <...>" (Ross, 1889: 198). J. Kennedy's girlfriend Mary in the homeland of Scotland is: "Mary wi' the gowden hair, / Bonnie Mary, gentle Mary; / O but ye are sweet an' fair, / My winsome,

charming Mary <...>” (“Mary wi' the Gowden Hair” (Kennedy, 1920: 90)).

In addition to the image of a girl-bride, the mothers of emigrant poets are especially gently described. These were mainly women with many children, many of them became widows early and therefore had to provide for their families on their own. They all have a strong-willed character, they are all extremely hardworking and patient. It is thanks to mothers that emigrant poets from early childhood get acquainted with Scottish folklore (songs, ballads, fairy tales) and Scottish literature (Ross, 1889: 54-59, 77-83, 117-121, 194-201).

Along with the images of mothers, there are also images of the wives of Scottish poets-emigrants. Researchers note the uncommonness of G. McPherson's wife, who was “talented and exquisite”, steadfastly, endured the premature death of her young child (Edwards, 1883: 381-387). We find the image of the wife of a Scottish emigrant in P. Ross's poem “Twa Scots”: “<...> Their lassies syne frae Scotland cam ' / And settled down in comfort wi' them, / And weel-stocked houses crown ' d the farm / And couthy bairns were born to them” (Ross, 1889: 90). The girls who later became wives came from Scotland and shared all the difficulties and misery with their husbands. Therefore, their common merit is that the “two Scots” become so successful in the new country: “<...> Ane owned a railroad, and a mine, / Ane had a mill and ane a quarry <...> / <...> Ane built a kirk, and fee'd it fair; / Ane built the puir, the stick, the lame / A snug and bien 'like restin' place, / And call'd it a Saint Andrew's Hame <...>” (Ross, 1889: 90).

The female fate of the mother / girl / bride / wife of a Scottish emigrant is lyrically summed up in G. McPherson's poetic text “Genealogical”. The poem begins with a mini-portrait of the poet's mother “My worthy frien ', I scarce can tell / Wherein my forbears' footsteps fell, / But haith, I doot that poortith smell / Did nip them sair / For ne'er in ae place wad they dwell / Noo here, noo there.

<...>” (Ross, 1897: 304). The text also ends with a description of the mother, who for the author is dearer and closer to the queen and the saint: “<...> My aged mither blessings cheer / Her life's lang journey year by year, / May sorrow ne'er again draw near / To take a plaint / She's to the bossom far mair dear / Than queen or saint <...>” (Ross, 1897: 306).

It is the image of the mother that is often the ethical tuning fork for the hero. For example, in Thomas C. Latto's poem “When we were at the schule”, desperate tomboys, the protagonists of the poem, accidentally hit a chicken belonging to one of the boys' mother, Aunt Jenny, with a ball. They know that by doing this they have inflicted damage on the entire family of a poor woman and therefore experience genuine remorse: “<...> But mind ye lad, yon afternoon, / How fleet ye skipp'd awa”. / For ye had crack't auld Jenny's pane. / When playin 'at the ba'. / Nae pennies had we; Jenny grat; / It cut us to the core <...>” (Ross, 1889: 13-14). These pangs of conscience force one of the tomboys to bring a chicken instead of a hit one under cover of the night: “<...> Ye took ye're mither's hen at nicht / An' left it at her door <...>” (Ross, 1889: 14).

Most often, poetic monuments to women are presented in the genre of elegies and epitaphs. The poem became especially touching when the poetic text was written on behalf of the deceased heroine and was addressed to her living husband. For example, in H. McPherson's poem “Whilt Thou Forget?”: “<...> When I am laid among the dead, / My darling, wilt thou weep for me? / Or when my spirit thence has fled, / Shalt thou forget who loved but thee? / Yet if from earth first thou should'st stray, / I'd fret my drooping soul away. <...> / <...> Forbear the wild impassioned tear, / Thy riven heart may bid thee shed, / For know my spirit hovers near, / Tho 'I may slumber with the dead. / E'en Heaven cannot Heaven be. / Until there thou shalt dwell with me” (Ross, 1889: 307).

In the context of the English poetic gender discourse of the XVIIth-19th centuries

the image of a Scottish woman, which is actively promoted and present in the poetic texts of Scottish emigration poets, is rather outdated and patriarchal (Novikova, 2007: 320; Black, 1921: 126; Carruthers, 2009: 228, Lindsay, 1977: 512; Scott, 1976: 519; Smith, 1912: 12; The Edinburgh History of Scottish Literature. Enlightenment, Britain and Empire, 2007: 390; The History of Scottish Literature, 1989: 322)). This image is just like that, because it was created by male poets for male readers. In the 17th century, the poet A. Bradstreet said that the role of a woman is not limited only to being a mother, girl or bride: “<...> I am obnoxious to each carping tongue / Who says my hand a needle better fits, / A poet's pen all scorn I should thus wrong / For such despite they cast on female wits, / If what I do prove well, it won't advance, / They'll say it's stol'n, or else it was by chance <...>” (The Norton anthology of English literature, 1993: 1740).

In the context of educational discourse, the image of a woman, which is relevant for the poetic texts of Scottish emigration poets, is quite consistent with the ideas accepted in society. With all the reforms in the educational systems of Scotland and the United States, throughout the 19th century, in both countries woman was seen primarily as the mistress of the house, wife and mother. Her social function was to organize the household, raise children and organize the family's leisure time. Therefore, women's education was aimed primarily at preparing the girl for these purely family responsibilities (Efimova, 2009: 28; Stepanova, 2005: 30; Balfour, 1903: 307; Davies, 1896: 49; Hunter, Hance, Crawford, 1891: 176, Thomas, 1899: 356).

That is why in the works of the Scottish émigré poets of the United States, a woman and a girl are rarely portrayed at public lectures, amateur evenings. Much more often they occur at the hearth, at handicrafts, at work on the estate. There are few specific mentions of their professions and fields of activity (G. McPherson, “Genealogical”; T.C. Latto, “When we were at the schule”, etc.). Even visiting churches and

charity work is more regularly narrated not in the female, but in the male version (P. Ross, “Twa Scots”, etc.).

As for the American female characters, they were not found in the texts we examined. There are few exceptions (for example, “Anne Brock” by H. McCulloch). It is significant, however, that in this rare case the author does not find anything specifically “American” in his heroine. Before us is the sentimental image of a fragile woman-flower who died from the savageness not even of the polar climate of the United States, but of the cruelty of the human world in general. “<...> O thou who ever art our own! / O faint and fluttering breath! / From lip and eye and brow forever flown. / That room be made for this dread presence, Death! / Who bids both life and time stand still for thee, this day. / Forever and aye! <...>” (McCulloch, 1887: 26). And further: “<...> Of hope, love, knowledge, sorrow, and delight! / Ah! tender plant! on which has fallen the blight; / That, seeing no leaf to seize, nor flower or fruit. / Reached down and stilled the stirrings in the root! / No perfect shaft to mark a well-won goal; / No broken column for a half-run race: / Thy little hands dropped life's unwritten scroll / Upon a shaftless base!” (McCulloch, 1887: 27).

Conclusions. Of course, all of the above is only a preliminary result and requires further research, but already at this stage it allows us to draw some conclusions.

1. The main types of Scottish characters are close relatives of the lyric hero – mother, bride, wife and girlfriend.

2. In the feminist emigration discourse there are practically no American characters. This confirms the idea that American realities, the American way of life were new, not always understandable conditions for the emigrant poets, and were not so easy to accept.

3. The main artistic mean used by the authors is the idealization of female heroines, that differs them from the male heroes.

4. Thus, the image of a woman-Motherland in the Scottish emigration discourse merges with the images of women – symbols of this Motherland.

5. Among the genres that the feminist emigration discourse prefers, the leading are the genres of elegy and epitaph.

References

- Efimova, E. Sh. (2009) *Change of position and sociocultural status of the middle-class women in Great Britain in 1870-1920*, Ph.D. Thesis, Tomsk, Russia. (In Russian)
- Ignatyeva, A.V. (2008) *Evolution of the image of Russian woman in the creative works of V.G. Rasputin*, Ph.D. Thesis, Surgut, Russia. (In Russian)
- Kaplan, G. (1972). *The image of woman in the poetry of W.B. Yeats (1865-1939)*, University of Cape Town. (In English)
- Karginova, S.N. (2006) *Evolution of the image of woman–mountain-dweller in Ossetia's literature*, Ph.D. Thesis, Vladikavkaz, Russia. (In Russian)
- Khayrullina, D.M. (2005) *The image of woman in Russian and Tatar literature of 1890-1917*, Ph.D. Thesis, Ufa, Russia. (In Russian)
- Kuznetsova, V.A. (2012) *The image of woman as gender stereotype in British artistic discourse*, Ph.D. Thesis, Rostov-na-Donu, Russia. (In Russian)
- Novikova, M.A., Velilaeva, L.R. (2018). *Writer's biography as intergender and intertext (problem statement)*, Materialy II Vserossijskoj nauchno-praktich. Konferencii, *Perevodcheskij diskurs: mezhdistsiplinarnyj podkhod* [Translation discourse: an interdisciplinary approach], Simferopol, Russia, 414–419. (In Russian)
- Sivova, O.V. (2002). *The image of woman in the poetry of Silver century*, Ph.D. Thesis, Saransk, Russia. (In Russian)
- Stepanova, O. Yu. (2005). *Women's education in the USA*, Ph.D. Thesis, Stavropol, Russia. (In Russian)
- Scotland's bloody moon: An Anthology of Scottish poetry (from the XIIIth till the 19th c.)* (2007), SONAT, Krymskij Arkhiv, Simferopol, Russia. (In Russian)
- Balfour, G. (1903) *The educational systems of Great Britain and Ireland*, At the Clarendon Press, Oxford. (In English)
- Black, G.F. (1921). *Scotland's mark on America*, Scottish section of America's making, New York. (In English)
- Carruthers, G. (2009). *Scottish literature*, Edinburgh University Press, Edinburgh. (In English)
- Davies, E. (1896). *Women in the universities of England and Scotland*, Macmillan and Bowes, Cambridge. (In English)
- Henderson, D.M. (1888). *Poems, Scottish and American*, Cushings and Bailey, Baltimore. (In English)
- Hunter, W. W., Hance, E. M. Crawford, E., Magnus, Ph., MacCarthy, E. F. M. (1891). *State education for people*, George Routledge and sons, Ltd., London. (In English)
- Kennedy, J. (1920). *The Scottish and American poems of James Kennedy*, J.S. Ogilvie Publishing Co., New York. (In English)
- Lindsay, M. (1977). *History of Scottish literature*, Robert Hale, London. (In English)
- MacCulloch, H. (1887). *From dawn to dusk*, J.B. Lippincott Company, Philadelphia. (In English)
- McCallum, D.C. (1870). *The water-mill and other poems*, Brooklyn. (In English)
- Modern Scottish Poets with biographical and critical notices* (1883), in D.H. Edwards (ed.), D.H. Edwards, Brechin. (In English)
- Ross, J.D. (1897). *A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices*, Walter W. Reid, Publishers, New York, 33-215. (In English)
- Ross, J.D. (1889). *Scottish Poets in America with biographical and critical notices*, Pagan&Ross, Publishers, New York. (In English)
- Scots and Scots' descendants in America* (1917). in D. MacDougall (ed.), Caledonian Publishing Company, New York. (In English)
- Scott, T. (1976). *The Penguin book of Scottish Verse*, Penguin, London. (In English)
- Smith, J.C. (1912). *Some Characteristics of Scots Literature*, Horace Hart, Oxford. (In English)
- The Edinburgh History of Scottish Literature. Enlightenment, Britain and Empire* (2007), in Brown I., Clancy O., Manning S. (ed.), Edinburgh University Press. (In English)
- The History of Scottish Literature* (1989), in R.D.S. Jack, Cairns Craig (ed.), Aberdeen University Press, Aberdeen. (In English)
- The Norton Anthology of English Literature* (1993), in Abrams M.H. (ed.), W.W. Norton&Company, New York. (In English)
- Thomas, M.C. (1899). *Education of women*, J.B. Lyon Company, New York. (In English)
- Yu, L. Z., & Alhartani, N. A. (2018). *The Image of Women in The Poetry of Mahmoud Darwish*, *International Journal of Humanities*,

Philosophy and Language, 1(3), 1-10. (In English)

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Велилаева Лилия Раимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Крымского инженерно-педагогического университета.

Lilia Raimovna Velilaeva, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of English Philology, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University.

УДК 811.11-112

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-13

Трегубова Ю.А.

**Лексические особенности американского юридического триллера
(на материале романов Джона Гришэма)**

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина,
ул. Коммунаров, д. 28.1, г. Елец, Липецкая область, 399770, Россия

E-mail: tregubova@elsu.ru

ORCID iD: 0000-0002-0864-4543

Статья поступила 11 мая 2021 г.; принята 22 июня 2021 г.; опубликована 30 июня 2021 г.

Аннотация. Научная статья посвящена изучению лексической специфики романов современного американского литературного жанра «юридический триллер». Исследование проведено на материале произведений «The Client», «The Confession» и «A Time to Kill» американского писателя Джона Гришэма, который считается основоположником данного жанра. Очевидно, произведения жанра юридического триллера отличаются набором лексики, отражающим специфику данного литературного направления. Актуальность темы данного исследования обусловлена тем, что автор проводит комплексное исследование жанрообразующего вокабуляра романов Д. Гришэма, не останавливаясь на одном конкретном лексическом феномене. Объектом исследования послужил вокабуляр языка романов Джона Гришэма в жанре американского юридического триллера, а предметом – его жанрообразующие лексические особенности. В исследовании поставлена цель – провести лингвистический анализ языка художественной литературы жанра юридического триллера и определить специфику жанрообразующей лексики. Автор приводит примеры отражения лексической специфики жанра в языке исследуемых романов. В статье определяются основные лексические единицы, характерные для языка юридического триллера: сленгизмы, специальная юридическая терминология, антропонимическая и топонимическая лексика, отражающая специфику юридической системы США. Сделан вывод о том, какие лексические единицы американского английского определяют своеобразие произведений литературного жанра «юридический триллер».

Ключевые слова: Современная американская литература, Юридический триллер; Джон Гришэм; Юридическая терминология; Антропонимы; Лексическое своеобразие; Сленг

Информация для цитирования: Трегубова Ю. А. Лексические особенности американского юридического триллера (на материале романов Джона Гришэма) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т.7, №2. С. 135-145. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-13

УДК 811.11-112

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-13

Yuliya A. Tregubova

**Peculiar lexical features of the American legal thriller
(based on John Grisham's novels)**

Bunin Yelets State University
28.1 Kommunarov St., Yelets, Lipetsk region, 3990770, Russia
E-mail: tregubova@elsu.ru
ORCID iD: 0000-0002-0864-4543

Received 11 May 2021; accepted 22 June 2021; published 30 June 2021

Abstract. The article aims at the linguistic research of the peculiar lexical features of the modern American "legal thriller" literature. The linguistic material for research was sampled from the novels "The Client", "The Confession" and "A Time to kill" by the American writer John Grisham, who is considered to be the founder of this genre. Obviously, legal thriller as a genre has linguistic peculiarities typical of this literary style. Comprehensive linguistic analysis of the genre-forming vocabulary peculiar to legal thriller novels drama style, without dwelling on one specific lexical phenomenon, explains the pertinence of this research. The research focuses on the language of John Grisham's novels belonging to the genre of American "legal thriller" in order to find out, what lexemes make up the core of the legal thriller language. The study is aimed at carrying out a linguistic analysis of the language of the "legal thriller" novels for determining its peculiar vocabulary features. The author gives examples of the genre-forming vocabulary peculiarities of the modern American "legal thriller" genre as reflected in the language of the novels under study. The article defines the main lexical units which characterize the language of this genre: slang terms, special legal terminology, anthroponymic and toponymic lexical units, typical of the US legal system. The author draws conclusions about what makes up the genre-forming core of the American English legal thrillers.

Keywords: Contemporary American literature; Legal thriller; John Grisham; Legal terminology; Anthroponyms; Lexical specifics; Slang

How to cite: Tregubova, Yu. A. (2021). Peculiar lexical features of the American legal thriller (based on John Grisham's novels). *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.7 (2), 135-145, DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-13

Введение.

Произведения жанра «триллер» не ограничены четкими границами и подразделяются на ряд поджанров, среди которых: комедийный триллер, экотриллер, шпионский триллер, медицинский триллер и др. (Дьякова, 2013). Отмечается, что «деление триллера на поджанры обусловлено тематической спецификой, в остальном они соответствуют основным признакам жанра» (Дьякова, 2013: 35). Литературоведы также выделяют существование жанра «криминальный триллер» («criminal

thriller»), одним из поджанров которого принято считать «юридический триллер» (Scaggs, 2005: 108).

Литературный жанр юридического триллера прошел долгий путь развития и формирования из детектива в отдельный поджанр со значительными отличиями от триллера. Относительно новый американский «юридический триллер» как отдельный вид литературного направления появился в США в конце 80-х гг. XX века. Следует также отметить, что юридический триллер как популярный жанр современ-

ной литературы завоевывает внимание писателей и в других странах (Bratos, 2019).

Исследователи современной американской литературы отмечают, что «основоположником данного направления в современной литературе принято считать Джона Гришэма, американского писателя, юриста, политика и общественного деятеля. Гришэм – автор более 30 романов, большинство из которых являются юридическими триллерами» (Трегубова, 2017: 175). В последнее десятилетие автор отходит от своего традиционного стиля и пробует себя в других жанрах (спортивный роман, сборники рассказов и подростковый детектив).

Как отмечают исследователи творчества Д. Гришэма, «главным героем юридического триллера является юрист в контексте его профессиональной деятельности» (Агеева, 2007: 3), а «основное внимание автора, а вслед за ним, и читателя, сосредоточено не на привычных событийных рядах – установлении преступника и обстоятельств совершения преступления» (Агеева, 2007: 3), а на деталях работы судебной системы США, позволяющих читателю представить картину закулисной стороны процесса судебного разбирательства. Главной целью автора романов жанра «юридический триллер» становится отражение в художественном произведении реальных аспектов работы юридической системы США на различных ее уровнях, начиная от обязанностей рядового сотрудника полиции до работы Верховных судов страны.

Таким образом, находит свое подтверждение мнение лингвистов о том, что «хотя в основе сюжетов Гришэма и лежит преступление, его целью является более глубокое исследование работы юридической и судебной системы, нежели раскрытие самого преступления» (Агеева, 2005: 191).

Следует отметить, что творчество Джона Гришэма, в особенности «его юридическая тактика, также является компа-

сом, который направляет молодых юристов и спасает их от морального банкротства» (Owens, 2001: 1431).

Цель данной работы заключается в изучении лингвистических особенностей языка американского юридического триллера, а именно специфических лексических единиц, отличающих данный жанр от других направлений современной англоязычной литературы.

В ходе работы над исследованием были использованы сравнительно-сопоставительный метод, метод лингвостилистического анализа, структурный, семантический и количественный анализ выявленных лексических единиц. Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых, таких, как Агеева М.Г., Акатова А.А., Жогова И.Г., Кузина Е.В., Полякова Г.М., Савочкина Е.А., Сухина Е.В., Owens J.B., Sauerberg L. и др.

Исследование выполнено на материале романов Джона Гришэма «The Client» («Клиент») (1993), «A Time to Kill» («Время убивать») (1989) и «The Confession» («Признание») (2010). Оригиналы романов были изучены на предмет функционирования характерной лексики, определяющей специфику языка литературного жанра юридического триллера. Нами было отобрано и проанализировано более 1000 примеров употребления лексических единиц, составляющих жанрообразующий вокабуляр языка романов американского писателя.

Теоретический обзор. Особенности и отличительные характеристики юридического триллера как нового литературного жанра изучаются отечественными и зарубежными лингвистами более двух десятилетий. Например, юридический триллер как новый литературный жанр, его жанровые признаки, их отражение в языке перевода исследуются в ряде научных работ Савочкиной Е.А. и Жердевой О.Н. (Савочкина 2007, Савочкина 2008, Жердева, Савочкина, 2017).

Специфика отражения реалий юридической системы США, влияние языка романов жанра юридического триллера на читателя являются предметом исследования многих российских и зарубежных ученых-лингвистов (Агеева 2007, Савочкина 2008, Prantl 2009, Полякова 2016, Акатова 2019, Akobirova, Niyazov 2020). Исследователи высказывают мнение о том, что некоторые факторы, в том числе и художественная литература обычно формируют общественное мнение в отношении закона и правовых институтов больше, чем законы и сами правовые институты (Azimov, 2014).

Жанр юридического триллера изучается отечественными лингвистами на предмет использования в нем различных стилистических приемов и средств выразительности, к примеру, метафор, сравнений и эпитетов (Сухина, 2011, Жогова 2014).

Язык романов жанра юридического триллера богат лингвистическим материалом в плане отражения лингвокультурологических особенностей исполнительной системы США. Данный тезис подтверждают работы лингвистов, которые посвящены изучению национально-культурной специфики США в художественных произведениях американского писателя (Полякова 2016, Kostrub 2016, Акатова 2019, Akobirova 2020).

Исследуя романы Д. Гришэма в лингвокультурологическом аспекте, лингвисты отмечают, что их язык насыщен разнообразными неологическими феноменами, как, например, неологическими и окказиональными идиомами, неологизмами ограниченной контекстуальной семантики, случаями неологической конверсии, неологических сокращений, акронимов, усечений (Акатова, 2019).

Стилистические особенности репрезентации различных концептов («lawyer», «преступление и наказание», «преступление») в языке романов данного литературного жанра является предметом изучения в ряде работ современных лингвистов (Аб-

дыжапарова 2017, Ляшенко 2019, Сущева 2020).

Зарубежные лингвисты также не остаются в стороне от изучения литературного жанра юридического триллера и творчества Д. Гришэма (Skow 1994, Pringle 1997, White 2003, Prantl 2009, Milburn 2016, Niyazov 2020). К примеру, истории становления данного литературного жанра как самостоятельного направления в американской литературе посвящена работа Т. Уайта, в которой автор, кроме исследования художественных произведений, приводит краткий обзор истории юридического триллера как литературного жанра, а также примеры юридической терминологии, используемой писателями данного литературного направления (White, 2003). Социологический аспект профессии юриста и роль правосудия в США на материале романа Д. Гришэма «Gray Mountain» стали предметом исследования французского лингвиста Ф. Милбурна (Milburn, 2016).

Научные результаты и дискуссия. Проведенное исследование языка оригиналов романов позволяет нам утверждать, что лингвистическое разнообразие романов жанра «юридический триллер» представлено несколькими лексическими феноменами.

В романах Д. Гришэма прежде всего можно отметить разнообразие американских сленгизмов, принадлежащих к разным сферам. Так, в романе «Клиент», где главными действующими лицами являются американский подросток, представители мафии и американских силовых структур, отмечается функционирование молодежного сленга, сленга стражей порядка и представителей криминального мира. Например, «The bankruptcy lawyer was areal bozo too» сленгизм *bozo* означает «придурок, болван». В молодежном сленге слово *meathead* имеет значение «болван; тупица; дубина; остопоп; баранья башка; дурак; качок (презрительно, с намёком на низкий интеллект)»: «You're just another meathead cop, you know that, Klickman?»

(Grisham, 1993: 97). В этом предложении можно отметить юридический сленгизм *cop* – «полицейский».

В предложении «*Smoke her, and the kid won't talk to his own mother*» (Grisham, 1993: 124), глагол *smoke* – «курить» употреблен в сленге криминальных структур в значении «замочить, застрелить»: – «Замочи ее, и мальчишка побоится говорить с собственной матерью» (Гришэм, 1993: 66).

Сленгизмы, характерные для языка общения представителей юридических структур, представлены в тексте такими выражениями, как *to bug* – «установить подслушивающее устройство», *to get the needle* – «схлопотать иглу, т.е. смертельную инъекцию», *fibbies* – «агенты ФБР», *to nail* – «прижучить; прищучить; сгрести; сцапать». К примеру: «His phones were tapped. His car and house were bugged» (Grisham, 1993: 122), «If you do something stupid, you'll have a hundred fibbies all over your ass» (Grisham 1993, 230), «If he turned out to be a flake, as they strongly suspected, then Drumm would live another thirty days and then get the needle» (Grisham, 2010: 268). «That's exactly what they did, and they almost made it to their unmarked car before a heavy woman in fatigues jumped from a parked van and nailed them straight on with her Nikon» (Grisham, 1993: 272).

Тенденция к использованию сленгизмов и просторечных выражений прослеживается и в других произведениях писателя. Так, в романах «The Confession» и «A Time to Kill» в диалогах действующих лиц встречаются такие лексические единицы, как *fruitcakes* – «псих, с прибабахом», *baloney* – «лабуда, галиматья», *wacko* – «чокнутый, чиканутый», *from soup to nuts* – «сл. от начала до конца», *kinda* – «a kind of», *gotta* – «going to», *How 'bout* – «How about», *ain't* – (разг. *am not, are not, isn't* и т.д.), *screw up* – «облажаться», *fellas* – «чуваки, парни» и другие.

Другой особенностью языка романов Гришема в жанре юридического триллера является употребление юридической тер-

минологии. Юридическая лексика – это специфическая составляющая языка официально-правовых документов, сферы судопроизводства. Однако в последнее время она все более активно проникает в сферу повседневного общения людей, во многом благодаря развитию литературных жанров детектива и юридического триллера.

По мнению лингвистов, юридические термины «помогают автору в характеристике персонажей и обстановки действия, выступают в качестве фона, на котором разворачиваются описываемые события, способствуют образованию сюжета, помогают читателю яснее представлять атмосферу судебных заседаний и погрузиться в мир художественного произведения» (Лутцева, 2008: 384).

Юридическая лексика в романах Гришема представлена, в основном, специальной юридической терминологией, которой богато насыщен язык его романов. Так, например, в романе «A Time to Kill» нами отмечено 155 специфических терминов, в романе «The Confession» – 170 подобных лексических единиц, в романе «The Client» – 160 терминов.

Лингвистический анализ юридической терминологии в исследуемых романах показал, что в языке произведений присутствуют термины, различные по своей структуре, а именно, термины-слова и терминологические сочетания. Структурный анализ юридических терминов-словосочетаний позволяет нам сделать вывод о том, что в романах жанра юридического триллера наиболее распространены являются следующие терминологические элементы: однокомпонентные (термины-слова) и многокомпонентные (термины-словосочетания).

Однокомпонентные термины представлены чаще всего существительными, например, *alibi* – «алиби», *case* – «судебное дело», *bailiff* – «судебный пристав-исполнитель», *convict* – «осужденный, содержащийся под стражей», *supervisor* – «тюремный надзиратель», *murder* – «убий-

ство», *juror* – «присяжный заседатель», *verdict* – «вердикт», также глаголами – *to arrest* – «арестовать», *to rob* – «ограбить», *to summon* – «вручать приказ о явке в суд», *to be paroled* – «быть на условно-досрочном освобождении», *to execute* – «привести приговор в исполнение».

Многокомпонентные терминологические словосочетания, отмеченные нами в романах данного юридического жанра, представлены следующими структурами:

– глагольными словосочетаниями: *to serve time* – «отбывать наказание, срок», *to sign an affidavit* – «подписать письменное заявление под присягой», *to commit a crime* – «совершить преступление», *to plead guilty* – «признать себя виновным», *to give probation* – «получить условное освобождение на поруки», *to take the Fifth Amendment* – «воспользоваться Пятой поправкой к Конституции США» и др.;

– сочетанием прилагательное + существительное: *final statement* – «последнее слово осужденного», *capital murder* – «тяжкое убийство, караемое смертной казнью», *serial killer* – «серийный убийца, маньяк», *criminal record* – «досье преступника»;

– сочетанием существительное + существительное: *a law firm* – «юридическая фирма, адвокатское бюро», *death chamber* – «комната, где приводится в исполнение смертный приговор», *prison official* – «сотрудник тюремной администрации», *district attorney* – «прокурор округа», *witness chair* – «место свидетеля в суде»;

– сочетанием причастие + существительное: *registered offender* – «преступник-рецидивист», *condemned prisoner* – «преступник, приговорённый к смертной казни», *presiding judge* – «председательствующий судья», *convicted felon* – «осужденный преступник».

Термины-слова и словосочетания в романах Д. Гришэма представлены широким семантическим рядом, например:

– названиями профессий и должностей – *bailiff*, *clerk*, *prosecutor*, *lawyer*,

judge, *juror*, *attorney*, *investigator*, *paralegal*, *advocate*, *guard*, *sheriff*, *warned*, *chaplain*:

«The judge seemed satisfied. Mr. Pate laid a handwritten note on the desk» (Grisham, 1989). *A judge* – «судья»;

– названиями юридических документов – *affidavit*, *lawsuit*, *pleading*:

«I have an affidavit signed by Deputy Looney, and he states, under oath, that the man who did the shootin' was Carl Lee Haley» (Grisham, 1989). *An affidavit* – «письменное показание, подтверждённое присягой или торжественным заявлением»;

– терминами, обозначающими преступления и преступника – *kidnapping*, *rape*, *crime*, *murder*, *to kill*, *victim*, *suspect*, *killer*, *rapist*, *outlaw*;

– терминами, относящимися к устройству здания суда – *courtroom*, *defense table*, *judge's chair*, *county law library*, *bar*, *workbench*, *witness stand*, *witness room*, *holding room*, *jury box*, *witness chair*, *judge's chamber*:

«The witness room is divided by a wall to separate the victim's family from the inmate's family» (Grisham, 2010: 65). *Witness room* – «помещение для свидетелей в здании суда»;

– терминами, относящимися к процедуре рассмотрения дела в суде – *objection*, *murder trial*, *testimony*, *juror*, *under oath*, *Your Honor*, *Rise for the court*, *cross-examined*, *grand jury*, *trial*, *preliminary hearing*:

«His Honor is well aware of the charges against these two defendants, since His Honor held the preliminary hearing last Wednesday» (Grisham, 1989). *Your Honor* – «Ваша честь» (обращение к судье), *defendant* – «обвиняемый, подсудимый», *preliminary hearing* – «предварительное слушание дела»;

– терминами, относящимися к процедуре вынесения приговора – *life sentence with no parole*, *death row*, *death penalty*, *gas chamber*, *jail*, *to announce the indictments*, *execute*, *carry out the verdict*, *death chamber*, *innocent*: «Chances for an acquittal, possible defenses, was he really insane.

Things like that» (Grisham, 1989). *An acquittal* – «оправдательный вердикт»;

– терминами, относящимися к работе полиции и ФБР – *detective, police, patrol car, official police report, police car, arrest record, policemen, 911, to arrest, lieutenant, sergeant, special agent, FBI, Federal Witness Protection Program, interrogation room, Miranda rights*.

1. В романах часто встречаются названия юридических организаций судебной системы США. Поскольку литературная специфика жанра юридического триллера предполагает подробное описание процесса судопроизводства и осуществления правосудия в США, автор использует большое количество названий судов, тюрем, юридических фирм и организаций. Например, в романе «*The Confession*» встречаются более 20 названий подобных организаций: – *Kansas Department of Corrections* (Департамент исправительных учреждений штата Канзас), *the Flak Law Firm* (юридическая фирма), *the Slone City Jail* (городская тюрьма Слоун), *the Texas Board of Pardon and Paroles* (Бюро помилований и условно досрочных освобождений штата Техас), *the Ellis Unit* (Тюрьма департамента уголовного правосудия, округ Уокер, штат Техас), *the Polunsky Unit* (тюрьма в Уэст-Ливингстоне, округ Полк, штат Техас) и др.: «In the history of the *Chester County Bar Association*, no lawyer had ever been held in contempt as often as *Robbie Flack*» (Grisham, 2010: 205).

В романе «*The Client*» используется 14 названий подобных учреждений, например, *Memphis PD* (Police Department), «*Jack Nance and Associates*» (название юридической фирмы), *Shelby County Juvenile Court* (суд по делам несовершеннолетних округа Шелби, штат Теннесси), *Shelby County Justice Center* (Центр правосудия округа Шелби, штат Теннесси) и другие:

«The honorable Harry Roosevelt had presided over the *Shelby County Juvenile Court* for twenty-two years now, and despite

the dismal and depressing nature of the court's business he had conducted its affairs with a great deal of dignity» (Grisham 1993: 205).

В романе «*A Time to Kill*» упоминается 15 юридических организаций, среди которых: *the Sullivan firm* (название адвокатской конторы), *The firm of Wilbanks & Wilbanks* (название юридической фирмы), *Mississippi Supreme Court* (Верховный суд штата Миссисипи), *the Clanton Municipal Court* (суд первой инстанции г. Клэнтон, штат Алабама), *Ford County Justice Department* (Управление юстиции округа Форд, штат Техас), *Caraway Police Department* (отделение полиции г. Каравай, штат Арканзас), *Memphis Federal Court* (Федеральный Суд г. Мемфис, штат Теннесси) и другие.

2. В романах много имен, обозначающих юридические лица по признаку их положения в юридической системе: *Detective Kerber, Dr. Hinze, Judge Grale, Attorney Robbie Flack, Chief Justice Milton Prudlowe, Govenor Gill Newton, Warden Jeter, Deputy Looney, Assistant Dean, Sheriff Walls, Deputy US Marshall Duboski, US Attorney Roy Foltrigg* и др. В текстах всех трех изучаемых романов Д. Гришема отмечено более 40 подобных лексических единиц, употреблявшихся с различной частотностью. К примеру, в романах «*The Confession*» и «*A Time to Kill*» отмечены по 14 лексических единиц в каждом, а в романе «*The Client*» – 18 единиц.

Большое количество действующих лиц в романах данного литературного жанра дает нам возможность отметить такую лингвистическую особенность, как широкое использование Д. Гришэмом антропонимов – в каждом из исследуемых произведений нами отмечено более ста таких лексических единиц. Среди антропонимов встречаются имена и фамилии людей, а также клички и прозвища: *Mo The Bull* (в пер. – Мо Бык), *Trip Thomas* (в пер. – Томас-путешественник), *Mole Moeller* (в пер. – Моль Мюллер), *Slick Moeller* (в пер. – Слик Мюллер с пояснением пере-

водчика, что «Слик» в переводе с английского означает «ловкач»), *Barry The Blade Muldanno* (в пер. – Барри Нож Мальданно), *Mouse, Hairspray Day* (Брайан «Лак для волос» Дэй, прозвище директора службы новостей Брайана Дея, отличавшегося неумеренным пристрастием к лаку для волос), *Buck* (прозвище одного из действующих лиц, от сл. «стремиться к успеху любой ценой; добиваться, драться»), *the Monk* (Монах).

Заключение. Таким образом, лингвистическое своеобразие языка жанра юридического триллера определяется целым рядом особенностей, которые включают в себя не только лингвистические явления, но и специфический вокабуляр. Романы жанра юридического триллера – это не просто художественные произведения, основой сюжета которых является раскрытие преступления. Более глубокое, всестороннее описание юридической и судебной системы США предполагает функционирование определенных лингвистических особенностей языка данного жанра, которые выражаются, в том числе, и в использовании целого набора определенных лексических средств.

Результаты нашего исследования позволяют сделать вывод о том, что юридическому триллеру Д. Гришэма присущи некоторые характерные жанрообразующие лексические особенности, к которым мы относим: сленг, разговорную лексику, профессиональную юридическую лексику (представленную сочетанием официальной и сленговой юридической терминологии), названия юридических учреждений США, имена, называющие лица по признаку их положения в юридической системе и антропонимы.

Количественный анализ изученного вокабуляра романов Д. Гришэма показывает, что указанные выше лексические особенности присущи языку каждого из исследуемых произведений. К примеру, в романе «*The Client*» профессиональная юридическая лексика составляет 41 % от изученных единиц вокабуляра, антропо-

нимы составляют 26 % изученных единиц, сленгизмы и просторечия – 25 %, имена, называющие лица по признаку их положения в юридической системе, – 5%, названия юридических учреждений США – 3%. В романе «*The Confession*» профессиональная юридическая лексика составляет 48%, антропонимы – 30%, сленгизмы и просторечия – 12 %, названия юридических учреждений США – 6%, имена, называющие лица по признаку их положения в юридической системе – 4 %. В романе «*A Time to Kill*» профессиональная юридическая лексика составляет 49 %, антропонимы – 29 %, сленгизмы и просторечия – 15 %, имена, называющие лица по признаку их положения в юридической системе – 4 %, названия юридических учреждений США – 3 %.

Обобщенный статистический анализ изученных лексических единиц в языке трех романов Д. Гришэма позволяет сделать вывод о том, что доминирующей основой жанрообразующей лексической составляющей языка юридического триллера является профессиональная юридическая терминология американского английского. Данный пласт лексики составляет почти половину (46 %) изученного вокабуляра романов. К менее частотному пласту жанрообразующей лексики романов можно отнести антропонимы, которые составляют 27 %, сленгизмы и разговорную лексику – 19 %, названия юридических учреждений США и имена, называющие лица по признаку их положения в юридической системе – 8 %.

Таким образом, можно утверждать, что отмеченные выше особенности вокабуляра романов являются инвариантом, который повторяется с той или иной степенью частотности в произведениях Д. Гришэма в жанре юридического триллера, определяя, таким образом, его лексическое своеобразие.

Список литературы

Абдыжапарова М.И., Федосова Т.В. Актуализация концепта *lawyer* в произведениях

Джона Гришэма: базовые концептуальные признаки // Филология и человек. 2017. № 1. С. 58-75.

Агеева М.Г. Юридический триллер в языковой подготовке студентов-юристов (на примере романов Джона Гришэма) // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2005. № 1. С. 187-191.

Агеева М.Г. Человек и система в юридическом триллере Джона Гришэма // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2007. № 2. С. 3-12.

Акатова А.А. Романы Джона Гришэма как источник лингвокультурной информации: неологический аспект // В сборнике: Языки и культуры. материалы международной научно-практической конференции. Костромской государственный университет, Гуманитарный институт Северо-Восточного педагогического университета. 2019. С. 23-31.

Гришем Д. Клиент / пер. Т. Матц. М.: АСТ, 2017. 437 с.

Гришем Д. Признание. АСТ, Астрель, Полиграфиздат. 2011. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=145957&p=1> (дата обращения 19.03.2021)

Дьякова Т.В. Характеристика жанра "триллер" и его поджанры // *Lingua mobilis*. 2013. № 5 (44). С. 32-36.

Жердева О.Н., Савочкина Е.А. Деривационное моделирование жанра (на примере юридического триллера) // Сибирский филологический журнал. 2017. № 2. С. 123-135. DOI: 10.17223/18137083/59/9

Жогова И.Г., Кузина Е.В. Языковые средства создания атмосферы напряжения в произведениях жанра триллер (на примере романов Дж. Гришэма и М. Стюарт) // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6 (49). С. 361-363.

Лутцева М.В. К проекту частотного словаря юридических терминов из произведений Дж. Гришэма // ЛИЧНОСТЬ. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. 2008. Т. 10. № 1 (40). С. 379-386.

Ляшенко Н.А. Особенности репрезентации концепта "преступление" в произведениях Джона Гришэма // В сборнике: Магия ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике. сборник научных трудов. 2019. С. 289-295.

Полякова Г.М. Лингвокультурыемы исполнительной системы США в художественной литературе // В сборнике: Язык: категории, функции, речевое действие. материалы девя-

той научной конференции с международным участием: в 3 частях. 2016. С. 127-129.

Савочкина Е.А. Лингвоэвокационное исследование литературно-художественного жанра юридического триллера (на материале романа J. Grisham "The Runaway Jury" и его перевода на русский язык): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007. 20 с.

Савочкина Е.А. Литературно-художественный жанр юридического триллера: лингвистическое обоснование // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2007. Т. 6. № 2. С. 57-61.

Савочкина Е.А. Речевые жанры судебного разбирательства и их отражение в юридическом триллере // Юрислингвистика. 2008. № 9. С. 109-113.

Сухина Е.В. Спортивная и игровая метафоры в тексте американского юридического триллера и особенности их передачи на русский язык // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 4. С. 178-183.

Сущева О.Н. Стилистические особенности репрезентации концепта «преступление и наказание» в произведениях Дж. Гришэма // В сборнике: Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития. сборник научных трудов. Краснодар, 2020. С. 127-134.

Трегубова Ю.А. Перевод антропонимов в современном американском юридическом триллере (на примере романа Д. Гришэма "Клиент") // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3-2 (69). С. 175-177.

Akobirova S., Niyazov R. Reality of American social life in the novels of John Grisham // International Journal of Psychosocial Rehabilitation. 2020. Т. 24. № S1. С. 701-712. DOI: 10.37200/IJPR/V24SP1/PR201210

Asimow, Michael, Kathryn Brown and David Ray Papke (eds.). Law and Popular Culture: International Perspectives. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2014. 425 p.

Bratos F. Ignorantia juris non excusat: The trial and the affirmation of the Italian legal thriller // Forum Italicum: A Journal of Italian Studies. 2019. DOI: 10.1177/0014585819831644

Grisham John. A time to kill. 1989. URL: https://royallib.com/book/Grisham_John/A_time_to_kill.html (дата обращения 21.03.2021)

Grisham John. The Client. New York, 1993. 422 p.

Grisham John. The Confession. New York, 2010. 418 p.

Kostrub E.V. John Grisham's novels and the American pursuit of justice // В сборнике: Writing Identity: The Construction of National Identity in American Literature. Сборник материалов международного круглого стола по проблемам репрезентации национальной идентичности в литературных текстах. Московский городской педагогический университет; [Факультет языкознания и литературоведения, университет г. Байройт (Германия)]; сост. и отв. ред. К.М. Баранова; под науч. ред. М. Штеппата, Н.В. Морженковой. Москва, 2016. С. 26-31.

Milburn P. John Grisham, romancier et analyste de la profession d'avocat et de la justice aux USA. Les Cahiers de la Justice. 2016. Vol. 4. № 4. Pp. 713-726. DOI <https://doi.org/10.3917/cdlj.1604.0713>

Niyazov R.T. Observations of literary critics to initial oeuvre of John Grisham's novels. International Journal of Scientific and Technology Research. 2020. Vol. 9, Issue 1. Pp. 4353-4357.

Owens J.B. Grisham's legal tales: a moral compass for the young lawyer // UCLA Law Review. 2001. Vol. 48. № 6. P. 1431.

Prantl P. The Jury as a Means of Equity in John Grisham's A Time to Kill. Legal Narratives. 2009. Pp. 175-194. DOI https://doi.org/10.1007/978-3-211-92818-9_9

Pringle M.B. John Grisham: A Critical Companion. Critical Companion to Popular Contemporary Writers. Greenwood Press. 1997. 160 p.

Sauerberg Lars Ole. The Legal Thriller from Gardner to Grisham. London, 2016. 199 p.

Scaggs J. Crime fiction. Routledge, 2005. 169 p.

Skow J. A time to kill? Time. 1994. T. 143. № 25. C. 62.

White T. Justice Denoted: The Legal Thriller in American, British, and Continental Courtroom Literature. Westport, CT : Praeger, 2003. 560 p.

References

Abdyzhaparova, M.I., Fedosova, T.V. (2017). Actualization of the concept lawyer in John Grisham's works: basic conceptual features, *Filologija i chelovek*, 1, 58-75. (In Russian)

Ageyeva, M.G. (2005). Legal thrillers for law students (on the example on John Grisham's

novels), *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija Ekonomika i pravo*, 1, 187-191. (In Russian)

Ageyeva, M.G. (2007). Person versus the system of justice in John Grisham's legal thrillers, *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija Istorija i filologija*, 2, 3-12. (In Russian)

Akatova, A.A. (2019). John Grisham's novels as a source of linguo-cultural information: a neological aspect, *Jazyki i kul'tury. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Kostromskoj gosudarstvennyj universitet, Gumanitarnyj institut Severo-Vostochnogo pedagogicheskogo universiteta*, 23-31. (In Russian)

Grisham, D. (2017). *Client* [The Client], ACT, Moscow, Russia. (In Russian)

Grisham, D. (2011). *Priznanie* [The Confession], ACT, Astrel', Poligrafizdat, available at: <https://www.litmir.me/br/?b=145957&p=1> (Accessed 19 March 2021). (In Russian)

D'jakova, T.V. (2013). Characteristics of a thriller and its subjengers, *Lingua mobilis*, 5 (44), 32-36. (In Russian)

Zherdeva, O.N., Savochkina, E.A. (2017). Derivative modelling of genre (on the example of a legal triller), *Sibirskij filologicheskij zhurnal*, 2, 123-135. DOI: 10.17223/18137083/59/9 (In Russian)

Zhogova, I.G., Kuzina, Ye.V. (2014). The linguistic means of creating suspense in a thriller novel (with regards to novels by J. Grisham and M. Stewart), *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 6 (49), 361-363. (In Russian)

Lutceva, M.V. (2008). To the project of frequency dictionary of legal terms from the works of J. Grisham, *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, 10, 1 (40), 379-386. (In Russian)

Lyashenko, N.A. (2019). Specific features of representation of the concept "crime" in John Grisham's novels, *Magija INNO: integrativnye tendencii v lingvistike i lingvodidaktike sbornik nauchnyh trudov*, 289-295. (In Russian)

Polyakova, G.M. (2016). Linguocultures of the US executive system in fiction, *Jazyk: kategorii, funkcii, rechevoe dejstvie. materialy devjatoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*, 127-129. (In Russian)

Savochkina, Ye. A. (2007). A linguo-evocative study of the literary and artistic genre of a legal thriller (based on the novel by J. Grisham "The Runaway Jury" and its translation into Russian), Abstract of Cand. Thesis, Barnaul, Russia. (In Russian)

Savochkina, Ye. A. (2007). Literary and artistic genre of legal thriller: linguistic rationale, *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologija*, 6 (2), 57-61. (In Russian)

Savochkina, Ye. A. (2008). Speech genres of litigation and their reflection in a legal thriller, *Jurislingvistika*, 9, 109-113. (In Russian)

Sukhina, Ye.V. (2011). Sports and game metaphors in the text of the American legal thriller and the features of their transfer into Russian language, *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*. № 4. 178-183. (In Russian)

Sushcheva, O.N. (2020). Stylistic features of the representation of the concept "crime and punishment" in works of J. Grisham, *Filologicheskie nauki v XXI veke: aktual'nost', mnogopoljarnost', perspektivy razvitija*, 127-134. (In Russian)

Tregubova, Y.A. (2017). Anthroponym translation in the modern American legal thriller (by the example of the novel by G. Grisham "The Client"), *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 3-2 (69), 75-177. (In Russian)

Akobirova, S., Niyazov, R. (2020). Reality of American social life in the novels of John Grisham, *International Journal of Psychosocial Rehabilitation*, 24 (S1), 701-712, DOI: 10.37200/IJPR/V24SP1/PR201210 (In English)

Asimow, Michael, Kathryn Brown and David Ray Papke (2014). *Law and Popular Culture: International Perspectives*, Cambridge Scholars Publishing, Newcastle upon Tyne. (In English)

Bratos, F. (2019). Ignorantia juris non excusat: The trial and the affirmation of the Italian legal thriller, *Forum Italicum: A Journal of Italian Studies*, DOI: 10.1177/0014585819831644 (In English)

Grisham, J. (1989). *A time to kill*, available at: https://royallib.com/book/Grisham_John/A_time_to_kill.html (Accessed 21 March 2021). (In English)

Grisham, John (1993). *The Client*, New York, USA. (In English)

Grisham, John (2010). *The Confession*, New York, USA. (In English)

Kostrub, E.V. (2016). John Grisham's novels and the American pursuit of justice, *Writing Identity: The Construction of National Identity in American Literature*, Moscow, Russia, 26-31. (In English)

Milburn, P. (2016). John Grisham, romancier et analyste de la profession d'avocat et de la justice aux USA, *Les Cahiers de la Justice*, 4 (4), 713-726, available at: <https://doi.org/10.3917/cdlj.1604.0713> (Accessed 21 March 2021). (In French)

Niyazov, R.T. (2020). Observations of literary critics to initial oeuvre of John Grisham's novels, *International Journal of Scientific and Technology Research*, 9 (1), 4353-4357. (In English)

Owens, J.B. (2001). Grisham's legal tales: a moral compass for the young lawyer, *UCLA Law Review*, 48, (6), 1431. (In English)

Prantl, P. (2009). The Jury as a Means of Equity in John Grisham's *A Time to Kill*, *Legal Narratives*, 175-194, available at: https://doi.org/10.1007/978-3-211-92818-9_9 (Accessed 21 March 2021). (In English)

Pringle, M.B. (1997). *John Grisham: A Critical Companion. Critical Companion to Popular Contemporary Writers*, Greenwood Press. (In English)

Sauerberg, Lars Ole. (2016). *The Legal Thriller from Gardner to Grisham*, London, UK. (In English)

Scaggs, J. (2005). *Crime fiction*. Routledge. (In English)

Skow, J. (1994). *A time to kill?* *Time*, 143, 25, 62. (In English)

White, T. (2003). *Justice Denoted: The Legal Thriller in American, British, and Continental Courtroom Literature*, CT: Praeger, Westport. (In English)

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Трегубова Юлия Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков и перевода ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

Yuliya Alekseevna Tregubova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Languages and Translation, Bunin Yelets State University.